А. ЮЛДАШЕВ

# АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в Туркестане

(конец XIX — начало XX вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»
ТАШКЕНТ—1969

9(С52)
Ю31

Монография А. М. Юлдашева «Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.)» раскрывает эволюцию кризиса дехканского хозяйства, изменения, происшедшие в кишлаке под воздействием, с одной стороны, военно-феодального империализма, с другой — империализма капиталистического, социально-экономические предпосылки Октябрьской революции в крае, обеспечившей восприятие идей Советской власти основной массой дехканства, бесповоротно вставшей на сторону революции.

Книга рассчитана на работников исторического фронта и широкую научную общественность.

*Ответственный редактор на общественных началах академик АН УзССР К. Е. ЖИТОВ.*

**Юлдашев, А. М.**
Аграрные отношения в Туркестане. (Конец XIX — начало XX вв.) (Отв. ред. К. Е. Житов). Т., «Узбекистан», 1970.
256 с. с табл.

**9(С52)**

1-6-4
1970

## ВВЕДЕНИЕ

Решения XX, XXII и XXIII съездов Коммунистической партии Советского Союза открыли перед работниками общественных наук широкие перспективы для глубокого изучения истории нашей Родины. Одна из важнейших задач советских ученых — научная разработка особенностей зарождения и развития революционно-освободительного движения в колониальных окраинах царской России, в том числе и в Средней Азии. Всесоюзное совещание историков указывало на острую необходимость «последовательно вскрыть как колонизаторскую, реакционную политику русского царизма, так и прогрессивное значение слияний национальных крестьянских выступлений на окраинах с пролетарским движением в России»[1].

Как видно, вопрос о прогрессивных последствиях присоединения Средней Азии к России заключается, главным образом, «в слиянии национальных крестьянских выступлений на окраинах с пролетарским движением в России». Раскрытие колониальной политики царизма и русской буржуазии, выявление прогрессивных тенденций в таких колониальных окраинах, каким являлся Туркестан, возможно только путем всестороннего изучения эволюции аграрных отношений, выявления

[1] Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. М., изд-во «Наука», 1964, стр. 28.

своеобразия этого развития, то есть тех внутренних предпосылок, которые были подготовлены всем ходом исторического развития народов Туркестана, связавших свою судьбу с самым передовым отрядом мирового революционного движения — русским рабочим классом, осуществившим исторический штурм капиталистической и колониальной твердыни и открывшим новую эру в развитии человечества — эру крушения капитализма и колониализма, эру становления социализма.

Изучение эволюции аграрных отношений в Туркестане началось еще в дореволюционные годы и получило свое отражение в специальных агрономических и сельскохозяйственных журналах, в публикациях отдельных брошюр и работ, изданиях материалов правительственных ревизий, отчетов отдельных сановников, в разное время инспектировавших Туркестан. При всем разнообразии их объединяло одно: стремление всеми правдами и неправдами обелить реакционную политику метрополии и определить максимальные возможности повышения доходности сельскохозяйственного производства в целях получения наибольших прибылей. Нет надобности говорить о том, что методология, да и в значительной части и методика не имели ничего общего с марксизмом и научными принципами исследования конкретного статистико-экономического материала. Более того, отношение официальной литературы к нуждам и потребностям непосредственных производителей материальных благ — дехкан — не выходило за рамки общих рассуждений и паллиативов. Даже такой официальный орган, как «Туркестанское сельское хозяйство», в одном из номеров за 1907 год в заметке от редакции отмечал: «аграрно-экономическое отношение не усложняется сословной враждой... клич земля и воля в смысле сопряженного требования дополнительного наделения землей и политического освобождения чужд главной массе населения»[1].

Естественно, что анализ социальной структуры и процессов, происходящих в сельском хозяйстве, не мог не

[1] Журнал «Туркестанское сельское хозяйство», 1907, № 1. К сожалению, подобные настроения проявлялись у некоторых советских историков и экономистов. В частности, на инертность и аполитичность дехканских масс неоднократно указывал, например, А. П. Демидов.



занимать какое-либо место в указанных работах. В советский период было сделано многое для научной разработки истории аграрных отношений Туркестана в колониальный период. Достаточно указать на работы В. И. Юферева[1], А. Асаткина[2], А. П. Демидова[3], П. Г. Галузо[4], В. Лаврентьева[5], Е. Зелькиной[6], А. К. Силонова[7], Д. Д. Кастельской[8] и других. Они были выполнены, главным образом, в 20—30-е годы в условиях острой дискуссии о путях социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства в целях выяснения вопроса о том, в какой степени в дооктябрьский период были подготовлены условия для осуществления строительства социализма в Туркестане. Главным аспектом дискуссии был вопрос о степени развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений, об уровне развития капитализма в Средней Азии, от правильного разрешения которого зависел комплекс очень важных проблем, таких, например, как характер крестьянских движений, формирование наций и, наконец, степень социально-экономической и политической зрелости народов Туркестана; говоря коротко, социально-экономические предпосылки Октябрьской революции в Узбекистане. Некоторые историки в целом недооценивали уровень развития капитализма, другие же чрезмерно преувеличивали степень развития капиталистических отношений. Наиболее рельефно это различие прослеживается в работах П. Г. Галузо «Туркестан — колония» и В. Лаврентьева «Капитализм в Туркестане». Уже сами названия говорят о противопо-

[1] *В. И. Юферев.* Хлопководство в Туркестане, М., 1925. Он же, Справочная книжка по хлопководству в СССР, М., 1925.

[2] *А. Асаткин.* Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики, Ташкент, 1921.

[3] *А. П. Демидов.* Экономические очерки хлопководства и хлопковой торговли и промышленности Туркестана, М., 1926.

[4] *П. Г. Галузо.* Туркестан — колония, Ташкент, 1926.

[5] *В. Лаврентьев.* Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии), Л., 1930.

[6] *Е. Зелькина.* Очерки по аграрному вопросу Средней Азии, М., 1930.

[7] *А. К. Силонов.* К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии, Ташкент, 1926.

[8] *Д. Д. Кастельская.* Восстание 1916 г. в Узбекистане, Ташкент, 1937. *Ее же.* Основные предпосылки дехканского движения в 1916 г., Ташкент, 1937.

ложных позициях авторов. «Российский империализм,— писал П. Г. Галузо,— в своем стремлении монополизировать источник сырья, стремился всячески развивать хлопководство в Средней Азии, но в то же время, проникая все дальше и дальше в Туркестан — колонию, он все теснее и теснее смыкался с той системой хищнической торговли, ростовщической и... крепостнической эксплуатацией хлопкороба, какая царила и развивалась в Средней Азии в более раннюю эпоху». И далее: «Никаких принципиальных изменений в эту систему он не вносил и не мог внести»[1].

Такой вывод привел автора к заключению о том, что присоединение Средней Азии к России, якобы было не актом капиталистической промышленной экспансии, а лишь торгово-ростовщической. Естественно, что при таком предвзятом подходе не остается места для выявления тех изменений, которые произвел российский капитализм (а потом и капиталистический империализм) в развитии узбекского кишлака и эволюции аграрных отношений.

К заслуге П. Г. Галузо необходимо отнести то, что, исследуя в начале 30-х годов историю колониальной политики царизма, он исходил из теории о преобладании в России военно-феодального империализма и наличии империализма новейшего типа — капиталистического империализма, вскрыв заключенный в них смысл, вытекающий из ленинской теории империализма, понимая царизм как военно-феодальный империализм, а империализм — как новейшую монополистическую стадию развития капиталистического способа производства.

Однако подходя с правильных методологических позиций, П. Г. Галузо по существу отмежевался от самим же поставленных отправных пунктов, а именно — анализа капиталистического империализма, объясняя все перипетии, происходившие в социально-экономическом развитии колониального Туркестана, только через деятельность военно-феодального империализма. Автор приходит вольно или невольно к ложному выводу о том, что если Туркестан был бы в руках «передового» финансового капитала, например английского или германского, то здесь развитие пошло бы иначе, был бы возможен

[1] *П. Г. Галузо.* «Туркестан — колония», стр. 137.



экономический прогресс. «Россия,— писал П. Г. Галузо,— ...сидела в Туркестане, словно собака на сене (ни себе, ни другим). Сама не могла использовать достаточно край «вследствие недостаточно развившейся русской предприимчивости» и иностранцев не пускает, ибо, с государственной точки зрения, выгодно поддержание доктрины — Туркестан — для русских. Туркестан, таким образом, страдал не только оттого, что был колонией и был подвержен интенсивной колониальной эксплуатации, он страдал также еще и потому, что он был колонией отсталой страны — России. Тот незначительный прилив капиталов, который имел все же место в изучаемый период, почти целиком был приливом иностранного капитала»[1]. Здесь П. Г. Галузо, по сути дела, отрицает наличие самостоятельной системы русского капиталистического империализма и объективно становится сторонником концепции о полуколониальной зависимости России от западноевропейского капитала, механически перенося это положение и на Туркестан. По существу, если П. Г. Галузо, сделал значительный шаг вперед в понимании вопроса о соотношении военно-феодального и капиталистического империализма в России, то в оценке роли империализма буквально воспроизвел в утрированном виде главный вывод сторонников концепций денационализации российского капитализма, отрицавших наличие в России самостоятельной системы монополистического капитализма. Естественно, это привело автора к искаженному изображению предпосылок Октябрьской революции 1917 года в Узбекистане и такого важного явления, как дифференциация и обострение борьбы в узбекском кишлаке.

В. Лаврентьев пришел к совершенно противоположному выводу, который нашел свое концентрированное выражение в следующих строках: «Российский капитализм, проникший в Туркестан, бурно вторгался во все поры хозяйства края, вдребезги разбивал ограниченные рамки замкнутого полунатурального хозяйства и расчищал пути для всеобщего распространения капиталистического способа производства, переделывая край по своему (капиталистическому — *А. Ю.*) образу и подобию, и самобытная азиатская экономика интенсивно

[1] *П. Г. Галузо.* «Туркестан — колония», стр. 138.

перестраивалась по капиталистическому образцу»[1]. Подвергая суровой и справедливой критике П. Г. Галузо, который недооценивал степень проникновения капиталистических отношений в узбекский кишлак, В. Лаврентьев ударился в другую крайность, видя не только в крупных, но даже хозяйствах середняцких исключительно капиталистические предприятия, чрезмерно преувеличивая степень капиталистического развития сельского хозяйства Туркестана, наделяя его чертами, которыми в действительности оно не обладало. Вместе с тем к заслуге Лаврентьева надо отнести то, что им одним из первых так широко, так смело были выдвинуты проблемы, связанные с господством в Туркестане не только военно-феодального, но и капиталистического империализма. «Особенное внимание мы уделили анализу социальной природы фирм и банков, которые оперировали в Туркестане, равно как и связей между ними, без такого анализа невозможна объективная характеристика буржуазной колонизации»[2]. Однако рассмотренная нами выше ошибочная концепция автора в совокупности со скудностью архивного материала, располагаемого им, не дали возможности с правильных научных позиций осветить один из важнейших процессов, оказывавших все более решающее влияние на развитие всего народного хозяйства Туркестана и ее основной отрасли — хлопководства.

Из монографических работ этого периода обращает на себя внимание содержательная книга Е. Зелькиной «Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии», в которой автор сжато характеризует земельные отношения накануне присоединения, в колониальный период и накануне земельно-водной реформы. «Автор,—пишет в предисловии Е. Зелькина,—прекрасно отдает себе отчет в том, что ему ни в какой степени не удалось разрешить этих проблем (развития капитализма в сельском хозяйстве Средней Азии — *А. Ю.*). Каждая из них требует самостоятельных исследований. В лучшем случае, в данной работе удалось правильно поставить эти проблемы»[3]. Действительно, в небольшой по объему брошюре

[1] *В. Лаврентьев.* Капитализм в Туркестане, стр. 41, 120, и др.
[2] Там же, стр. 5.
[3] *Е. Зелькина.* Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, стр. 6.



невозможно было сколько-нибудь обстоятельно рассмотреть особенности аграрного вопроса на такой огромной территории, каким был среднеазиатский район. Поэтому многие важные проблемы остались вне поля зрения автора, а по некоторым из них выводы аргументированы недостаточно убедительно. Стремление Е. Зелькиной раскрыть так называемую «азиатскую деспотию», поиски несуществующего азиатского способа производства не дали никаких положительных результатов. В основном вопросе — степени проникновения капитализма в сельское хозяйство, несмотря на ряд ценных наблюдений, автор остался на тех же позициях, на которых стоял П. Г. Галузо, хотя ряд его положений она не разделяла.

Характерной чертой работ указанной группы историков является совершенно недостаточный анализ дехканского хозяйства как основной и определяющей клеточки экономического организма Туркестана, копирование данных дореволюционной статистики, механическое перенесение процессов, происходивших в России, на туркестанскую почву, стремление основывать свои выводы не на конкретно-историческом анализе всей совокупности условий, а подчас на явлениях частных, нехарактерных, нетипичных, что приводило к однобокому толкованию отдельных событий.

В плане нашей работы большой интерес представляет исследование А. П. Демидова «Экономические очерки ...»[1], посвященные изучению «промышленного хлопководства». Автор рассматривает более или менее полно основные аспекты производства и реализации хлопка. Книге предпослано предисловие профессора В. Я. Железнова, в котором он дает следующую оценку исследованию: «Попытка осветить условия туркестанского хлопководства с такой широкой точки зрения составляет крупную заслугу автора».

Однако все содержание работы А. П. Демидова в целом выполнено не с позиций марксизма-ленинизма, что наиболее рельефно прослеживается в объяснении автором эволюции парцеллярного дехканского хозяйст-

[1] *А. П. Демидов.* Экономические очерки хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана, М., 1922, стр. 80—81.

ва. «Географическая ограниченность,— пишет А. П. Демидов,—распространения хлопка ... играет в движении его цены **главенствующую роль**. Цена зависит от стоимости производства и определяется соотношением спроса и предложения. Низкая цена на хлопок сопровождалась бы и низкой стоимостью его производства. Хлопководство в Туркестане — самая интенсивная из всех культур. Это обстоятельство имеет колоссальное значение для развития хлопковой культуры в крае. Обращаясь к Туркестану, можно сказать, что наиболее сильное стремление к культуре хлопчатника существовало и будет в дальнейшем существовать у малоземельных хозяйств. Движение мелких хозяйств в сторону хлопководства диктуется глубокими экономическими причинами. Хозяйственный принцип — наименьшая затрата должна дать наивысший эффект — есть единственная и неотразимая сила в этом движении. При наличии этих двух условий земельной необеспеченности, с одной стороны, и больших трудовых расходов при обработке земли, с другой, всякий дехканин стремился к самому целесообразному использованию своего надела. Последнее достигалось применением или трудно интенсивных культур или наивысшими трудовыми затратами обычных растений путем их тщательной обработки»[1]. Далее А. П. Демидов отмечает, что «...внутренние причины туркестанского хозяйства, связанные с парцеллярностью владений, и возможности повышения трудоинтенсивности хлопковой культуры, были могущественным средством развития хлопководства в мелких хозяйствах... Парцеллярность владений выступает как фактор развития хлопководства». Аргументируется этот фактор тем, что якобы «...мелкое хозяйство введением интенсивной хлопковой культуры могло использовать в собственных границах излишки своей рабочей силы и обеспечить продовольствование семьи»[2].

Это положение А. П. Демидова является лейтмотивом всей его книги, проходит красной нитью через все главы и разделы работы и служит одним из основных ее выводов. Наиболее ясно, в неприкрытом виде свою точку зрения автор излагает так: «Сильное стремление хлопка к

[1] *А. П. Демидов.* Указ. работа, стр. 79—81.
[2] Там же, стр. 83.



реализации кроется в его экономической природе, когда он, будучи продуктом сельского хозяйства, обладал резко выраженными свойствами продуктов промышленного производства»[1]. Здесь все поставлено с ног на голову и в сущности ошибочно трактуется генезис товарного производства вообще и теория реализации в частности: демидовская трактовка не объясняет ни первого, ни второго. Происходит одушевление хлопка, который обладает «сильным стремлением к реализации» и, вывод, что это стремление «кроется в его экономической природе». Резонно поставить вопрос, почему несмотря на то, что хлопчатник, который культивировался в Средней Азии с древнейших времен, вплоть до начала XX века, не проявил своего стремления к реализации, так «сильно присущей его экономической природе?» На субъективизм некоторых теоретиков в изучении земельных отношений указывал еще К. Маркс. При исследовании генезиса капиталистической земельной ренты он подчеркивал: **«Признать, что своим появлением рента на капитал, вложенный в** земледелие, обязана особому действию самой сферы приложения, свойствами, принадлежащими земной коре как таковой, это значило бы отказаться от стоимости, следовательно, **отказаться от всякой возможности научного познания в этой области»**[2]. Далее он подчеркивал, что «...относительную дороговизну земледельческого продукта объяснять избытком естественной производительности земледельческой промышленности над производительностью других отраслей промышленности нельзя, **так как напротив** того, чем производительный труд, тем дешевле каждая составная часть его продукта, потому что тем больше масса потребительной стоимости, в котором представлено то же количество труда, следовательно, та же стоимость»[3]. К. Маркс совершенно ясно говорил, что только кажется, что «...будто рента возникает не из цены земледельческого продукта, а из массы продукта (или из «характера» или «экономической природы» продукта — *А. Ю.*) следовательно, не из общественных отношений, а из земли». Из концепции А. П. Демидова невозможно объяснить ни генезис стоимости, и по сути дела эксплуатацию дехкан

[1] *А. П. Демидов.* Указ. работа, стр. 190.
[2] *К. Маркс,* «Капитал», т. 3, стр. 795—796.
[3] Там же, стр. 800.

или, как говорит К. Маркс, выпадает «...принуждение, превращающее возможность в действительность».

Таким образом, А. П. Демидов всю работу построил на ошибочных положениях, рассматривая все изменения в хлопководстве, хлопкоторговле, хлопковой промышленности через призму «концепции», основу которой составляет «экономическая природа» хлопка и ее «сильное» стремление к реализации, интенсивность хлопководства, способствующая удержанию или занятости в этой отрасли сельского хозяйства значительной массы населения. Налицо гиперболизация парцеллярного хозяйства как фактора развития хлопководства. Автором преданы забвению основные начала марксистско-ленинского определения развития торговли, товарного хозяйства, проникновение промышленного капитала, эволюция земельно-водных отношений в хлопководческих хозяйствах под воздействием экономики метрополии, втягивание колониальной экономики в оборот мирового капиталистического хозяйства.

Следует в этой связи отметить, что проблемы развития текстильной и хлопчатобумажной промышленности, удовлетворения ее потребностей в основном сырье рассматриваются автором в конце книги, причем эта глава не раскрывает острых проблем хлопково-сырьевой базы метрополии.

А. П. Демидов, по нашему мнению, ошибочно полагал, что главным стимулом в развитии «промышленного хлопководства», первопричиной его роста являлась структура самого дехканского хозяйства, в недрах которого, якобы, были заложены потенциальные силы, которые вырывались наружу в начале XX в. Между тем, В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» и других своих работах четко определил исходные позиции развития производительных сил колонии, полностью подчиненной интересам метрополии, путем втягивания первой в кругооборот мирового капиталистического хозяйства. Развиваться без воздействия метрополии, без подчинения интересам монополистических воротил ни одна национальная окраина России была не в состоянии, и Туркестан не составлял в этом отношении исключения. Интересно, что тот же профессор В. Железнов, который дал высокую оценку работе А. П. Демидова и рекомендовал ее читателям, не разделял основной концепции автора: «Вторжение... капи-



талистических отношений не могло не привести к формированию производства хлопка... Этот процесс развивался не непосредственно большим интересам самого населения,— пишет В. Железнов,— а давлением извне, сложностью кредитных отношений, опутавших и закабалявших мелкого земледельца —«дехкана», заставлявших его действовать по властному указанию кредитора в ущерб своему настоящему положению и еще больше будущему».

Нельзя не видеть за методологической несостоятельностью указанных выше работ, их достоинств.

Во-первых, эти работы ценны тем, что они были выполнены по «горячим» следам событий, их авторы были или непосредственными свидетелями, или близко стояли к людям, которые хорошо знакомы с условиями жизни и деятельности местных народов и превосходно ориентировались в явлениях и событиях, которые явились впоследствии предметом пристального изучения. В них, как в зеркале, отразились слабые и сильные стороны исследовательской мысли того времени: груз старых досоветских методов и новое революционное течение, стремление внести свой посильный вклад в практическое решение проблем и явно недостаточная марксистская подготовка.

Во-вторых, указанные работы представляли, по существу, первую попытку научного исследования колониального периода истории Узбекистана. Они вобрали в себя всю имеющуюся в то время в наличии историко-экономическую, статистико-этнографическую литературу и представляли первую попытку обработки и систематизации огромного фактического материала, выполненного, главным образом, дореволюционной историографией. Поэтому они составили основной фонд фактического материала, впервые введенного в научный оборот уже советскими исследователями. Они важны еще и потому, что оказали свое влияние на все последующее развитие исторической науки в Узбекистане.

Аграрная проблема не могла не волновать исследователей Средней Азии. Несмотря на многочисленность и многообразие подготовленных работ, они не могли дать правильное научное объяснение этой важной проблеме.

Отдельные авторы видели путь разрешения аграрного вопроса в ликвидации существующих форм землевла-

дения, другие — в ликвидации малоземелья, сведя его до положения сугубо «крестьянского», «дехканского» вопроса. Была и третья группа, которая видела выход в улучшении агрокультуры, введении в сельское хозяйство новой техники с тем, чтобы изменить материально-технические условия дехканского хозяйства.

В 1942 году была выполнена крупная монографическая работа Е. В. Бунакова «Развитие капитализма в Узбекистане»[1]. Несмотря на обилие фактического материала, он в своих выводах, по сути дела, повторил рассмотренный нами выше тезис В. Лаврентьева.

Достаточно указать хотя бы на тот факт, что Е. В. Бунаков многие черты и проявления мелкотоварного производства зачислил в разряд капиталистических, на основе чего сделан вывод о господстве капиталистических отношений в колониальном Узбекистане.

Итоги научно-исследовательских работ о развитии Средней Азии и Казахстана в колониальный период подвела научная сессия, состоявшаяся в Ташкенте в 1954 году. Казалось бы, что такой важный вопрос, как определение уровня развития капиталистических отношений, должен был найти ответ, однако у большинства участников конференции сложилось убеждение о зрелости экономической общности народов Средней Азии, в то время, как приводимые ими же факты и аргументы говорили об обратном. Конференция вынуждена была констатировать, что «...историки и экономисты национальных республик ... провели совершенно недостаточную исследовательскую работу в части выявления развития капиталистических и товарно-денежных отношений и изменения экономики страны под воздействием капиталистической России»[2]. Таким образом, даже такой авторитетный форум историков не решил этой задачи.

Только после создания Советов по истории Октябрьской революции и по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» по существу началось более полное исследование предыстории Октябрьской революции. «Следует отметить,— читаем мы в одном из документов,— отставание в конкретном историческом изучении аграрного вопроса в период империализма. Работа в этой области ведется крайне неравномерно. Почти не изучены социально-экономические процессы в деревне в начале XX в. Для сельского хозяйства периода империализма характерны дальнейшие сдвиги в специализации и размещении ведущих отраслей по отдельным районам страны. Многие вопросы, связанные с классовым расслоением крестьянства, в должной мере не разрабатываются. Аграрная политика царского правительства в период империализма изучена недостаточно, обобщающих же работ по аграрной политике царизма в эпоху империализма нет. При определении задач, стоящих перед историками в области исследования социально-экономической истории России в период империализма, приходится считаться с невозможностью охватить в ближайшее время все вопросы и необходимостью сосредоточить внимание на наиболее важных проблемах, нуждающихся в первоочередной разработке. К их числу следует отнести: колонии и полуколонии царской России в системе российского империализма»[1].

Своеобразный итог о первых результатах работы Совета по проблемам «Исторические предпосылки...» был подведен на двух Всесоюзных совещаниях, посвященных особенностям аграрных отношений в России в период империализма[2] и рассмотрению особенностей империализма в России.

На этих совещаниях были подведены итоги исследований наиболее кардинальных вопросов социально-экономического развития России периода империализма. Большинство докладов впоследствии было опубликовано как результаты многолетних исследований. Среди

---

[1] *Е. В. Бунаков.* «Развитие капитализма в Узбекистане». Ташкент, 1942. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук хранится в рукописном фонде Института истории и археологии АН УзССР.

[2] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, изд-во АН УзССР, Ташкент, 1955, стр. 5.



[1] Вопросы советской науки. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958, стр. 9—11.

[2] Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии Научного Совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960 г. М., 1962.

них необходимо отметить работы С. М. Дубровского[1], А. М. Анфимова[2], А. Л. Сидорова[3], П. В. Волобуева[4], И. Ф. Гиндина[5] и других.

«Основным итогом обсуждения на сессии проблемы военно-феодального империализма следует считать вывод о необходимости разграничения военно-феодального и капиталистического империализма в России. Сплошной анализ ленинских текстов не оставляет никаких сомнений в том, что термин «военно-феодальный империализм» применялся В. И. Лениным только для характеристики политической надстройки России, то есть царизма, его внутренней, внешней и колониальной политики. Уяснение этого положения привело, с одной стороны, к выводу о том, что нельзя понятие «военно-феодальный империализм» использовать для характеристики особенностей монополистического капитализма в России, ибо логически это ведет к преуменьшению и даже отрицанию наличия в России капиталистического империализма новейшего типа. С другой стороны, восстановление ленинского понимания военно-феодального империализма **заставило пересмотреть и некоторые проблемы экономического и социально-политического развития колониальных и полуколониальных окраин царской России, где имелось переплетение методов эксплуатации и ограбления, типичных для империализма с военно-феодальными методами.** (Здесь и далее подчеркнуто автором — *А. Ю.*). На сессии,—читаем мы далее,—были подвергнуты острой критике имевшие место в исторической литературе отступления от ленинской методологии при оценке положения национальных окраин Российской империи. Эти отступления состояли в приглаживании действительности, в частности, **в одностороннем освещении экономических связей колоний и метрополии, когда объективная сторона процесса (рост капитализма вширь) отрывалась от его насильственных форм, в преувеличении результатов экономического развития окраин и недооценке тормозящего действия, оказываемого аграрной военно-колонизационной политикой царского правительства»**[1].

Таковы выводы совещания и, соответственно, вытекающие из них основные направления в развитии исторической науки по изучению российского империализма, с которыми нельзя не согласиться.

Указанные работы и материалы сыграли важную роль в активизации исследований периода империализма в республиках Средней Азии. В 1960—1965 годы были опубликованы монографии Ц. Л. Фридмана[2], М. П. Вяткина[3], П. Г. Галузо[4]. В коллективных монографиях определенное место отводится социально-экономическим предпосылкам Октябрьской революции[5] в качестве специальных разделов.

Период от XX до XXIII съездов КПСС и последующие годы характеризуются значительной активизацией научно-исследовательской работы. Вышли в свет

---

[1] *Дубровский С. М.* К вопросу об уровне капитализма в России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма, М., 1962; *Его же,* Особенности аграрного строя России в период империализма, М., 1962; *Его же,* Столыпинская земельная реформа. М., 1963.

[2] *Анфимов А. М.* В. И. Ленин о характере аграрных отношений в России в начале XX в., М., 1960; *Его же,* Земельная аренда в России в начале XX в., М., 1961; *Его же,* Российская деревня в годы первой мировой войны, М., Соцэкгиз, 1962; *Его же,* Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны, М.—Л., «Наука», 1965.

[3] *Сидоров А. Л.* Документы по истории монополистического капитализма в России, М., 1959; *Его же,* Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы, М., 1963; *Его же,* В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме. Сб. «Об особенностях империализма в России», М., 1963, и др.

[4] *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства, М., 1962.

[5] *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892), М., 1960; *Его же,* Московские банки в период империализма (1900—1917 гг.), «Исторические записки», т. 58 и другие статьи, посвященные изучению банковских монополий. Исторический обзор занял бы очень много места. Наша задача в известной степени облегчается выходом в свет работы *К. Н. Тарновского* «Советская историография российского империализма», на которую мы и отсылаем читателя.



[1] Об особенностях империализма в России, изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 9—10.

[2] *Фридман Ц. Л.* Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане, Алма-Ата, 1960.

[3] *Вяткин М. П.* Монополистический капитал в Средней Азии, Фрунзе, 1962.

[4] *Галузо П. Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1907—1914 гг., Алма-Ата, 1965.

[5] См. «История Узбекской ССР», т. III, Ташкент, 1968 г., а также «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», Ташкент, 1967.

монографические исследования М. Г. Вахабова[1] А. М. Аминова[2], Г. Н. Непесова[3], С. И. Ильясова[4], В. Я. Непомнина[5], Х. Т. Турсунова[6], Р. Х. Аминовой[7], А. П. Савицкого[8], Б. Сулейманова[9], А. С. Садыкова[10], К. Е. Житова[11], А. В. Пясковского[12], В. П. Харина[13], Х. Ш. Иноятова[14], а также ряд кандидатских диссертаций[15], в которых раскрываются отдельные стороны аграрных отношений и эволюция этих отношений в Туркестане.

В перечисленных трудах, посвященных истории Октябрьской революции в Узбекистане, постепенно, во все расширяющихся объемах увеличиваются разделы, посвященные социально-экономическим предпосылкам,

[1] *Вахабов М. Г.* Ташкент в период трех революций. Ташкент, 1957.

[2] *Аминов А. М.* Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), Ташкент, 1959.

[3] *Непесов Г. Н.* Из истории Хорезмской революции. Ташкент, 1962.

[4] *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963.

[5] *Непомнин В. Я.* Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917—1937). Ташкент, 1960.

[6] *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1963.

[7] *Аминова Р.* Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.). Ташкент, 1963; *Ее же,* «Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу», Ташкент, 1965.

[8] *Савицкий А. П.* Поземельный вопрос в Туркестане. Самарканд, 1963.

[9] *Сулейманов Б.* Аграрные отношения на юге Казахстана, Алма-Ата, 1965.

[10] *Садыков А. С.* Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX веков. Ташкент, 1965.

[11] *Житов К. Е.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, изд-во АН УзССР, Ташкент, 1957.

[12] *Пясковский А. В.* Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958.

[13] *Харин В. П.* Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане, изд-во САГУ, Ташкент, 1958 (Труды САГУ, новая серия, выпуск 131, исторические науки, книга 26).

[14] *Иноятов Х. Ш.* Октябрьская революция в Узбекистане, Ташкент, 1958.

[15] *Кошчанов А.* Из истории аграрных отношений в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX вв. Ташкент, 1966; *Кубатова И. А.* Из истории развития хлопковой промышленности и формирования пролетариата в дореволюционном Узбекистане (1880—1917), Ташкент, 1964; *Хакимова К. З.* Крестьянское движение в Бухарском ханстве последней трети XIX в., Ташкент, 1965; *Гинзбург А. И.* Переселенческий вопрос в Туркестане, Ташкент, 1966.



более подробному исследованию подвергаются процессы развития хлопководства, классовая дифференциация в кишлаке, рост товарно-денежного обращения. Однако, как правило, главными вопросами остаются революционная деятельность Российской социал-демократической партии, главным объектом — политическая деятельность революционных организаций, возникновение и начальный этап коммунистического движения, специфика его на колониальной окраине, которая только вступила на путь капиталистического развития и не прошла стадии промышленного капитализма; раскрывается великая интернациональная миссия революционного пролетариата, сумевшего под водительством большевиков найти путь к сердцу угнетенных народов Узбекистана и стать их руководителем в великой борьбе за освобождение от социального и национального гнета. Между тем, рассмотрение социального положения народов Узбекистана, степени их политической сознательности и экономической подготовленности не менее важны, чем указанные выше вопросы, так как без правильного учета внутреннего положения колонии невозможно выработать и правильную тактику революционной борьбы в специфических условиях окраины. Нет нужды доказывать, для этого необходимо исследование социального и экономического положения трудящихся колониального Узбекистана, основную массу которого составляло дехканство, которое за этот период претерпело серьезные изменения, без учета которых невозможно понять потенциальные революционные возможности дехканства.

Наш краткий исторический очерк показывает прежде всего, что внимание историков было сосредоточено, главным образом, на анализе формирования рабочего класса, особенно из местных национальностей, наиболее опытную, организованную, идейно закаленную прослойку, основу которой составляли представители русского социал-демократического движения, из среды которых вышли видные деятели социалистического строительства Узбекистана. Никто не может отрицать или принижать историческую роль рабочего класса, как главной силы, наиболее решительной и до конца последовательной, на которую история возложила задачу ликвидации военно-феодального империализма и капитализма.

Однако умаление значения той массы, из которой рекрутировался рабочий класс, было также неоправданным. Речь не идет об умалении роли дехканства в политическом отношении, делать это было бы нелепо. Речь идет о том, что изучению эволюции дехканства, сложным и подчас противоречивым процессам дифференциации и классового расслоения не придавалось того большого значения, которого оно по праву заслуживает.

Второе замечание, тесно связанное с первым, заключается в том, что советские историки не уделяли достаточного внимания исследованию влияния капиталистического империализма, на эволюцию аграрных отношений. Ее воздействие на дехканское хозяйство не отрицалось, но нередко влияние это не аргументировалось, а носило по преимуществу декларативный характер. Конкретные формы экономического давления, рычаги эксплуатации дехканства, присущие капиталистическому империализму, как правило, отсутствовали. Примером подобного анализа является характеристика социально-экономического развития Средней Азии, данная в новом и по своему оригинальном исследовании, каким является «История коммунистических организаций Средней Азии»[1]. Первая глава содержит анализ колониальной политики военно-феодального империализма, то есть царизма, но в ней нет достаточного анализа проникновения в край капиталистического империализма. Вот образец: «Вся полнота власти принадлежала царской военной администрации. Сельский административный аппарат подбирался из представителей местной эксплуататорской верхушки. Местное население облагалось тяжелыми налогами и царские чиновники безнаказанно издевались над ним, вымогали взятки, взимали незаконные поборы». И ничего о капиталистическом империализме. Парадоксально, но факт, что нет ни единого слова о деятельности в Туркестане русских коммерческих банков, которые в период империализма превратились во всесильных монополистов, прибравших к своим рукам основную часть сырьевых богатств обширного края. Как можно не учитывать этого важнейшего социально-экономического фактора, несомненно

[1] История коммунистических организаций в Средней Азии. Ташкент, 1967, стр. 15.



усиливающего эксплуатацию крестьянства Узбекистана, в свою очередь повлекшего за собой усиление и без того непомерного гнета трудящихся и оказавшего определенное влияние на формирование политической сознательности дехканства.

Краткий обзор литературы дает возможность сделать следующие выводы.

Несмотря на большое значение аграрного вопроса, научное рассмотрение его не явилось предметом специального исследования. Многочисленные литературные источники освещали обычно (попутно с другими вопросами) отдельные стороны этого сложнейшего социально-экономического явления, ограничиваясь, как правило, рассмотрением влияния налогово-податного пресса, получения наибольшего количества хлопка, гигантского по своим масштабам и карликового по своим возможностям плана создания «нового Туркестана», наконец, различных аспектов колонизации окраин и возможностей переселенческого фонда.

В 20—30-е годы предпринимались попытки рассмотреть аграрные отношения. Однако отсутствие достаточной архивной документальной базы, недостаточная марксистская подготовка специалистов историков-аграрников, груз старых дореволюционных, буржуазных, особенно мелкобуржуазных взглядов и представлений, тяготевших над ними, не дали возможности научно рассмотреть эволюцию аграрных отношений в Узбекистане.

Стремление к изучению отечественной истории преимущественно советского времени оказало определенное тормозящее влияние на рассмотрение важнейших процессов, происходивших в дооктябрьский период, особенно на разработку проблем колониального периода. Острие исследований было направлено **вширь**, а не вглубь, то есть на научную разработку **общих**, уже доказанных (и к сожалению в разных вариантах неоднократно пересказанных), а не **коренных решающих проблем**, затрагивающих всю совокупность социально-экономической структуры общества, связанных с решением судеб громадного большинства населения.

При несомненных успехах общественных наук в Узбекистане, в том числе исторической и историко-партийной, историки-аграрники, занимающиеся дореволюционным периодом, оказались в большом долгу перед

советскими читателями не только в сравнении с разработкой аналогичных вопросов в масштабе страны, но и в сравнении с такими республиками, как Казахстан, Киргизия и другие.

Настоящая работа не исчерпывает всего комплекса исследования аграрной проблемы и ограничена следующими рамками:

исследование охватывает территорию не всего Туркестана, а только тех районов, которые впоследствии вошли в Узбекскую Советскую Социалистическую Республику, то есть всю Ферганскую область (без Ошского уезда), Ташкентский уезд Сырдарьинской области, всю Самаркандскую область. Бухарское и Хивинское ханства не являются предметом нашего изучения и отчасти рассматриваются для сравнительной характеристики с указанными районами Узбекистана;

основным объектом исследования являются оседлые районы как с древним по происхождению орошением, так и районы более позднего освоения, но уже с устоявшейся системой ведения земледельческого хозяйства. Кочевые районы специально не затрагиваются ввиду, того, что этот вопрос в определенной степени разработан в Казахстане, Киргизии и Туркмении и вследствие незначительного удельного веса кочевых хозяйств в районах, избранных темой нашего изучения. Достаточно указать, что в Ферганской области, например, из 2 026 770 человек оседлого населения кочевников было 123 285, то есть немногим более 5%. В Ташкентском уезде соответственно 436 285 и 17 016. В Самаркандской области удельный вес кочевых хозяйств был несколько выше: при 725 195 оседлых 93 179 кочевников. Основная масса кочевников приходилось на Джизакский уезд.

Данная работа основана на анализе, главным образом, хлопковых хозяйств и хлопководства в целом. Это вызвано тем, что в рассматриваемый период Туркестан представлял хлопковый сырьевой придаток метрополии, производство хлопка играло ведущую роль и хлопководство было превращено в отрасль, подчинившую себе все прочие отрасли, всю хозяйственную жизнь. Поэтому анализ хлопкового хозяйства дает возможность проследить основные изменения в аграрных отношениях и более глубоко раскрыть главную тенденцию в эволюции дехканского хозяйства в целом.

*Глава I*

## АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОЕКТАХ ПОЗЕМЕЛЬНОГО УСТРОЙСТВА И «ПОЛОЖЕНИИ ОБ УПРАВЛЕНИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ 1886 года

Для того чтобы у читателя не создалось неправильного представления об изменениях, которые произошли в аграрной политике царизма в Туркестане, автор счел необходимым основному содержанию данной главы предпослать следующие замечания:

1. Нами рассматривается политика царизма, главным образом, путем изучения законодательства по аграрным вопросам, среди которых решающее место занимает земельный вопрос. Законодательства, связанные с имущественными отношениями вообще, не рассматриваются, так как они являются предметом специального исследования.

По существу основным и, пожалуй, единственным законодательным актом по аграрному вопросу было «Положение об управлении Туркестанского края» (1886 г.), определившее основные принципы всей аграрной политики царизма на весь предоктябрьский период (до 1917 г.). В связи с этим главное внимание уделяется обстоятельствам, связанным с подготовкой «Положения...», обстоятельному изложению установлений, имеющих отношение к аграрному вопросу. Многочисленные законопроекты отражали в той или иной степени только оттенки аграрной политики, не ставили задачи сколько-нибудь принципиального, коренного изменения или дополнения «Положения...» и как не имеющие юридической силы оставались только проектами. Подобные проекты нами рассматриваются только в той части, в

какой они помогают объяснить частичные изменения, внесенные в «Положение» после его издания.

Начало поземельному устройству присоединенного края было положено в 1868 году, когда туркестанский генерал-губернатор К. Л. Кауфман поручил М. Н. Николаеву «определить существующие права на землю местного оседлого и кочевого населения с выяснением вопроса, какими поземельными правами должно пользоваться правительство». М. Н. Николаеву предписывалось: «Для правильного гражданского устройства необходимо, чтобы в **основание** будущей административной деятельности были положены твердые правила относительно поземельных прав всех и каждого, которые должны быть **уяснены** после **зрелого и серьезного размышления**. С другой стороны, невозможность для правительства пользоваться принадлежащими ему землями вследствие того, что поземельные права не определены и не выяснены, не позволяет распространить и устраивать русские поселения»[1].

Таким образом, в самом начале деятельности генерал-губернаторства первой комиссии было указано на то, что необходимо, во-первых, определить «твердые правила относительно поземельных прав всех и каждого» и конечно с учетом интересов царского правительства в каждом отдельном случае решить порядок взаимоотношений с местным населением; во-вторых, указано на необходимость уяснения основных положений только при условии «зрелого и «серьезного размышления». Значит, речь шла о совершенно определенных намерениях царизма в отношении поземельного устройства местного оседлого и кочевого населения; в-третьих, указано на определение возможностей русской колонизации и устройство поселений на «принадлежащих» царскому правительству землях.

Смысл и содержание приведенного документа несколько расходится с утверждением авторов «Истории Узбекской ССР», что «в первые годы присоединения Средней Азии царское правительство, в общем, сравнительно мало интересовалось внутренними условиями жизни местного населения». И далее: «Как известно, царские власти долгое время не вмешивались в земельные отно-

[1] ЦГИА Уз, ф. 1, оп. 14, д. 9, л. 1.



шения местного населения и сохранили **почти в неприкосновенности** действующую при ханах систему налогов». Авторы пишут, что царизм в первые годы был озабочен «прежде всего ее (Средней Азии — *А. Ю.*) административно-территориальным устройством, созданием соответствующего колониального аппарата управления»[1].

Это противоречит истории и практике колониальных захватов. Известно, что помимо захвата, создания органов управления на местах, завоеватель, прежде всего, должен был найти силу, которая стала бы его опорой, он, как правило, должен создать эту опору на месте, в завоеванной среде. Как же царизм мог упрочить свое положение, не вмешиваясь в земельные отношения, которые составляли основу среднеазиатских владений и от решения которых во многом зависели позиции колониальной администрации?

Между тем необходимость проведения землеустройства по указанному выше соображению была выдвинута уже в проекте первой комиссии высшей власти в Туркестане. Прямой интерес царизма к поземельному устройству уже в первые годы после присоединения Средней Азии к России станет очевидным, если ознакомиться с рекомендациями, которые были выдвинуты «комиссией Николаева»:

1. Все земли, как городские, так и сельские, как обработанные, так и необработанные, в силу прав эмира Бухарского и хана Кокандского, перешедшие к русскому правительству, есть собственность государственная, кроме земель, владельцы коих имеют документы на полное потомственное владение своими участками, по праву мулька[2].

2. Все такие земли оставляются в пользовании тех лиц, кои пользовались ими ранее, и если бы государству встретилась надобность в этих землях, то жителям обеспечивается вознаграждение за них по состоянию строений, садов и обработке земель, если бы хозяева пожелали сдать вместе с землей свои дома и сады.

3. Все, пользующиеся землей от государства, обязаны были бы платить за свои земли не принадлежащие к разряду земель ушри или десятинных, а к разряду хераджных земель, $^1/_5$ часть произведений в казну, но взамен сей законной подати облагаются русским правительством вдвое меньшим хераджем, только $^1/_{10}$ части

[1] История Узбекской ССР, т. II, Ташкент, 1956, стр. 46—47.

[2] Вотчинные земли.

произведений и танапом, применяясь к существовавшему порядку, т. е. по сортам произведений.

4. Все земли, находящиеся на праве мулька, в силу мусульманского права, обязаны иметь и предъявить документы за печатями хана или эмира и засвидетельствованными казы, но с документов этих, по мусульманскому законодательству, должны быть копии в казначействах и архивах хана и эмира, в противном случае земли эти за недостатком доказательств должны быть причислены к разряду земель амляк, т. е. облагаемым наименьшим в государстве хераджем. Имея в виду, что херадж уменьшен наполовину и установлен для земель в одинаковом размере, все земли мульк причисляются к разряду земель амляк и облагаются податями хераджной в $^1/_{10}$ часть или танапной по существующему порядку.

5. Все земли вакуфные остаются в пользовании учреждений и лиц, кои ими пользовались на тех основаниях, на коих состояли ныне, но учреждения и лица, ими пользующиеся, обязываются немедленно представить документы, на основании коих пользуются землями, а также счеты и книги доходов и расходов по сим землям и сведения о количестве земель для разбора и утверждения прав на них русскими правительственными властями.

6. Если окажется, что частные лица дозволяют причислить вакуфные земли, теперь в вакуфах не состоящих, то такие земли берутся в казну без вознаграждения, раздаются по усмотрению начальства или отдаются тем, кои о подлоге донесут.

7. Не подлежат оплате хераджем или танапом только земли, признанные окончательно собственностью частных лиц русским правительством с выдачей данных из областного правления, а также освобожденные по высочайшему повелению в г. Туркестане от подателей Шейх-уль-Ислам и лица обоих колен, потомкам Хозрета Ясави-Аздер и Кабык, но они обязывают предъявить где, какие и каких размеров состоят в их пользовании земли как в черте города, так и за стенами оного.

8. В видах прочного устройства городов: Туркестана, Чимкента, Аулие-Ата, Токмака, Ташкента, Чиназа, Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака и обеспечения городским жителям их домашней оседлости, все земли, состоящие в стенах сих городов под домами и садами, предоставляются в полную потомственную собственность, пользующиеся ими ныне, а земли пустопорожние, в стенах городов незастроенные домами и садами, предоставляются в собственность городов, в распоряжение хозяйственных управлений их. На все эти земли, по прошениям частных лиц или по представлениям хозяйственных управлений, выдаются из Областных правлений данные на установленной гербовой бумаге. Доход с земель, находящихся в стенах городов, в казну не взимается, но представляется хозяйственным управлениям взыскать с них поземельную подать в пользу городского капитала для улучшения городов, построения мостовых, содержания в чистоте улиц, устройства освещения и пр. Кроме того, в пользовании городов, собственно для пастьбы скота, будут от правительства отведены выгоны, по мере действительной надобности.

9. Все, пользующиеся землями вне черты городов, т. е. сельскими землями, обязаны предъявить в надлежащие хозяйственные управления, где и сколько у них земель состоит в пользовании под домами, садами и под различными посевами с обозначениями



меры русскими саженями по всем сторонам. Хозяйственные управления по сбору сведений печатают их на местном наречии. Списки вывешиваются на площадях, улицах и т. д.

10. Если кто-либо из пользующихся от государства землями скроет их или уменьшит их количество, или вообще будет стремиться обмануть власти, то по открытии его земли отбираются обратно в казну без вознаграждения. Если же о подлоге или скрытии будет объявлено начальству частным лицом, то земля поступает в пользование донесшего.

11. Так как поземельная подать херадж уменьшена в пользу казны наполовину, то в видах воспособления и развития земледелия, устройства новых больших систем орошений, а также для уплаты за земли, отходящие обратно в казну для государственных потребностей, учреждается особый земледельческий капитал, при сборе $^1/_{20}$ части произведений со всех земель обработанных, кроме городских. Сбор этот производится вместе с хераджем, но в государственную казну не поступает, а образуется из него в каждом уезде особый капитал, составляющий общественную принадлежность всех занимающихся земледелием. Капитал расходуется по мере надобности, по постановлениям и просьбам общественных хозяйственных управлений края, с утверждением главного начальника края, а также по его личному усмотрению.

12. Хераджный и танапный сбор могут быть заменены денежной постоянной податью, по ценам, соразмерным для каждого уезда или местности и утверждаемым периодически главным начальником края. Сбор в земледельческий капитал будет собираться по соразмерности, вполовину против хераджного сбора.

К сожалению, концепция авторов «Истории Узбекской ССР» не получила объективной оценки в обстоятельной работе А. М. Аминова. Наоборот, в ней получил поддержку тезис о том, что первый период после завоевания характеризуется, якобы, невмешательством царизма во внутреннюю жизнь населения завоеванного края: «...правительство, сознавая все экономическое значение Туркестана, официально постановлением Комитета министров 11 июля 1867 г. заявило, что оно воздерживается от непосредственного вмешательства в вопросы внутренней жизни края, поскольку таковые касались лишь ее экономической стороны, оставляя в своем ведении лишь область государственной политики»[1].

Если исходить из документа первого туркестанского генерал-губернатора, относящегося к 7 сентября 1867 года[2], то он позволяет сделать следующие выводы:

[1] *А. М. Аминов.* Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), Ташкент, 1959, стр. 87.

[2] Проект всеподданнейшего отчета К. Л. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства от 7 сентября 1867 г.

1. Земли Туркестанского края объявлялись государственными, но закреплялись за лицами, которые фактически их обрабатывали.

2. Вакуфные земли оставлялись в прежнем состоянии и одновременно допускалось изъятие их в пользу государства.

3. Все привилегии частнособственнического землевладения через налогово-податную систему приравнивались к обычным формам землевладения.

Можно было предположить, что А. М. Аминов приводит документ от 11 июля в порядке констатации. Однако автор пишет следующее: «В первые годы после установления своей власти в крае царское правительство совершенно не вмешивалось в эту область — местное землепользование, водопользование и водное управление»[1]. Так что это не случайная формулировка или частное положение. Принимая во внимание, что рассуждения, которые ведутся после этого утверждения, упираются в анализ положения 1886 года, можно предположить, что «первые годы» — понятие весьма растяжимое. Как известно, один из знатоков истории Туркестана периода присоединения Н. Терентьев писал в 1874 году: «Враждебной нам (имеется в виду колониальная власть в Туркстане — *А. Ю.*) земельной аристократии нанесен был удар — организационная комиссия Аму-Дарьинского отдела из 9203 дес. вакуфной и мульковой земли признала только 587 дес. вакуфных и 1210 дес. мульковых, пожалованных государем Матниязу за услуги, оказанные им русскому правительству в 1873 г.». Следует добавить к этому, что еще в записке степной комиссии «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства» (1867 г.) указывается, что в области местного управления комиссия «находит необходимым с самого начала принять меры к устранению некоторых вредных для наших целей интересов туземных порядков и к установлению других более для нас выгодных, как, например: к устранению родового начала, всегда ведущего к образованию вредной для нас туземной аристократии, к установлению выборного начала и тому подобное».

[1] А. М. Аминов. Указ. работа, стр. 86.



Авторы этого документа считали обязательными выборы аксакалов (старшин) в оседлых районах при непременном условии — избрания на определенный срок, поскольку неопределенность срока могла привести к фактической несменяемости и «приобретению ими политического влияния».

Нам хотелось бы обратить внимание читателя на одну весьма важную деталь, которая проливает свет на оценку «высочайшего повеления» от 11 июля 1867 года. Ревизия Гирса, которая и по времени и по компетентности наиболее близка к событиям, о которых идет речь, дает следующую характеристику: «При введении временного Положения 1867 г. в Сыр-Дарьинской области генерал-губернатор, пользуясь предоставленным ему правом изменять управление краем по местным условиям, **значительно отступил от преподанных ему к руководству оснований проекта.** Впоследствии... **уклонения от временных правил 1867 во многом изменили самые основные начала**, указанные в 1867, для управления среднеазиатскою окраиною»[1]. Эти данные без излишних комментариев показывают, как диаметрально могут быть противоположны официальные документы и положения при их практическом осуществлении. В данном случае мы являемся свидетелями именно этого.

За комиссией К. Н. Николаева последовала комиссия А. И. Гомзина, составившая три доклада и «Журнал поземельной комиссии» (1869), в которых излагается некоторый итог представлений туркестанской администрации о формах, правах и практике землепользования, которые сложились в Средней Азии накануне ее присоединения.

Важным шагом на пути поземельного устройства в Узбекистане был проект Положения об управлении Туркестанским краем, представленный на утверждение К. Л. Кауфману. В проекте был обособленный раздел «Поземельное устройство», в котором земли, входящие в пределы Туркестанского генерал-губернаторства, признавались состоящими: а) на праве государственной собственности и б) на праве частной собственности».

[1] Ревизионный отчет тайного советника Гирса, стр. 4.

Состоящими на праве частной собственности признавались:

а) земли, приобретенные **по купчим крепостям** и др. законным актам и укреплениям;

б) участки земли в городской черте, отведенные жителям городов, кои учреждены и впредь будут учреждаемы;

в) земли мульк-хурухалисные, если они состояли в непосредственном пользовании владельцев (мулькдаров) и не заселены посторонними лицами и обществами;

г) земли вакуфные, если они состояли в непосредственном пользовании учреждений и лиц, коим посвящены по вакуфным документам и не заселены посторонними лицами и обществами.

**Примечание** 2 к п. «в» и «г». Земли мульк-хурухалисные и вакуфные, заселенные посторонними лицами и обществами, непосредственно их обрабатывающими, причисляются к разряду земель государственных...

Все остальные земли признавались собственностью государственной. «Они утверждаются за населением, в пользовании которого ныне находятся, и впредь отводятся в надел обществ и лиц на точном основании правил сего положения».

Статья 218 регламентировала распределение воды следующим образом:

«Вода в арыках, каналах и речках принадлежит казне, но населению предоставляется **право пользования** оною для орошения по **установившемуся обычаю**. Наблюдение за распределением воды для орошения принадлежит местной администрации, которая по своему усмотрению, для общей пользы целого края, распоряжается всем остатком воды, излишним за достаточным поливом полей землевладельцев. Сооружение арыков и проведение воды из рек и озер на новые земли, до того оставшиеся без орошения, обществам и лицам дозволяется не иначе, как с разрешения администрации».

Таковы общие положения проекта 1873 года по разделу «О поземельном устройстве». Как видно, в них была изложена четкая политика правительства в отношении основных начал поземельного устройства местного населения, которая заключалась в первую очередь в регламентации и закреплении права частной собственности на землю. Это начало было существенным моментом в регулировании земельных отношений Туркестана и проходило красной нитью через весь проект 1873 года.

Что касается основной массы крестьянского населения, то все земли за исключением частной собственности, признавались государственной собственностью, которые



«утверждаются за населением, **в пользовании** которого находятся».

Комиссия пришла к выводу о том, что земли должны закрепляться за населением на праве постоянного пользования, а не на праве частной собственности, что

«Понятие о праве полной собственности в том виде, как оно теперь существует в европейской науке, есть понятие чисто местное, европейское... Правы государства на землю, обрабатываемую **частными** владельцами, могут **быть сокращены** до той степени, до которой они **необходимы в чисто политических видах.** Совершенно не то в странах, где писал свои законы Мухаммед и в Туркестанском крае. Климатические условия Туркестанского края таковы, что государству должны быть предоставлены гораздо большие права по отношению землевладения, чем то необходимо в Европе...»

Незаметно для себя представители генералитета среднеазиатского масштаба высказали общее отношение к перспективам частной собственности вообще, заявив о том, что границы роста последних простираются до пределов, за которыми следуют «политические» интересы. Одновременно с этим принимается к руководству другое условие — усиление государственной власти на Востоке вообще и Туркестанском крае, в частности, по сравнению со странами Европы.

В заключение комиссия пришла к важному выводу о том, что «аграрная система..., по-видимому, совершенно противоположная системе, выработанной новейшей экономической наукой», требует для своего разрешения по крайней мере учета тех особенностей, которые были связаны со спецификой земельно-водных отношений и подхода, отличающегося от тех приемов, которые применялись в метрополии. Эта линия находит себе подтверждение в материалах заседания специальной комиссии военного министерства, где обсуждался проект. Вот как характеризовалась задача работы данной комиссии:

«Приступая к исполнению возложенной задачи, комиссия приняла в основание своих занятий следующие соображения: «Туркестанский край представлял обширную среднеазиатскую территорию, значительная часть которой лишь весьма недавно вошла в состав империи, и отличается резкими особенностями не только в физико-географическом смысле, но и еще в большей степени в бытовой стороне населяющих ее народностей, сложившейся под влиянием вековых исторических событий, что требует осторожности в применении к нему всех безразлично форм устройства, установившихся в русском государственном организме. Склад жизни и понятий мусульманина,

даже в мельчайших проявлениях его обыденного быта, столь тесно связан с религией, что нарушать его без особенно важных и вредных для благосостояния народа причин было бы политической ошибкой. Поэтому комиссия полагает, что задача управления в Туркестанском крае должна главнейшим образом клониться к постепенному освоению местного населения с более совершенными формами гражданского быта... и к скорейшему введению в крае правильного поземельного устройства».

Однако после того как военным министерством в начале 1874 года проект был передан на заключение министерств, реакция последних оказалась резко отрицательной. Вот как оценивался проект министром финансов:

«Из слов пояснительной записки оказывается, что проектированное ныне поземельное устройство Туркестанского края есть результат теоретического изучения аграрной системы Средней Азии» и что «поземельные отношения на практике значительно изменились, хотя и не по существу, не по праву, а в смысле действительного факта».

«Поэтому, естественно, рождается вопрос,— пишет министр,— какие же именно основания приняты проектом или положения об устройстве этих земель — основания ли мусульманского права или практики. Ответ на этот вопрос остается не разрешенным. Кроме того, полагая основным началом поземельного устройства края признание государственной собственностью всех его земель за весьма малыми исключениями, проект стороны как бы утверждает мусульманский принцип права, на основании которого завоеванные земли считаются собственностью завоевателя и могут быть отданы в пользование населения под условием платежа определенной подати, а с другой стороны, как бы вводит особое положение, в силу которого все земли Туркестанского края, за весьма небольшими изъятиями, должны считаться казенною оброчною статьею, отданного в бессрочное пользование населения, без его на то согласия, по обязательной для него цене, назначенной самим правительством и называемой оброчной податью и земскими повинностями.

Рассматривая эти предположения с первой, из вышеуказанных, точки зрения, оказывается, что в настоящее время, **после истечения, со времени занятия края, девяти лет,** в продолжении которых само правительство нередко во многих местах покупало у населения земли за деньги для постройки казенных зданий, помещения лагеря, ярмарки и т. п., основывать на этом мусульманском принципе поземельное устройство края едва ли возможно.

Если же принять другое толкование принятых проектом оснований для поземельного устройства, т. е. что земли Туркестанского края будут считаться казенною оброчною статьею, но таковые земли, заключающие в себе большую часть территории русского Туркестана, должны подлежать согласно уставу о казенных оброчных статьях, введению и управлению уже не Военного министерства, а Министерства государственных имуществ».



Министр финансов находил, что основные начала такого устройства прямо противоречат общему характеру всей поземельной реформы, совершенной и совершающейся в России. Главная цель этой реформы, по его мнению, состояла в том, чтобы сделать земледельческое население империи крестьянами-собственниками, а не обязательно владельцами земель правительственных. Между тем проект предполагал в этом отношении совершенно обратное: почти все земли края, состоявшие к этому времени с более или менее резкими признаками на праве собственности, он обращал в государственные на праве пользования. По этой причине, если бы проектированное поземельное устройство края когда-либо получило утверждение, то впоследствии оно неминуемо должно было подвергнуться новому преобразованию, в соответствии с общим характером поземельной реформы в остальной России и повлечь новые предположения и узаконения о выкупе населением тех же самых земель, которые без видимой надобности признавались казенными и предоставлялись ему только в пользование.

Наконец, многие статьи, относящиеся к поземельному проекту, противоречат одни другим и предполагаются, по мнению министра, «такие меры, которые изменяют коренные законы империи». В качестве примера приводится: а) по 192 ст. проекта.

«Земли, приобретенные в собственность по купчим крепостям и другим законным актам укрепления, выданным русскими властями и установлениями, предоставляются лицам их приобревшим на праве полной собственности». Согласно этой статьи «все акты туземцев, относящиеся до продажи, уступки, завещания, наследования земель и т. п., совершенные на основании мусульманских законов и обычаю порядка, не только при мусульманских владетелях, но и во время управления краем русскою властью не будут признаваемы действительными. Подобная, весьма радикальная мера едва ли справедлива и осуществима.

Если по времени завоевания Туркестанского края туземному его населению не было никогда объявлено, что утверждение их имущественных, между собою, сделок должны непременно подлежать русским установлениям, а напротив того, мусульманские законы по приобретении имущества и распоряжению оными русскою властью признавались, то едва ли представляется возможным, разом без всяких переходных мер приступить к осуществлению проектированного закона». При этом, необходимо заметить, указывается в отзыве, что совершение русскими установлениями всяких актов по приобретению земель было приостановлено по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора в 1871 г. Поэтому таковых актов, по всей вероятности, весьма незначительное количество.

Наконец, слова вышеприведенной статьи: «приобретенное в собственность по купчим крепостям и другим актам укрепления» в связи с п. «а» 23 ст. (примеч. к 224 ст. проекта), в котором говорится о документах на земли, выданные русскими властями некрепостным порядком, наводит на мысль, что **право полной собственности** на земли в Туркестанском крае будет предоставлено на основании **крепостных актов**, которые в остальной России такового права **владельцам не предоставляют**; б) на основании 204 ст. «вода в арыках, канавах, ручьях, реках и озерах края составляет собственность государства, но право пользования ею, по установившемуся обычаю, сохраняется за населением края. Порядок же пользования водою и устройства арыков и других сооружений определяется правилами, утвержденными генерал-губернатором».

Приведенная статья, по мнению министра финансов, «во-первых, противоречит закону о праве собственности, на основании которого владелец земли имеет право на все произведения на поверхности ее, на все, что заключается в недрах ее, на воды, в пределах ее находящихся; во-вторых, право собственности государства на оросительные каналы, ручьи и речки, при условии, что пользование водою будет производиться по установившемуся обычаю, представляется совершенно фиктивным, так как ни продать эти воды, ни отдать их в пользование отдельно от земель, которые они орошают, ни распоряжаться ими, когда пользование ими оставляется за населением для правительств невозможно; в третьих, если право пользования оставляется за населением, по установившемуся обычаю, то и порядок пользования должен бы быть оставлен тот, который установлен обычаем, а не правилами, утвержденными генерал-губернатором, ибо в противном случае право это «не имеет никакого фактического значения».

Значение многочисленных проектов «Положения» с точки зрения поземельного устройства состояло в том, что они способствовали проведению некоторых практических мероприятий еще до утверждения его в законодательном порядке и подготовили условия для принятия «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 года.

Советские историки единодушны в признании приоритета проектов, составленных в 1873, 1881 годах, для окончательного текста «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 года. Это особо подчеркивается в материалах ревизии Гирса и Палена, находит свое выражение



в работах Е. В. Бунакова, А. М. Аминова, А. П. Савицкого и других.

«Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 года,— пишет, например, Е. В. Бунаков,— в основном утвердило в законодательном порядке принципы земельной политики, проводившейся Кауфманом»[1]. А. М. Аминов утверждает: «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. в основном подтвердило земельную политику, разработанную этой комиссией и проводившуюся Кауфманом»[2]. «Закон 1886 г. о поземельном устройстве Туркестанского края основан,— отмечает А. П. Савицкий,— главным образом на принципах, выдвинутых К. П. Кауфманом»[3]. То же мы читаем и в «Истории Узбекской ССР»: «В основу Положения 1886 г. легли предложения Кауфмана»[4].

После долгих и продолжительных дебатов в Государственном совете, длившихся более полугода, 12 июня 1886 года, наконец, «Положение» было утверждено царем и получило с этого времени силу закона.

Статьи, регламентирующие земельные отношения, охватывают собой весь третий раздел и называются «Поземельное устройство». Глава первая посвящена «Поземельному устройству оседлого населения»[5], то есть наиболее важной проблеме. Первая статья этой главы (ст. 255 «Положения...») следующим образом определяет земельные отношения оседлого населения: «За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном потомственном его владении, пользовании и

---

[1] *Е. В. Бунаков.* Развитие капитализма в Узбекистане (рукопись)..., стр. 187.

[2] *А. М. Аминов.* Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959, стр. 92.

[3] *А. П. Савицкий.* Поземельный вопрос в Туркестане, Ташкент, 1963, стр. 12.

[4] «История Узбекской ССР», т. I, книга вторая, Ташкент, 1956, стр. 110.

[5] Кстати, одно из первых делений населения Туркестанского края на кочевое и оседлое (в проектах «Положений» до 1886 г.) мы находим в материалах комиссии Непокойницкого, проверявшего проект 1873 г., где, в частности, указывается: «Ознакомившись из пояснительной записки с мотивами, по которым туркестанская администрация приняла за основание представленного ею проекта (1873 г.—**А. Ю.**) новое деление инородцев на кочевых и оседлых, вместо существовавшего деления их на киргизов и сартов».

распоряжении (земли амляковые) на установленных местным обычаем основаниях»[1].

«Такое постановление,— констатировал Госсовет,— сохраняя неприкосновенными поземельные права, коими издавна пользуются оседлые туземцы, несомненно окажет на умы их самое благоприятное и успокаивающее влияние. Вместе с тем, оно же послужит предрешением частных поземельных вопросов, возникновение коих неизбежно при предстоящей подробной регистрации недвижимых имуществ в крае, ибо оно дает возможность **укрепить за каждым владельцем такое право, которое в действительности ему принадлежит».**

В нашей исторической литературе нет твердого мнения в оценке характера «Положения об управлении Туркестанским краем» (1886 г.).

Между тем необходимость уяснения основного смысла «Положения» очевидна, так как оно по существу было единственным законодательным актом, регламентирующим аграрные отношения (с некоторыми дополнениями) вплоть до октября 1917 года.

Еще в «Истории народов Узбекистана»[2] в научный оборот было введено противоречащее очевидным фактам положение, которое провозглашает: «Закрепление в потомственное владение земель оседлым населением **лишь юридически оформляло существовавшее и до завоевания обычное право** в отношении подшалычных земель»[3]. Далее авторы пишут: «Таким образом, **до революции 1917 г. основная часть земель коренного населения не была закреплена за ним в частную собственность»**[4]. На чем же основан этот главный кардинальный вывод, характеризующий аграрную политику, земельные отношения в Узбекистане? Приводим главный аргумент авторов: «Ревизия сенатора Палена, проведенная в Туркестанском крае в 1909 г., установила, что в трех областях края (Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской) **право частной собственности распространилось лишь на 19,7 тыс. десятин, или менее чем на 1% всей посевной площади в этих областях.** Более того, после завоевания площадь частной

[1] Положение об управлении Туркестанского края, том II, СПб, 1892, стр. 33—34.
[2] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 259.
[3] Там же.
[4] Там же.



земельной собственности резко сократилась: **приравняв мульковые земли к подшалычным, царское правительство ликвидировало даже ту юридически оформленную частную собственность, которая существовала еще до завоевания»**[1].

Обратимся к источнику, который явился основанием для такого вывода.

В «Материалах к характеристике народного хозяйства в Туркестане» действительно приводится цифра — 19 721 дес., составляющие «0,03% всей территории трех коренных областей Туркестана»[2]. Что же собой представляют эти 19 721 дес. по характеру происхождения и по месту своего расположения? Нижеследующие данные дают представление о распространении этих земель и удельном весе по отношению к общей площади частнособственнических земельных участков:

| Название уездов | Общая площадь частных владений (дес.) | % к общей площади земель в уезде | % к общей площади земель частной собственности |
|---|---|---|---|
| Ташкентский | 8 898 | 0,22 | 45,12 |
| Маргиланский | 3 702 | 0,25 | 18,77 |
| Андижанский | 1 954 | 0,14 | 9,91 |
| Кокандский | 663 | 0,05 | 3,36 |
| Наманганский | 978 | 0,06 | 4,96 |
| Ошский | 2 111 | 0,08 | 10,70 |
| Самаркандский | 431 | 0,03 | 2,19 |
| Каттакурганский | 174 | 0,02 | 0,88 |
| Ходжентский | 810 | 0,05 | 4,11 |
| Итого: | 19 721 | | 100,0 |

Приведенные данные показывают, что почти половина всех частных владений (45,12%) находились в Ташкентском уезде, а в таких крупных уездах, как Маргиланский, Андижанский, Кокандский, Наманганский и других, процент колебался от 3 до 18, то есть в наиболее развитых районах интенсивного сельскохозяйственного производст-

[1] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 259.
[2] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», часть I, отдел I, СПб., 1911, стр. 128.

ва были менее развиты частнособственнические земли, что приводит к мысли о том, что речь, в данном случае, идет не о частной собственности на землю как таковой, а быть может о категории землевладения особого рода, к которому применены и другие критерии, его характеризующие. Эта мысль подтверждается и весьма малой величиной этого типа землевладения (всего 19 721 дес.), в то время как ирригационные земли, снятые на планы поземельно-податными учреждениями, составляли в трех коренных областях 1 832 008 дес. Ответ на поставленные вопросы находим в тех же материалах ревизии Палена, на которые ссылаются авторы «Истории народов Узбекистана». Ввиду важности приводим текст более подробно:

«В статистических данных по трем коренным областям особой рубрикой указаны **владения частных собственников.** При наличии **широко распространенной среди оседлого населения мелкой частной собственности,** выделение в особую графу одной категории их, представляется мало необходимым. Это выделение находит, однако, себе объяснение в некоторых **чисто формальных** сторонах поземельного устройства в Туркестане. При начале поземельно-податных работ было принято выделить владения всех тех лиц, **которые не принадлежали к административному обществу, имели, однако, земли в пределах общественных дел.** Такое выделение, **продолженное до конца, дало бы в результате полную картину частного землевладения. Но впоследствие земельно-податные чины стали выделять из земель оседлого населения только владения, на которые имеются крепостные документы.**

Благодаря этому, в разряд частных собственников попадали лишь владельцы, **как русские, так и туземцы, обладающие таковыми документами.** Владения же многих русских, не укрепивших за собою приобретенные участки крепостными актами, включены в общую массу земель оседлого населения. Таким образом цифра 19,721 дес, земель частных владений представляет лишь часть последних»[1].

Из этого весьма авторитетного документа необходимо сделать следующие выводы:

Во-первых, владения частных «собственников» представляли собой особую категорию землевладения, характерными чертами которого являлись, главным образом, наличие крепостных документов на владение участком. Однако цифра 19 721 дес. не полностью отражает даже категорию «владения частной собственности» ввиду того, что эта работа не была «продолжена до конца», то есть эта категория землевладения характеризует только часть

[1] Указанные «Материалы...», стр. 128—129.



зафиксированных земель, располагающих купчими крепостями или иными крепостными документами, удостоверяющими частную собственность на землю.

Во-вторых, землевладения типа «владения частных собственников» не имели ничего общего с землевладением оседлого населения. Первая категория лишь характеризует степень распространения крепостных документов, уровень нотариально оформленного и периодически удостоверявшегося права на земельную собственность. Она ни в какой мере не характеризует удельный вес частной собственности на землю, не является определяющим фактором при оценке уровня частнособственнического землевладения. В целом ничтожный процент (1% по отношению ко всей посевной площади, 0,03% по отношению к общей площади в уездах трех областей) не может оказать сколько-нибудь существенного влияния на определение состояния частной собственности на землю оседлого населения. Что касается второй категории, то она признана, как наличная «...широко распространенная среди оседлого населения мелкая частная собственность», то есть не только не отрицается наличие частной собственности на землю в форме мелких участков, а определяется как само собой разумеющееся, как действительный неоспоримый факт.

В третьих, научное объяснение, отражающее объективное положение вещей, возможно лишь при дифференцированном подходе к категориям землевладения, точном и полном учете истоков возникновения и трансформации их, а также более пристальном и критическом подходе к таблицам или показателям, которые не всегда и не везде отражают смысл содержания, или наоборот, содержание не отвечает тому, что указано в названии того или иного раздела таблицы. Первый случай мы только что подробно рассмотрели. Хотелось бы только в качестве рекомендации указать, что определение частной собственности на землю было бы более полно только в том случае, если бы графа таблиц ревизии Палена всех его материалов включала в себя, с одной стороны, «частную собственность оседлого населения» (куда вошла и часть земель русских землевладельцев — частников, не имеющих крепостных документов и поэтому не вошедших в число 19 721 дес.), с другой — все земли графы «владения частных собственников».

Все вышеуказанное не соответствует положению, выдвинутому авторами «Истории народов Узбекистана» о том, что «...до революции 1917 г. основная часть земель коренного населения не была закреплена за ним в частную собственность» и связанному с этим положению о том, что «закрепление в потомственное владение земель за оседлым населением лишь юридически оформляло существовавшее и до завоевания обычное право».

К сожалению, в повторном издании «Истории Узбекской ССР» (1956 г.) в целом весьма серьезный анализ «Положения» 1886 года заключен выводом о том, что «поземельное устройство 1886 г. юридически оформило земельные отношения, существовавшие до присоединения в отношении государственных (амляковых) земель»[1].

Тезис авторов целиком основан на той характеристике «Положения» 1886 года, которую дал Государственный Совет в приведенной выше цитате, только в первом случае состояние земельных отношений характеризуется тем, что «Положение...» дает возможность укрепить за каждым владельцем такое право на землю, которое в действительности ему принадлежит. Между тем, подобный вывод не соответствует действительному положению вещей. В действительности «Положение» 1886 года ликвидировало военно-феодальное землевладение. Известно, что земельная аристократия в Туркестане почти 90% своих земель сдавала в аренду мелкими участками крестьянам. По «Положению...» преобладающая часть этих земель переходила в руки обрабатывающих их крестьян на правах потомственного владения.

Указанный тезис, несостоятельность которого только что была нами доказана, получил свое выражение и в докторской диссертации Е. В. Бунакова. Вот текст, взятый из рукописи: «До самой революции (имеется в виду Октябрьская социалистическая революция —*А. Ю.*) **земли местного населения в законодательном порядке не были закреплены в частную собственность за населением. Закрепление в потомственное владение земель лишь юридически оформляло существовавшее и до завоевания обычное право в отношении подшалычных земель.** Ревизия сенатора К. Палена, проведенная в 1909 г. (т. е. 9 лет

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. вторая, Ташкент, 1956, стр. 112.



спустя после постановления Госсовета, 1900 г.), установила, что в трех областях края: Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской, на праве частной собственности имелось лишь 19,7 тысячи десятин, или менее 1% всей посевной площади.

Приравняв мульковые земли в юридическом отношении к подшалычным, царское правительство ликвидировало даже ту юридически оформленную частную земельную собственность, которая существовала до завоевания»[1].

С формальной стороны указанное положение явилось как бы руководящим началом для «Истории народов Узбекистана»[2].

Наиболее важные изменения, которые произошли в эволюции аграрных отношений, как раз заключались в том, против чего так бездоказательно выступает Е. В. Бунаков, а именно: при всех недостатках «Положением...» 1886 года земли были закреплены в частную собственность за населением. Закрепление в потомственное владение земель являлось не актом только юридического оформления, существовавшего до присоединения обычного права, так как в «Положении» определенно указывалось на закрепление за оседлым сельским населением земель, состоящих в потомственном его владении, пользовании и распоряжении, то есть налицо все элементы частной собственности на землю за отсутствием только самого слова —«собственность». Только такая оценка аграрных отношений в свете «Положения...» может дать правильный, научный анализ дальнейшим социально-экономическим изменениям в крае. Сущность этого документа заключалась в том, что он юридически закрепил за местным, оседлым, сельским населением право частной собственности на земельный участок, на котором оно в ханское время было не собственником земли, а лишь арендатором. Согласно «Положению» арендатор становился собственником, обладающим правом владения, пользования и распоряжения. Теперь судьба десятков и сотен тысяч парцеллярных дехканских хозяйств находилась не в руках горстки феодалов-землевладельцев или

[1] *Е. В. Бунаков.* Развитие капитализма в Узбекистане..., стр. 193.
[2] Диссертация Е. В. Бунакова защищена в 1942 г. «История народов Узбекистана» опубликована в 1947 г.

ханской династии и ее приближенных, а в руках непосредственных производителей материальных благ, которые обязаны были платить определенные, твердо установленные налоги в казну Российской империи. Это обстоятельство позволило осуществить в аграрных отношениях переворот, который был не под силу самой Средней Азии, в течение веков находящейся в оковах феодализма. Наличие мелкого и частновладельческого хозяйства открыло значительные возможности для развития товарно-денежных отношений в целом и купли-продажи земельной собственности, в особенности. Как увидим, в дальнейшем стала усиленными темпами развиваться на одном полюсе концентрация земельной собственности, на другом — обезземеливание местного оседлого населения, постоянно прогрессирующее.

Авторы «Истории Узбекской ССР» при оценке «Положения» не дали четкого ответа на вопрос: если оно только юридически оформляло земельные отношения, существовавшие до завоевания, то для чего были необходимы законодательные акты правительства, какую цель они преследовали или, говоря словами авторов, почему новое земельное устройство оседлого населения, ослабившее феодальные элементы и их власть, носило в общем прогрессивный характер[1]. Ответа на этот вопрос получить невозможно и по существу невозможно определить основные направления в развитии аграрных отношений, так же как эволюцию в землевладении, землепользовании, товарных отношениях, эволюцию торгового капитала, и по существу затрудняется определение характера аграрных движений.

Между тем «Положение об управлении Туркестанского края» заключает в себе совокупность той работы, которая пронизывала деятельность царизма в Туркестане, трансформированной в проектах «Положения...», начиная с 1867 вплоть до 1886 года, пока не получили законодательное закрепление те основы, вокруг которых в разное время разворачивались бурные дебаты, работали многочисленные комиссии, отражавшие различные точки зрения, различные мнения определенных социальных групп, всеми силами защищавших свои интересы.

[1] История Узбекской ССР, т. II, Ташкент, 1968, стр. 52.



Поэтому «Положение...»— это не только законодательный акт. Это — во-первых, декрет, который отражал перипетии длительной борьбы, связанной не только с завоевательной политикой России в Средней Азии, но и различных взглядов правительственного аппарата на среднеазиатский вопрос, подчас диаметрально противоположных. Во-вторых, это — документ, который должен был обеспечить стабильность, привилегии и преимущества колониальной власти в Туркестане. В-третьих, «Положение...» должно было обеспечить регламентацию не только настоящего, но и будущего развития Туркестанского края.

Было бы неправильным характеризовать «Положение...» только как формальный, юридический акт, закрепляющий отношения и институты, имевшие место до присоединения Средней Азии к России. Это тем более относится к аграрным отношениям, земельно-водным проблемам, которые нужно было решать в первую очередь.

Мы придерживаемся совершенно твердого убеждения, основанного на приведенных выше фактах, что аграрные проблемы и вопросы землеустройства стояли в центре внимания царского правительства со времени присоединения края к России. Об этом свидетельствуют и первые мероприятия Черняева (выкуп земель за определенную плату) и реформы 1873, 1881 годов, и сама деятельность, не прекращавшаяся ни на один год по составлению и пересоставлению множества проектов «Положения».

Почему же все эти проекты подолгу не утверждались и законодательно не закреплялись? Чтобы ответить на этот вопрос, следует учитывать, что:

для характеристики того или иного положения, связанного с аграрным вопросом, необходимо в каждом отдельном случае учитывать всю совокупность факторов, влияющих на определение аграрной политики; смотреть на каждое явление или событие с точки зрения его возникновения, принимая при этом в расчет конкретно данный факт; учитывать все обстоятельства как экономические, политические, так и идеологические, как положительные, так и отрицательные, чтобы более полно, более точно оценить то или иное событие; необходимо на все проекты «Положения» смотреть не как на «взгляды» того или иного лица или государственного деятеля, а как на

отражение объективно существующих факторов, выражавших интересы господствующих классов или слоев, определявших всю политическую жизнь и накладывавших свой отпечаток в том числе и на вопросы колониальной политики; что колониальная политика и ее составная часть, аграрная политика в присоединенных окраинах являлась по существу отражением тех объективных процессов, которые потрясали Российскую империю.

Один из методов обработки общественного мнения, оказывавший влияние на широчайшие слои населения, заключался в том, чтобы представить вопиющие факты колониального порабощения только как явление частное, нехарактерное и по преимуществу как произвол того или иного чиновника колониальной администрации.

В Туркестане довольно искусно создавалась иллюзия того, что центральное правительство является сторонником проведения политики исключительно в интересах народов колониальных окраин, что оно благосклонно к более лояльным, прогрессивным и демократическим мероприятиям, чем колониальная администрация. Вопреки устоявшемуся в нашей исторической литературе мнению о том, что между местной колониальной администрацией в Туркестанском крае и центральным правительством метрополии существовали известные противоречия в проведении политики вообще и аграрной, в частности, связанные, якобы, с недостаточным знанием местных условий, мы убеждены, что все эти мнимые противоречия, различное понимание одних и тех же явлений и фактов являлись ничем иным, как искусным прикрытием колониальной политики царизма, как розовой дымовой завесой, призванной скрыть наиболее оголтелое, жестокое порабощение народов окраин.

Для подтверждения рассмотрим историю проекта «Положения...» 1873 года. По его проекту амляковые земли должны были перейти в пользование тех, кто их фактически обрабатывал. Этот порядок предполагалось распространить на вакуфные и на мульковые землевладения. Именно против этих начал проекта ополчились ряд министерств и Государственный контроль.

Как известно, «Положение...» имело в своей основе предыдущие проекты, начало которых относится к 1867 году. Весьма авторитетная комиссия работала под руко-



водством Туркестанского генерал-губернатора и представила весьма приемлемый проект, который, однако, был отклонен министерством финансов и министерством иностранных дел.

Министр финансов отмечал, что «основные начала такого устройства прямо противоречат общему характеру всей поземельной реформы, совершенной и совершающейся в России». Выступая против основной статьи (№ 204)[1] проекта «Положения» 1873 года, министр указывал, что статья «во-первых, противоречит одному из основных законов (404 ст. X т. 1,4 Св. Зак.) о праве собственности, на основании которого владелец земли имеет право на все произведения на поверхности ее, на все, что заключается в недрах ее, на воды в пределах ее находящиеся; во-вторых, право собственности государства на оросительные каналы, ручьи и речки, при условии, что пользование водою будет производиться по установившемуся обычаю, представляется совершенно фиктивным, т. к. ни продать этой воды, ни отдать ее в пользование отдельно от земель, которые она орошает, ни распоряжаться ими, когда пользование ими сохраняется за населением, для правительства невозможно; в-третьих, если право пользования сохраняется за населением, по установившемуся обычаю, то и порядок пользования должен бы быть сохранен тот, который установлен обычаем, а не правилами, утвержденными генерал-губернатором, ибо в противном случае право это не имеет никакого фактического значения».

По проекту 1873 года амляковые земли должны были перейти в пользование тех, кто их фактически обрабатывал. Этот порядок предполагалось распространить на вакуфное и на мульковое землевладения.

В заключение министр финансов приходит к следующему основному выводу:

«Главная цель этой реформы (проекта «Положения»...» 1873 г.— *А. Ю.)* состоит в том, чтобы сделать земледельческое население империи крестьянами-собственниками, а не обязательно владельцами

[1] Ст. 204: «вода в арыках, каналах, ручьях, реках и озерах... края составляет собственность государства, но... право пользования ею, по установившемуся обычаю, сохраняется за населением края, порядок же пользования водою и устройства арыков и др. сооружений определяется правилами, утвержденными генерал-губернатором».

земель правительственных. Между тем проект предполагает в этом отношении совершенно обратное; почти все земли края, стоящие в настоящее время, с более или менее резкими признаками, на праве собственности, он обращает в государственные на праве пользования. По этой причине, если бы проектированное поземельное устройство края когда-либо получило утверждение, то впоследствии оно неминуемо должно было подвергнуться новому преобразованию, сообразно общему характеру поземельной реформы в остальной России, и повлечь новые предположения и узаконения о выкупе населением тех же самых земель, которые ныне, без надобности, признаются казенными и предоставляются ему только в пользование. Наконец, в частности, многие статьи, относящиеся до поземельного проекта, противоречат одни другим и предполагают такие меры, которые изменяют коренные законы империи».

Не здесь ли кроется причина того, что некоторые исследователи, сами того не ведая, попадают в сети множественных словопрений вокруг проектов «Положения», запутавших и без того сложный вопрос о кардинальных целях аграрной политики царизма в Туркестане.

Отрицательный ответ был дан и министром иностранных дел: «Министерство иностранных дел считает обязанностью заявить, что предполагаемые главою четвертою «Положения» мероприятия о поземельном устройстве, по мнению Министерства, преждевременны, могут повлечь за собою пагубные общественные перевороты в стране и в политическом отношении крайне опасны».

Реакция двух министерств на проект вызвала появление известного письма генерал-губернатора Кауфмана[1], в котором разгневанный начальник края писал: «Смелости и крутости предлагаемых мер едва ли можно и найти... Новый проект не подрывает ни сложившихся начал, ни законов Магомета... дело непонятно и потому является недоразумение и опасение»[2]. Казалось, расхождения по таким кардинальным вопросам неминуемо должны были привести к разрыву. Однако ничего подобного даже не предполагалось. Проект был возвращен на переработку. 14 января 1873 года газета «Голос» писала: «...Имев возможность ознакомиться с туркестанским проектом в его окончательной форме, мы недоумевали, как можно было отыскать в нем крутые меры. Неужели вызовет какие-либо народные волнения и смуты подобная реформа?»

Как известно, Кауфман оставался одним из главных

[1] См. ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 27, д. 841, лл. 12—20.
[2] Там же.



инициаторов различных проектов вплоть до проекта 1881 года, когда был назначен новый генерал-губернатор М. С. Черняев.

Более того, несмотря на отрицательную реакцию двух министерств, Кауфман собственной властью все-таки провел ряд мероприятий по земельному вопросу. Были изданы распоряжения о том, что при разборе земельных споров, не решенных народными судами, следует принимать во внимание фактическое владение землей. Мульковые земли частично были изъяты в пользу казны и ликвидированы все привилегии мулькдаров. Все они облагались податями наравне с амляковыми. Вакуфные земли были частично оставлены в прежнем положении, однако и по отношению к ним применялись известные ограничения; они также облагались налогами.

Подобные акты «своеволия» Кауфмана, несмотря на его чрезвычайные широкие полномочия, не давали ему права выступать против правительства, в разрез основных начал колониальной политики. Мы видим, что начальник края поступал именно так. Все это подтверждает мысль, высказанную нами выше, что в данном случае речь шла не о каких-то принципиальных разногласиях между центральной властью и господствующей камарильей в крае. По существу при обсуждении проекта «громы и молнии» некоторых министров оказались бумажной дымовой завесой, прикрывающей хищный лик царизма. При его молчаливом согласии в Туркестанском крае проводились преобразования, против которых тем временем бушевала лишь бумажная война, отвлекающая внимание общественности от истинных целей царизма, которые приобретали реальное воплощение. В этой связи мы приводим выдержку из письма генерал-губернатора Туркестана, в котором разъясняется сущность проекта 1873 года:

«Между владельцами доходов... земель и землепашцами установились на практике отношения, часто весьма тягостные для последних. При туземных правительствах эти отношения контролировались местною администрацией. Контроль такого рода устанавливал строго законные границы притязаниям мулькдаров и вакуфных учреждений, сводя их в большинстве случаев к одному лишь пользованию определенным оброком, с обрабатывающих мульковые земли жителей, гарантировав им спокойное обладание их хозяйствами. Русская власть, заменившая мусульманских правителей за отсутствием соответственного местного закона, не могла и до сего времени не сможет гарантировать им такого прочного обеспечения. А

между тем такое вынужденное бездействие власти не могло не запутать указанных отношений, прямо **в ущерб земледельческому населению и в интересах мусульманского духовенства, политически нам враждебного.** Обстоятельства эти придают вопросу вакуфному и мульковому особенно серьезное государственное значение. Между тем мусульманское духовенство в Туркестане еще **надолго сохранит за собой** влияние на население, как обладающее очень значительными доходами с имуществ, преимущественно поземельных... При таких условиях допускать долее индифферентность, пассивное отношение нашей власти к посягательству улемов и мулл увеличивать вакуфные доходы за счет платящих производительных классов было бы ничем не объяснимой и даже опасной политической ошибкой. Бессилие русской власти в вопросе о землевладении, без всякого сомнения, в будущем отразится самым печальным образом на общем народном благосостоянии, если не будут приняты **безотлагательные** надлежащие меры к определению прав населения на землю. А между тем для Туркестанского края они столь необходимы, что без них нельзя ожидать ни значительного развития экономических сил населения, ни правильного взноса податей, ни гарантии для населения в спокойном владении земельной собственностью».

Туркестанский генерал-губернатор в разработке проекта 1873 года руководствовался в первую очередь интересами самодержавия.

В подтверждение указанного выше положения приводим оценку проекта 1881 года ревизией, произведенной тайным советником Гирсом.

«Ревизия почитает долгом заявить, ... что неправильно поставленный и разрешенный поземельный вопрос может иметь самые печальные последствия; он может поколебать в недавно покоренном народе и **преданность** и доверие к русскому правительству». ... «как могло решится бывшее главное управление края требовать наперекор народного сознания, веками сложившегося быта и экономических условий применение к землевладению здешнего края общих установлений, изданных для сельских обывателей России. Означенный проект, недостаточно разработанный в самых главных его частях... был возвращен обратно для исправления и дополнений. Проект 1881 г. ... нисколько не разнился по отношению к поземельному вопросу от проекта 1873 г.»[1].

Однако буквально на другой странице ревизия Гирса приходит к выводу, который ни на иоту не отличается от основных начал землеустройства местного населения:

«Каждый владелец земли участвует сообща с другими в поддержании не только главного арыка, питающего побочно местные водохранилища, но и пользуется водой этих арыков, сообразно степени своего участия в их поддержании, ибо земля без воды ничего не производит. При таком своеобразном взгляде на собственность, конечно, нельзя не согласиться с нашими государственными деятелями, что было бы опасно поколебать законодательною мерою правовладения землею в стране, которая живет и развивается под влиянием совершенно иных условий, чем жизнь коренного населения России. Если настоящими формами землевладения народ доволен и ими дорожит, то нет никаких причин не утвердить за ним существующего порядка владения. Этого требует и справедливость и осторожность в особенности, если принять в соображение, что общественное владение допускает передел земли, который решительно **невозможен** там, где существует... высокая земледельческая культура и сильно развитое интенсивное хозяйство, и где **владение на правах полной собственности является предоминирующей формой**. На этом основании в проекте о поземельном устройстве в крае **положительно** высказано, что земля и угодья, занимаемые селениями (кишлаками), а также и принадлежащие отдельным, вне селений владельцам, **закрепляются на правах полной собственности, за каждым из владельцев по обычаю»**[1].

Все указанное ревизия Гирса относит к землям «называемым амляк, обложенные податями по урожаю (хераджи) и по размеру земли, засеянной известными продуктами, т. е. амляковое землевладение, известных под названием надшалычных». Ревизия Гирса особо выделяет земли «мульковые», освобожденные вполне или частию от казенных налогов», характеризуя последние в проекте 1873 года следующим образом:

«Генерал Кауфман... подчинил мульки общим с амляками податным налогом; мулькдарам же было объявлено, что претензии их будут рассмотрены на основании законов, какие будут изданы на этот предмет впоследствии. Для большего выяснения дела ревизия желала знать мнение губернатора и уездных начальников и все они категорически высказались, что хотя с одной стороны уничтожение мулькового права и следует признать порою не вполне справедливым, но с другой стороны нельзя не принять во внимание, что мера эта относится до лиц, которые происками, интригами, а может быть и деньгами, присвоили себе права эксплуатировать труд населения и, злоупотребляя своим правом, отягощали народ непосильными поборами. Этим только и можно объяснить, что мера ... относительно мульковых привилегий не только не возбудила протеста со стороны населения, но была встречена сочувственно значительною его частью»[2].

Остается только добавить, что ревизия Гирса обнаружила единственную жалобу с просьбой о возвращении мулька, да и то большой давности. Как видно, ревизия в целом одобрила проект 1873 и 1881 годов по вопросу «мулькового» землевладения. Что касается вакуфного землевладения, то и здесь в отношении проектов «Поло-

[1] Ревизионный отчет тайного советника Гирса..., стр. 347.

[1] Указ, ревиз. отчет..., стр. 346—347.
[2] Там же, стр. 348—349.

жения»... по разделу «Поземельное устройство» не имеется ни одного замечания, что дает нам возможность сделать вывод, что, несмотря на формальную критику этих проектов, по существу ревизия Гирса разделила основные положения их. Осуждение местной колониальной администрации является, по-видимому, только данью уважения к мнению высокопоставленных органов царизма и не в последней степени связано с тем, чтобы не оказаться в положении защитника, дело которого уже проиграно.

С формальной стороны было бы в высшей степени наивным, если колониальная администрация в Туркестане, знающая местные условия и обстановку, являясь сторонником сохранения спокойствия, в только что завоеванном крае, выдвигала бы «крутые меры», опасные в политическом отношении, применяла к землевладению края общие «установления, изданные для сельских обывателей России», проводила в жизнь мероприятия, которые «могут повлечь за собою пагубные общественные перевороты в стране» и т. д. Наоборот, всю практику «капиталистического» освоения Туркестана со времени учреждения Туркестанского генерал-губернаторства скорее можно охарактеризовать как стремление проводить осторожную политику в земельно-водных вопросах с тем, чтобы не «возбуждать народные массы» и не давать повода для выступлений против самодержавия и его представителей на местах. Именно этими соображениями было продиктовано содержание проекта 1873 года и сохранение его существенных положений в проекте 1881 года, которые получили следующее выражение в известной записке генерал-губернатора Туркестанского края:

«Нет никакого сомнения, что компетентность в суждении о том, что необходимо краю и что не нужно, должна принадлежать местной власти, которая затем и учреждена там. Местная власть, пользуясь опытом, приобретенным служащими в крае, приняв во внимание мнение местных представителей министерства финансов и государственного контроля и знающих край людей, составила проект положения, гарантирующий обеспечить законом за населением существующие права, даровать новые права, приравнивая их к правам, которыми пользуются граждане империи, и прекратить действия административного производства, который весьма естественен при существующих условиях управления краем. Несообразно было бы в настоящее время оставлять без внимания те стороны народной жизни, которые требовали даже от бывших до нас мусульманских



правительств постоянного надзора и которые без этого надзора придут в состояние упадка и разложения. Наше невнимание к поземельным отношениям края не только принесет вред экономической жизни населения и весьма серьезный ущерб государственному казначейству, но вредно отзовется и на нашем политическом положении в Средней Азии. Это невнимание будет принято за признак слабости. Однако внешнего наблюдения за наружным порядком недостаточно для того, чтобы приготовить край к принятию новых форм жизни и к органическому слиянию с Империей. Если мы будем управлять таким образом краем и впредь, то население его не будет считать нас своими властителями, а по справедливости сочтет за полицейских агентов, в распоряжении которых имеется на всякий случай внушительная военная сила. Мы приучим его к соблюдению внешних форм порядка, но серьезного влияния на самую жизнь его иметь не будем. Такой образ действий может повести за собой весьма пагубные последствия».

Мы видим, что генерал-губернатор, весьма хорошо знакомый с местной обстановкой, преследовал цель обеспечить стабильность всей политической жизни в крае, на деле направленную не только на защиту «русского дела в Средней Азии», но и на укрепление и упрочение колониальной власти.

Было, однако, еще одно обстоятельство тормозившее принятие «Положения об управлении Туркестанским краем». Это — незавершенность завоевательной политики царизма.

Присоединение определенной части среднеазиатских ханств, естественно, было связано с осторожностью в проведении земельной политики в уже эксплуатируемой части колониальных владений. Однако это не могло иметь решающего значения в определении дальнейших судеб аграрного законодательства царизма, не могло затормозить проведения ряда важнейших мероприятий, которые выражали интересы господствующих классов метрополии.

«Положение об управлении Туркестанского края» 1886 года регламентировало не только закрепление земли за оседлым населением на праве фактического пользования и владения, но и по существу утвердило за ним и право распоряжения.

«Присоединение Туркестана к России,— писал сенатор К. К. Пален,— вызвало изменения в поземельном правовом строе, которые заключались в признании за всем оседлым населением одних и тех же прав на землю: исчезли держатели земли с правом только пользования последнею, исчезли и все разряды мульковладельцев, пользовав-

шихся теми или иными льготами в обложении; все оседлое население получило по статье 255 Туркестанского Положения право на земли, находящиеся в его потомственном владении, пользовании и распоряжении. Конечно эти изменения не могли уничтожить окончательно существования привилегированных лиц (белой кости). Но эти привилегии, сохраняясь как обычный правовой пережиток, не опираются на действующий закон и, следовательно лишены покровительства последнего».

Несколько позже главноуправляющий земледелием и землеустройством Кривошеин дал следующую оценку изменениям, которые внес в жизнь оседлого населения указанный закон:

«В Туркестанском Положении нет только слова: собственность. Государственный Совет в 1886 г. просто приостерегся окончательно сказать это слово,—«ввиду (как значится в мотивах закона) недостаточной выясненности существовавших в крае форм землевладения и полной неопределенности местного водного права, тесно связанного с землевладением. Но все эти элементы права собственности в законе даны: пользование, владение и распоряжение, до права отчуждения земель крепостным порядком, включительно. А жизнь сказала и самое слово собственность»[1].

Таким образом, в «Положении...» 1886 года военно-феодальный империализм признает за оседлым населением право постоянного потомственного пользования и распоряжения, что открывало возможности для дальнейшего развития частной собственности, концентрации земли. Однако землевладение и земельно-водные отношения изменялись путем отличным от аналогичного процесса, происшедшего в пореформенной России. Это своеобразие очень метко подметил И. Ходоров еще в 1928 году: «Земли аристократии стали, с одной стороны, облагаться налогами — податное обеление мульков, основанное на ханских пожалованиях, отменялось; с другой стороны, земли узбекских аристократов стали закрепляться в собственность сидевшим на них арендаторам. Если у себя в России государственная власть произвела в 60-х годах полное юридическое обезземеливание крестьянской массы, установив законом принадлежность всей земли помещикам, то в Средней Азии власть пошла прямо противоположным путем, здесь права на землю признавались за крестьянами, а обезземеливалась непо-

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестан, СПб, 1912, стр. 57—58.



корная земельная аристократия»[1]. Хотя социально-экономическое и политическое положение метрополии и колонии было несравнимым, однако особенность эволюции отражает в целом верно процесс, происходивший в Узбекистане в 80—90-х годах.

Законодательные установления по аграрным вопросам, особенно «Положение» 1886 года, свидетельствуют о том, что в них нашли отражение развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути. В своем исследовании «Формирование узбекской социалистической нации» М. Г. Вахабов дает точное определение этого характерного для Туркестана сложного и важного процесса, определившего основное направление в развитии аграрных отношений колониальной окраины России: «...это была та самая коренная ломка, которую не в силах была завершить самостоятельно сама Средняя Азия — переход преобладающего большинства поливных земель в руки фактически обрабатывающих их крестьян превратил последних в самостоятельных хозяев, открыл путь к развитию капиталистических отношений в кишлаках»[2].

Таким образом, «Положением...» 1886 года было установлено право на потомственное владение, пользование и распоряжение землей за оседлым населением, что в свою очередь открыло путь к развитию частной собственности на землю и развитию в аграрных отношениях, концентрации земельной собственности через куплю-продажу участков. Несмотря на нечеткость законодательной формулировки о праве частной собственности (закрепление земли за оседлым населением в пользование, согласно установившимся веками обычаям) в действительности развитие земельно-водных отношений

[1] *И. Ходоров.* К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане, «Историк-марксист» № 10, 1928, стр. 141. Надо заметить, что приведенный тезис И. Ходорова ошибочно приписывается А. М. Аминову («Очень правильно А. М. Аминов считает, что в Средней Азии русская власть пошла прямо противоположным путем в поземельном вопросе, сравнительно с той политикой, которая проводилась в России в 60-х годах прошлого века». *А. П. Савицкий.* Поземельный вопрос в Туркестане (Ташкент, 1963, стр. 11), хотя сам А. М. Аминов на стр. 89 приводит указанную цитату со ссылкой на И. Ходорова («Экономическое развитие Средней Азии» (колониальный период), Ташкент, 1959).

[2] *М. Г. Вахабов.* Указ. работа, стр. 95—96.

способствовало образованию и укреплению частной собственности. В указанной записке А. В. Кривошеин писал: «Ближе ознакомившись с этим вопросом на месте, я решаюсь утверждать, что все эти доводы (об отсутствии права частной собственности — *А. Ю.*) представляются недостаточно убедительными. Изданные ревизией графа Палена и местные наблюдения определенно говорят о совершающейся в хлопковых районах Туркестана **громадной скрытой** мобилизации земель. Орошенные земли быстро переходят из рук в руки»[1]. Мы видели, что согласно «Положению» по существу все категории землевладений могли являться объектом товарно-денежных операций, то есть выступать как объект купли-продажи. Даже владельцам земель, закрепленных за сельскими обществами, предоставлялось право выдела путем оформления соответствующей документации. Участки невыделенные также могли быть проданы по специальным свидетельствам, выданным на основе удостоверения местного судьи уездным начальником. Откровенное признание, раскрывающее истинные причины «неточного», недостаточно определенного формулирования важнейших статей мы находим у того же А. В. Кривошеина, который по прошествии почти 25 лет со времени издания «Положения...» проливает яркий свет на его действительную сущность.

«Всех этих положений закона (ст. 208 и 263) оказалось совершенно достаточно для того, чтобы русские судебные учреждения признали за оседлым туземным населением право собственности на закрепленные за ним земли. В этом направлении русской власти надо тщательно исследовать указанный вопрос и, выразив вполне определенно и твердо свой взгляд, поставить наконец точку над «и», для чего казалось бы не требуется даже особого законодательного акта: можно сделать это в порядке управления или, наконец, и в дальнейшем опираться, по-прежнему только на действующий закон и судебную практику».

Капиталистическое развитие туркестанской деревни столкнулось с колониальной политикой царизма, задерживающей развитие передовых форм производства, в интересах империалистических тенденций русской буржуазии, стремившейся захватить привилегии, которыми пользовалось самодержавие. Таков был сложный пере-

[1] *А. В. Кривошеин.* Указ. записка, стр. 56—57.



плет взаимоотношений, под непосредственным воздействием которого приходилось развиваться узбекскому кишлаку, к тому же жестоко эксплуатируемому местными баями, ростовщиками и бесчисленной сворой посреднического аппарата.

Из прочих статей, характеризующих аграрные отношения, необходимо указать на статьи 208, 235, 261—266, 270[1]. В статье 208 указывается:

«Акты о уступке туземцами принадлежащих им прав на земельные участки лицам христианского вероисповедания совершаются порядком указанным для купчих крепостей. В доказательство прав туземца на уступаемый земельный участок должно быть представлено свидетельство уездного начальника, основанное на удостоверении местного съезда народных судей, а если на означенный участок выдано свидетельство на право владения оным, то сие свидетельство вместе с удостоверением казенной Палаты или уездного начальника о размере причитающегося с участка поземельного налога»[2].

Уже в 1901 году эта статья была дана в значительно измененной редакции:

«Акты об отчуждении **земельных участков** стоимостью **свыше трехсот рублей** совершаются порядком, указанным для купчих крепостей. В доказательство прав на отчуждаемый земельный участок должны быть представлены крепостной на него акт, либо **данная**, если участок выделен из земель сельского общества или селения или же свидетельство уездного поземельно-податного присутствия и проверенным одним из должностных лиц уездной администрации удостоверенным местного, по нахождению имущества, народного судьи»[3].

Из сравнения двух редакций ст. 208 можно сделать вывод о том, что. если в первом случае речь шла об «уступке владельцами принадлежащих им прав на земельные участки», то во втором — об отчуждении принадлежащих им земельных участков стоимостью свыше трехсот рублей». Как видно, во второй редакции слово

[1] Со времени утверждения «Положения...» был произведен ряд изменений в определении отдельных статей, которые носили не только характер уточнения, а являлись отражением важных изменений в политике царизма и русской буржуазии.

[2] Положение об управлении Туркестанского края, СПб, 1892, стр. 28.

[3] Положение об управлении Туркестанского края. С узаконениями, решениями сената, инструкциями... Ташкент, 1903, стр. 80.

«уступка» заменено «отчуждением», которое делает отношения ясными и неприкрытыми, то есть отражающими более определенно процесс, который принято называть как акт купли-продажи земельного участка. Кроме того, если в первом случае речь идет об уступке «принадлежащих им» (владельцам земель — *А. Ю.*) прав на земельные участки, то во втором — речь идет уже не о передаче права на земельные участки, а об «отчуждении... земельных участков». Однако более существенные изменения обнаруживаются в уточнении категории отчуждаемого землевладения, мерилом которого является земельный участок стоимостью более 300 рублей. Этот ценз довольно высок и на этом основании казалось бы, что статья 208 в новой редакции призвана тормозить, процесс купли-продажи земельных участков и можно было на этом основании предположить, что уточнение редакции «Положения»... выражало стремление царского правительства ограничить «мобилизацию» земельной собственности или, по крайней мере, препятствовать широкому распространению товарно-денежных операций, связанных с запродажами земельных участков. Подобный вопрос возникал у Туркестанского генерал-губернатора, который 3 марта 1902 года обратился в правительствующий сенат с просьбой разъяснить: «Обязательно ли для судебных учреждений, в том числе и для нотариусов областей Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской, совершение крепостных документов о принудительном переходе земельных участков, стоимостью свыше 300 руб. на основании законно состоявшихся и основанных на обычае сделок между туземцами и решений народных судей?»

И далее: «Если такие переходы могут совершаться не крепостным порядком и при этом взыскивать указанные в законе пошлины и на чьей стороне?» Вот ответ правительствующего сената:

«Все акты об отчуждении владельцами принадлежащих земельных участков стоимостью свыше 300 руб. свершаются порядком, указанным для купчих крепостей, нельзя не прийти к заключению, что и основанные на решениях народного суда акты на недвижимое имущество, означенной ценности должны быть совершаемы указанным в ст. 208 порядком. Присем в тех случаях, когда собственник недвижимого имущества **добровольно** подчиняется решению народного суда, то на переход имущества совершается купчая крепость на основании 208 статьи; в тех же случаях, когда решение



народного суда об отчуждении недвижимого имущества производится в исполнение **принудительно**, новым собственником на означенное имущество «должна быть совершена в силу той же 208 статьи утверждаемая старшим нотариусом данная крепость, причем в доказательство прав на проходящее имущество должно быть представлено свидетельство уездного начальника»[1].

Как видно из этого разъяснения, новая редакция в толковании правительствующего сената, напротив, открывает широкую дорогу для развития операций по продаже земельных участков и направлена на дальнейший рост товарно-денежных отношений. Несколько позже в статье 208 слова «земельный участок» заменены словами «недвижимые имущества». Термин «земельный участок» представляет собой только один вид недвижимой собственности. Между тем в понятие «недвижимое имущество» включаются различные угодья, всякие строения и пр., то есть понятие «недвижимые имущества» значительно шире термина «земельный участок» и отражает весь комплекс объектов, подлежащих отчуждению.

Таким образом, статья 208 после 1886 года претерпела ряд изменений в направлении дальнейшего усиления возможностей отчуждения «туземного» землевладения и развития купли-продажи не только земельных участков, но и «недвижимого имущества».

Произошла известная эволюция также и других статей «Положения», которые в целом характеризовались активным проникновением царизма во все поры хозяйственного организма колонии, которая все больше втягивалась в кругооборот капиталистического хозяйства России, ощущая на себе воздействие всех хозяйственных изменений, которые переживала Россия. Мы остановились так подробно на анализе «Положения об управлении Туркестанского края» не случайно. Ведь этот документ является основным законодательным актом, в котором, как в зеркале, отразились главные «начала» колониальной политики царизма и русской буржуазии в Туркестане вообще и аграрной политики в частности. При всех своих недостатках, недомолвках «Положение...» явилось важнейшим юридическим документом, в кото-

[1] Объяснительная записка к проекту «Положения об управлении Туркестанского края», составленная особой комиссией под председательством тайного советника Нестеровского..., стр. 163.

ром были отражены интересы господствующих классов России в Туркестане. Основные направления получили силу закона, на основе которого решались задачи, призванные упрочить положение колониальной власти в Туркестане. Вместе с тем этот документ являлся генеральной программой, рассчитанной на длительный период, поэтому в нем необходимо видеть и те цели, которые ставил царизм на будущее. Однако развивающиеся события властно требовали пересмотра некоторых положений, дополнений и уточнений, которые были утверждены 10 июня 1900 года и введены в «Положение об управлении Туркестанского края». В этом же году в «Положение» вносятся дополнения, согласно которым за оседлым населением были закреплены не только орошенные, но и богарные и неудобные земли, то есть весь комплекс земельных угодий. Это нашло свое отражение в «Дополнении» к ст. 255:

«На основании ст. 255 Положения об управлении Туркестанского края, утвержденного за оседлым населением областей Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской, подлежат все состоящие в постоянном и потомственном владении, пользовании и распоряжении сего населения земли, как искусственно орошаемые, так и орошаемые атмосферною влагою (богарные), а равно земли необрабатываемые»[1].

Кроме того была введена статья 255[1].

«Означенные в предыдущей (255) статье земли утверждаются за сельскими обществами или селениями, если сельское общество состоит из нескольких селений, имеющих земли в своем отдельном владении»[2].

На практике введение этой статьи включало в товарно-денежные отношения еще одну категорию земель, которые находились не в собственности отдельного частного лица, а целого сельского общества и которое по этому же «Положению» имело право выдела, после чего эта категория землевладения оказывается в положении обычных земель, на которые распространяется статья 255. С этой целью дополнительным к ст. 263 указанием определились за местным населением особые на право владения «свидетельства»:

«Сельскому обществу или селению, которым выдано указанное в предыдущей (263) статье свидетельство, предоставляется право

[1] Положение об управлении Туркестанского края. Ташкент, 1903, стр. 143.
[2] Там же.



ходатайствовать о выделе этих участков из числа утвержденных за обществом или селением земель и об определении на выделенный участок государственного налога. Ходатайства эти разрешаются уездным поземельно-податным присутствием. На выделенный участок выдается по распоряжению областного правления **«Данная»**, причем о количестве выделенной земли и о сумме определенного с нее налога делается надпись на выданном обществу по статье 263 свидетельстве. Изложенное в сей статье правило распространяется лишь на сельские общества и селения с подворно-участковым землевладением»[1].

Как видно, вновь введенная статья являет собой законодательный акт, открывающий возможность для движения общинного землевладения и землепользования и включения последнего в орбиту земельных отношений частнособственнического землевладения. В этом свете представляется непонятным утверждение Е. В. Бунакова о том, что, закрепив земли, согласно положению 1900 года (имеются в виду дополнения к «Положению...» 1886 г., утвержденные императором как мнение Государственного Совета — *А. Ю.),* за сельскими обществами и селениями, царское правительство якобы сделало «серьезный шаг в деле подрыва подворно-участкового землевладения, господствовавшего еще до присоединения края. Если до присоединения и в первые несколько лет после него податной единицей являлся двор, то податной единицей в новой, введенной царским правительством системе обложения являлось уже селение и сельское общество. Все сказанное делало **практически почти невозможной** капиталистическую мобилизацию местного землевладения»[2]. Действительно, в 1900 году в дополнение к ст. 263 была введена ст. 263[1], определявшая, что владельцам земельных участков в пределах землепользования сельского общества или селения, которому выдано свидетельство, предоставляется право ходатайствовать о выделе участков из числа утвержденных за обществом или селением земель и об «определении на выделенный участок, упадающей на него доли государственного поземельного налога». На выделенный таким образом участок предоставляется «Данная» с одновременным указанием на свидетельстве количества выделенной земли и суммы определенного с нее налога. В этой же статье

[1] Положение об управлении Туркестанского края, Ташкент, 1903, стр. 151, 152.
[2] Указ. рукопись, стр. 194.

указывалось, что ее действие **«распространяется лишь на сельские общества и селения с подворно-участковым землевладением».** Для характеристики основной направленности этой статьи приведем форму документа, называемого «Данной».

## ДАННАЯ

На основании статьи 263[1] и согласно определению общего присутствия Сыр-Дарьинского областного правления по журналу 10 января 1904 г. выдана сим областным правлением настоящая данная обывателю селения Дурмень, Магомету Ниязову, на состоящий в его постоянном потомственном владении, пользовании и распоряжении участок земли в пределах землепользования Дурменьского сельского общества (или такого-то селения, такого-то сельского общества) Ниязбекской волости, Ташкентского уезда, выделенный из землепользования поименованного сельского общества (или селения) постановлением уездного поземельно-податного присутствия 15 октября 1903 г. Орошаемый участок мерою 20 десятин пятьсот квадратных сажен, имеет границы: с юга — арык Карасу, с севера — общественная земля селения Дурмень, с востока — участок Ташкентского жителя Алимбая Пир-Магомедова, с запада — участки обывателей с Кибрай Нур-Али Юлдашева и Карима Махсумова. **Документ этот свидетельствует утверждение за Магометом Ниязовым прав на указанный выше земельный участок,** установленных статьей 255 «Положения об управлении Туркестанского края».

гор. Ташкент 20/I-1904 г.
Помощник Военного Губернатора
Советник

Делопроизводитель»[1].

Из приведенного текста явствует, что «Данная» есть удостоверение в том, что земля выделялась определенному лицу из общей площади земель, включенных в план и в особое свидетельство на владения, предусмотренные ст. 263. Для оценки статьи 263[1] чрезвычайно характерно следующее указание Государственного Совета:

«Необходимо заметить, что окончательное устройство края в поземельно-податном отношении может быть осуществлено лишь посредством подворно-участковой съемки земель. Такая съемка земель представляется, однако, ныне невозможною, по значительности необходимых для этого затрат труда, времени и денежных средств. Ввиду этого, предположения комиссии о **предоставлении права выдела участков на счет владельцев является весьма важною и желательною мерою к постоянному проведению** в известность подворно участкового владения и к достижению более прочного укрепления прав на принадлежащие владельцам участки путем получения на оные данных. Признавая поэтому, означенную меру вполне целесообразною, министр финансов полагал бы **освободить** упомянутые «Данные» от крепостной пошлины, как потому, что в этих случаях не имеется оплачиваемого этою пошлиною перехода недвижимых имуществ от одного лица к другому, так и ввиду того, что взимание означенной пошлины с названных документов, увеличивая расходы землевладельцев по выделу, может заставить некоторых из них отказаться от осуществления предоставляемого им права, что было бы крайне **нежелательным** с точки зрения **той цели, ради которой предполагается допустить означенный выдел участков».**

Как видно, цель, которую преследовало введение царским правительством ст. 263[1], заключалась в том, чтобы, не затягивая чрезмерно поземельно-податных работ и не обременяя земскую кассу издержками на содержание поземельно-податных установлений, ускорить завершение работ за счет каждого землевладельца в отдельности, что способствовало бы окончательному поземельному устройству Туркестанского края. Введением ст. 263[1] ускорялся и укреплялся процесс выдела подворно-участкового землевладения в хозяйство, отвечающее статье 255 «Положения...», что в свою очередь открывало возможности для дальнейшего развития частновладельческого землевладения, которому были присущи все признаки купли-продажи. Таким образом, в данном случае, речь идет не о том, что, введя ст. 263[1], царское правительство сделало серьезный шаг в деле подрыва подворно-участкового землевладения, как полагает Е. В. Бунаков, а, напротив, об укреплении этого землевладения и о расширении за счет выдела его из сельского общества, что свидетельствовало о том, что «Положение...» 1886 года было подкреплено еще одним пунктом, расширяющим возможности капиталистической эволюции аграрных отношений. Недостаточность трактовки Е. В. Бунаковым смысла ст. 263[1] сказалась и в том, что в оправдание ее автор пользовался отчетом ревизии тайного советника Гирса, относящегося к 1882 году, в то время как речь идет о статье «Положения...» 1886 года, внесенной в 1900 году[1]. Если в редакции статьи 235 в 1886 го-

[1] Положение об управлении Туркестанского края, СПб., 1903, стр. 152.

[1] См. указ. рукопись, стр. 194. Надо заметить, что даже ссылка на ревизию Гирса (стр. 384) не дала нам возможности обнаружить данные, на которых основан вывод Е. В. Бунакова.

ду говорилось лишь о том, что народным судьям предоставляется право «свидетельствовать всякого рода акты и договоры между подведомственными их суду туземцами», то в последней редакции точно определены функции, с указанием границ распространения прав народных судей:

«Народным судьям предоставляется свидетельствовать:

а) сделки об отчуждении земельных участков между туземцами, если стоимость участка не превышает 300 рублей...

б) всякого рода другие акты и договоры между туземцами»[1].

Здесь налицо выдвижение на передний план не рассмотрение, всякого рода актов и документов между оседлым населением, а конкретные вопросы о земельных участках как наиболее крупном и важном объекте деятельности народных судов и только во вторую очередь договоры и акты между дехканами.

Что касается статей, относящихся к определению и дальнейшей судьбе вакуфного землевладения, то за исключением некоторых чисто формальных изменений, введенных в «Положение» в целях приведения в соответствие с общей терминологией, в 1900 и в последующие годы основные статьи церковного землевладения как населенных, так и ненаселенных вакуфов остались почти без изменения.

Непосредственным дополнением к характеристике земельных отношений является раздел четвертый, в особенности глава первая «Подать с оседлого населения». Статьи 285 и 286 следующим образом характеризуют обложение налогом оседлого населения:

«Земли как населенные так и ненаселенные, принадлежащие частным лицам, обществам и установлениям, или состоящие только в постоянном их владении, пользовании и распоряжении, облагаются в доход казны государственным поземельным налогом. Хераджный и танапный сборы отменяются. В городах, посадах и местечках взимается... поземельный сбор».

Обложению государственным поземельным налогом не подвергались вакуфные населенные земли, «весь доход которых назначен вакуфным документом (вакфнаме) в пользу мечетей или школ или же надобностей общественного призрения, принадлежащие мечетям сады, рощи, если они служат местами молитвенных собраний, общественных празднеств, отдохновения путешественников». В статье 286 имелось приложение, указывающее, что при учреждении новых вакуфов не освобождаются от обложения земли, с которых взимается государственный поземельный налог. Государственный Совет выступил с проектом отмены примечания первого из статьи 285, как утратившего свое значение, ввиду того, что

«Память о хераджном и танапном сборах постепенно изглаживается в среде населения, ввиду этого нет никакой необходимости сохранять в законе постановление об отмене таких сборов, которые никогда законом устсановлены не были, и лишь создают как-будто какую-то связь действующего подобного устройства с существовавшими при туземных правителях порядками».

Что касается статьи 286, то Госсовет больше всего беспокоит вопрос о населенных вакуфах, «весь доход которых назначен вакуфным (вакф-наме) в пользу мечетей или школ или же для надобностей общественного призрения». В объяснительной записке к проекту «Положения об управлении Туркестанского края» (1903 г.) указывается:

«Не подлежит сомнению, что во времена мусульманских правителей право на податные льготы может давать только документ, утвержденный ханской печатью или освободительной грамотой; однако обратное заключение, что всякий документ, снабженный печатью хана или эмира, давал право на податные льготы, является по меньшей мере сомнительным: ханы, как известно, так же легко давали, как и отнимали свое благоволение, а вместе с тем и всякие сопряженные с ним материальные блага, причем вакуфные учреждения никакого исключения в этом смысле не составляли, а потому не подлежит сомнению, что учреждение, выхлопотавшее ханскую печать или грамоту, впоследствии часто лишалось сопряженной с ними податной льготы по простому распоряжению хана, **который однако вовсе не заботился** о том, чтобы отобрать вместе с тем свою печать или документ; далее известно, что положение всех правителей Бухары и Коканда никогда не отличалось безусловной прочностью, всегда налицо имелись более или менее счастливые претенденты на занимаемый ими престол, которые, заявляя себя ханами, ради увеличения своих приверженцев, **не стеснялись раздавать всевозмож-**

[1] См. указ. рукопись, стр. 130.

**ные, а в том числе податные льготы:** значение таких льгот утрачивалось немедленно с поворотом счастья, причем однако документы с печатями сохранялись у их обладателей»[1].

Таким образом, о ханской печати или другой грамоте, дающей право на льготы от налогообложения, необходимо решать конкретно в каждом отдельном случае, руководствуясь принципом, установленным государственным советом, согласно которому «вакуфные земли признаются русским правительством и сохраняются в силе на существующем основании, должны решаться сообразно тому, **пользовалась ли фактически данная вакуфная земля податными льготами до присоединения края к империи или нет**». Помимо учета этого важного фактора вопрос должен выясняться поземельно-податными комиссиями, работавшими согласно «Положению...» 1886 года, правилами о введении поземельно-податного устройства и, наконец, инструкциями, издаваемыми генерал-губернатором. Здесь в отличие от других форм землевладения характерно пристальное внимание военно-феодального империализма к положению, которое занимали вакуфы в доколониальный период, более полный учет условий в налогово-податном отношении. Государственный Совет считал совершенно недостаточным трактовку «Положения» о том, что право на освобождение от уплаты поземельного налога признается лишь за теми «ненаселенными землями», «весь доход с которых назначен в пользу мечетей, школ или же для надобностей общественного призрения», т. к. это вызывает «недоразумения», вытекающие «единственно лишь из неполноты номенклатуры учреждений, могущих претендовать на податные льготы». Госсовет откровенно высказал мнение, что имеющее место (ст. 289) указание на то, что вакуфные ненаселенные земли, доход с которых назначен вакуфным документом (вакф-наме), частью в пользу мечетей или школ следует заменить словом **«все»**, т. к. весь доход назначен в пользу вакуфного учреждения, то есть так, как это имело место в действительности, в противном случае могло создаться впечатление, что не весь доход идет на пользу мечетей, школ, надобностей общественного призрения, а часть его расределяется по другим каналам, что могло в конечном

[1] Объяснительная записка..., стр. 317.



счете вызвать крупные недоразумения. Существенное значение для определения дальнейшей судьбы вновь учрежденных вакуфов имеет примечание к статье 286: «При учреждении новых вакуфов не освобождаются от обложения земли, с которых взимается государственный поземельный налог». Это примечание предопределяет образование новых вакуфных владений, во-первых, тем, что ставит их под контроль колониальной, центральной власти, во-вторых, не предоставляет им никаких преимуществ, оставляя их на положении обычного землевладения, то есть полностью распространяя на них всю силу «Положения об управлении Туркестанского края». Таким образом, перспективы дальнейшего роста и развития этой важной формы землевладения ставились под неусыпный надзор правительства.

Другой категорией землевладений, на которые не распространялась ст. 287, были вакуфные ненаселенные земли, доход с которых назначен вакуфным документом (вакф-наме) в пользу мечетей, школ для надобностей общественного призрения. Другая часть этих доходов «назначалась в пользу частных лиц, определенной в пользу их доли дохода». Указанные статьи «Положения...» не претерпели сколько-нибудь существенных изменений и в последующий период. Значительно сократились по сравнению с ханскими временами натуральные повинности населения. В хивинском ханстве, например, в рассматриваемый период насчитывалось до 25 различных сборов, повинностей и налогов, в Бухарской области — более 50. О налогах в ханствах можно судить по записке царского генерала Сусанина: «Неся громадные повинности — денежные и натуральные, они (земледельцы Хивинского ханства — *А. Ю.*) бедны, бедны от поборов сановников, которые ими управляют, которые нередко произвольно как хотят, так их и облагают. Беки и их подчиненные, не получающие от хана содержания.., собирая подать с народа, в то же время стараются обогатить и себя, накладывая на население размер налога, по своему усмотрению, часто непосильный народу»[1]. Не лучше было положение и в Бухаре.

Статьей 290 определялась средняя валовая доходность земель, обрабатываемых путем искусственного

[1] ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 593, л. 51а.

орошения, исходя из фактически обрабатываемой площади («действительно обрабатываемой под произрастания»), среднего урожая, средних местных цен на продукты, «составляющие главные по занимаемому ими пространству и доходности, произрастания участка». К этой статье имеется чрезвычайно важное «примечание». Средняя валовая доходность земель, занятых посевами американского хлопка, отдельно не исчислялась и земли эти облагались государственным поземельным налогом в одинаковом размере с орошаемыми полями, занятыми прочими сухими посевами. Это примечание в законодательном порядке предоставило широкие возможности для развития хлопководства, преимущественно хлопковых посевов американских семян. Эти льготы способствовали расширению хлопковых площадей, т. к. хлопок давал продукт, стоимость которого, а соответственно и цена, были значительно выше, чем таких сельскохозяйственных культур, как зерновые и прочие; и в то же самое время с единицы хлопковой площади выплачивался налог, размером не превышающий налога с той же площади, засеянной прочими сельскохозяйственными культурами.

Помимо общеэкономических причин, способствовавших интенсивному внедрению в севооборот американских семян хлопчатника, большое место принадлежит указанному выше примечанию, согласно которому хлопчатник был поставлен в более благоприятные, в более выгодные условия, чем другие культуры, что в конечном счете привело к превращению его в монокультуру, от развития которой были поставлены в зависимость не только другие отрасли сельскохозяйственного производства, но и вся экономическая жизнь края[1].

Размер поземельного налога, согласно статье 291, определялся с орошаемых земель отдельно по каждому земельному участку («поземельному владению»), принадлежащего «целому обществу или частному лицу», причем срок установленного размера действовал шесть лет. Это обстоятельство предупреждало каждое хозяйство дехканина от злоупотреблений, которые имели место в доколониальный период; это давало крестьянину

[1] Более подробное влияние этого положения на эволюцию хлопководства рассматривается во второй главе.



возможность стабильно вести хозяйство, когда он знал размер части урожая, который будет необходим для выплаты налога и ту часть, которая останется в его распоряжении, что давало известный стимул для улучшения своего хозяйства. К этой статье была впоследствии присовокуплена статья 291, в которой указывалось, что если по каким-либо чрезвычайным обстоятельствам (наводнение, заносы песком и т. п.) часть обложенных государственным поземельным налогом земель будет превращена в непроизводительное, «бездоходное» состояние, то владельцу предоставляется право ходатайствовать об исключении «означенной земли из оклада», то есть предоставлялась возможность учесть неблагоприятные погодно-климатические потрясения для сокращения масштаба поземельного налога, установленного на шесть лет. Для сопоставления приведем лишь один пример. В Хивинском ханстве основная масса крестьянства выплачивала верховному собственнику земельную ренту в виде налога, называвшегося «салгыт» (у туркмен — «салгыт кесме», у каракалпаков — «чангарак»). Одна из категорий землевладения, называемая «атаи мульк» в податном отношении, подразделялась на три группы: высшая группа (аъло) — владельцам 10 и более танапов земли, платили салгыт в размере 6 тилли (10 руб. 80 коп.); средняя (авсат) — владельцы от 5 до 10 танапов земли платили 4 тилли (7 руб. 20 коп.); низшая группа — (адно) — владельцы участков до 5 танапов выплачивали 2 тилли (3 руб. 60 коп.). Безземельные крестьяне, проживающие среди землевладельцев атай-мулькдаров, тоже включались в низшую группу «адно» и платили с хозяйства 2 тилли. Как видно из приведенных данных сетка налогообложения была порочной по существу, т. к. владельцы земель размером более 10 танапов платили налога всего на 2 тилли больше, чем владельцы земель размерами 5, 10 танапов. Здесь налицо льготы в податном отношении для крупного и крупнейшего землевладения. Такую же картину мы наблюдаем и при сравнении групп авсат и адно. Однако положение осложнялось еще тем обстоятельством, что был нарушен существовавший на протяжении длительного периода обычай, по которому через каждые 20 лет проводилась перепись земель, которая являлась мерилом перевода дехкан из одной податной группы в другую. Если агло, платив-

ший подать в 10 руб. 80 коп., за время, прошедшее с момента переписи, обеднел, то его переводили в группу, плативщую меньший налог (авсат или адно), и, наоборот, если владелец адно, плативший 3 руб. 60 коп., богател, то ему повышали его категорию и взимали больше налога[1]. Во второй половине XIX в. переписи стали проводиться нерегулярно, а с 1886 года вообще не проводились[2].

Из сказанного выше видно, что, по сравнению с обложением податями и налогами во времена ханского владычества, система царских колониальных властей отличалась более устойчивыми и значительно ослабленными нормами обложения, регламентировала поземельно-податную систему таким образом, что для злоупотреблений, имевших место в ханский период, оставалось мало возможности. В совокупности с общим поощрением развития хлопководства в Туркестане все это создавало большую заинтересованность хлопководов в увеличении производства хлопка, что привело к расширению хлопкового клина ценой сокращения или совершенного изъятия из оборота нехлопковых культур.

Вакуфное землевладение в «Положении...» 1886 года регламентировалось рядом статей, разработке которых предшествовала работа различных комиссий. Для примера приведем регламентацию вакуфного землевладения в Ферганской области. Одновременно с ликвидацией суверенитета Кокандского ханства в 1876 году была учреждена так называемая организационная комиссия. Вакуфные имущества вымежевывались этой комиссией в тех случаях, когда вакуфными учреждениями производились заявления о принадлежности земли вакуфу, причем вакуфные документы отбирались для последующего их рассмотрения. Четыре года спустя комиссия, назначенная для проектирования инструкций, составила доклад, утвержденный 6 апреля 1880 года Кауфманом, с приложением «Свода об общественном, податном и поземельном устройстве Ферганской области».

---

[1] *О. Шкапский.* Как хивинцы ведут поливное хозяйство на своих безводных землях. М., 1900, стр. 56.

[2] *В. Гиршфельд* и *М. Н. Галкин.* Военно-статистическое описание хивинского оазиса, ч. II, Ташкент, 1903.



Согласно «Своду» предполагалось вакуфные незаселенные земли закрепить за вакуфными учреждениями, заселенные же — за теми, кто их заселяет, причем вакуфные учреждения за отошедшие земли получают вознаграждение. За вакуфными учреждениями закреплялись лишь те земли, на которые у них оказывались действительные документы, в случае же отсутствия таковых земли этим учреждениям отводились лишь на право постоянного пользования, но в том и другом случае вакуфные учреждения вносили в государственную казну оброчную подать.

Оценивая основания, которыми руководствовалась организационная комиссия, Государственный Совет при обсуждении проекта Положения 1886 года отмечал: «В Ферганской области, где организационные работы уже произведены, разбор вакуфных документов и прав может быть возложен на областное правление в обыкновенном его составе при содействии уездной администрации».

Своеобразной была регламентация вакуфов в Зеравшанском округе. Распоряжение начальника округа генерал-майора Абрамова от 11 июня 1868 года признавалось возможным подчинить «общему сбору податей только земли мульковые (частновладельческие), распространять же эту меру на вакуфные земли найдено было неудобным», потому что земли эти имеют другое назначение. Вакуфные земли освобождались от всякого сбора в пользу казны, и доход с них оставлялся в пользу вакуфных учреждений, исключение делалось только в тех случаях, когда вакуфные документы окажутся подложными. Затем, в 1873 году, вследствие одной частной жалобы на злоупотребления мутевалия, тем же генерал-майором Абрамовым было сделано распоряжение о том, чтобы земельные вакуфные имущества самаркандских медресе Тиллякори, Ширдор и Улугбек сдавались бы в аренду не мутевалиями, а русской администрацией. В 1874 году циркулярным предписанием начальника Зеравшанского округа сдача в аренду земельных вакуфных участков уездной администрацией, а не мутевалиями была распространена на весь округ, а в 1876 году учреждена особая комиссия для определения количества и доходности вакуфных земель и с этого года все вакуфные имущества Зеравшан-

ского округа уже находились в фактическом заведовании русской власти — земельных управлений начальников отделов (уездов), доходы поступали в депозит последних и выдавались мутевалиям, обязанным представлять отчетность в использовании этих сумм.

Вакуфных доходов, то есть арендной платы за вакуфное имущество, или каким-либо иным способом извлекаемой пользы с этого имущества вакуфные установления почти не получали (большинство вакуфных имуществ были населенные земли). Вместо их они получали поземельную подать (полностью или часть) с вакуфного имущества, вносившуюся в казну (танап или херадж).

Таким образом, арендатор вакуфных земель, внося установленную $^1/_{10}$ часть урожая в казну, непосредственно вакуфному учреждению не платил. Оно получало от мусульманского правительства определенную часть с этой одной десятой, сообразно с приобретенным вакуфным установлением правом в отношении податных льгот. Иного вида доходов с земельных имуществ почти ни один вакуф не имел. Право на получение вакуфами поземельной подати от завещанного им имущества приобреталось в случае отказа эмиров от этих податей.

Что же касается вакуфных земель, приведенных в культурное состояние, то в целях освобождения определенной их части навсегда от подати другая часть передавалась в собственность казны. Случаи извлечения вакуфными установлениями доходов, в собственном смысле, были исключительны, вообще же в Зеравшанском округе, Самаркандском и Каттакурганском уездах прочно установилась и вошла в обычай практика «обеления» вакуфных имуществ в известных долях к размеру хераджного и танапного сборов.

Заведование мутевалиев вакуфными имуществами свелось к получению только доходов с имущества, сами же земли, числясь вакуфными по данным уездных управлений, на самом деле находились в фактическом владении, пользовании и распоряжении посторонних частных лиц. Фактические владельцы, потомственные арендаторы, земли эти продавали при посредствах казиев, передавали по наследству, обменивали и пр. В таком положении был вакуфный вопрос в Самаркандской области накануне введения «Положения...» 1886 года.



Исходя из того, что на такого рода имущества вакуфные установления не могли предъявлять претензии и, следовательно, не имели права на получение поземельного налога, причитающегося с этих имуществ, **поземельно-податные комиссии** замежевывали эти земли за сидевшим на них населением, а государственный поземельный налог с этих имуществ обращали в доход казны. На этом основании вакуфные учреждения Самаркандской области были лишены тех частей поземельной подати, которые они получали из казначейства в течение трех десятилетий колониального периода.

Статья 265 «Положения...» 1886 года гласит: «Населенные земли, входящие в состав признанных правительством вакуфов, остаются во владении сельских обществ, на основаниях, определенных статьями 255—261, 263, 264; ненаселенные земли, составляющие признанные правительством частные вакуфы, оставляются за теми лицами, в пользу которых вакуфы учреждены, и наследников этих лиц до пресечения потомства»[1].

Важная особенность этой статьи состояла в том, что населенные и ненаселенные вакуфы считались действительными только при непременном условии — признании правительством.

Под признанием правительства и подразумевалось, прежде всего, признание колониальной властью земель церковных учреждений и лиц. А это дело было не столь простым, как кажется на первый взгляд, судя по приведенной выше статье. Известно, что всякое вакуфное пожертвование закреплялось особым документом — «вакфнаме», который свидетельствовался печатями, одного или нескольких казиев, состоявших при них толкователей шариата, свидетелей пожертвования. Закреплялось такое пожертвование ханской печатью.

Оценку неразберихе и произволу с «ханской печатью» мы находим в объяснениях начальника временного поземельно-податного отделения Ферганского областного правления:

«Внутреннее административное благоустройство в бывшем Кокандском ханстве находилось в самом печальном положении; на

---

[1] Положение об управлении Туркестанского края, Ташкент, 1903 стр. 155.

всех ступенях администрации царствовал полнейший произвол, не только самого хана, но и всех прочих правительственных лиц; к тому же постоянные смены любимцев и приближенных лиц, а также самих ханов лишали даже и произвольные распоряжения административных лиц всякой устойчивости; то, что было вчера установлено и приказано завтра отменялось и лишалось обязательной силы; если к этому прибавить совершенное отсутствие и всякого внешнего порядка, выражающегося в известной обязательной форме объявления и приведения в исполнение тех или других распоряжений, то станет понятным, что придавать то или другое определенное значение присутствию или отсутствию ханских печатей по меньшей мере рискованно. Всякая лишняя печать на документе просто как бы присоединяла факт пожертвования одного лишнего лица, имеющего ту или другую степень власти, и хотя бы до известной степени гарантировала от произвола этого лица; понятно, что во главе таких лиц всякий жертвователь старался поставить царствующего хана, и сам лично, или же по знакомству и протекции близких к хану лиц, добывал себе на документе оттиск ханской печати; со своей стороны хан, конечно, также не слишком скупился на оттиски своей печати. Едва ли можно даже сомневаться в том, что масса ханских печатей прикладывалась просто без его ведома — у хана бывали целые связки печатей, которые хранились на руках у его приближенных и, конечно, без всяких предосторожностей: самое прикладывание печати не сопровождалось никакими формальностями, нигде не записывалось, и , таким образом, злоупотребления печатью хана могут считаться более чем вероятными. Если к этому прибавить, что никакая туземная печать (а в том числе и ханская) не дают возможности судить о времени ее приложения, т. к. вырезанная на ней дата означает только год, в который она вырезана, и тот факт, что самый процесс вырезания печати для хана не сопровождается никакими формальностями, можно без опасения ошибиться, признать, что ханская печать на вакуфных документах никакого значения не имеет, и если даже она не подложная, то все ее значение заключается в том, что хан, в известный момент, ничего не имел против такого-то вакуфного пожертвования»[1].

Для оценки положения описанного выше приводим данные, характеризующие эволюцию делопроизводства по рассмотрению вакуфных документов. В Ташкентском уезде из 397 представленных документов «оставлено» без рассмотрения за отсутствием печатей 36, передано на исследование комиссара —72, в том числе были признаны отвечающими «Положению... 1886 года» по областному правлению 3, по «определению генерал-губернатора Туркестана —3», иными словами, из 397 вакуфных документов, признанных действительными, то есть, отвечающих закону, только 6, всего около 2%, в то время

[1] Материалы для статистического описания Ферганской области, 1897, стр. 21—22.



как 98% по тем или иным причинам были отклонены. В Самаркандской области из 1758 представленных документов, «оставленными без рассмотрения», то есть фактически отклоненными, были 1651 только за отсутствием печати хана, что составляло 94%. В Ферганской области из 5800 документов «оставлено за неимением ханской печати» 4177, что составляло 72%. Из 648 «переданных на исследование комиссара» документов половина приходилась на Маргиланский и Андижанский уезды. В Маргиланском уезде комиссарами было выделено на планах 136 населенных вакуфных владений, общей площадью 10 472 десятины и 16 населенных вакуфов, принадлежавших 2079 владельцам, площадью 12 058 десятин. В Андижанском уезде было выделено 2550,7 десятины и 28 населенных вакуфов, площадью 21 270 десятин. Из этого количества право на освобождение от налога по отношению к населенным вакуфам было признано областным правлением в Маргиланском уезде лишь для 55,5 десятины (из 12,058 дес.), а в Андижанском 3739,3 десятины (из 21 270 дес.).

Пален в своей ревизии откровенно отмечал:

«Похоронив в архивах областных правлений вакуфные документы, местное начальство объявило туземцам, что в таком положении документы будут находиться «впредь до дальнейших распоряжений», а засим в течение почти четверти века не принято никаких мер к тому, чтобы двинуть вперед этот крайне щепетильный вопрос. Местами население примирялось с таким положением, решив, что победители могут свободно распоряжаться имуществом побежденных, местами же до сего времени **остается глухой ропот:** представители вакуфных установлений считают себя обманутыми, т. к. **никаких распоряжений о судьбе документов до сих пор не сделано»**[1].

Согласно протоколам комиссии по вакуфному делу при Туркестанском генерал-губернаторе из 7509 документов на право владения вакуфом, представленных к указанному сроку (1887 г.), лишь 737 имели ханские печати. В результате исследования специальной комиссией оказались рассмотренными только 395 документов, 285 владельцев которых имели в собственности 13 023 десятин земли.

[1] Поземельно-податное дело, СПб., 1910, стр. 71—72.

Образование новых вакуфных владений регламентировалось ст. 266: «Учреждение новых вакуфов допускается не иначе как с разрешения генерал-губернатора, который дозволяет сие единственно в случаях, заслуживающих особого уважения». Эта статья вполне определенно констатирует, что создание новых вакуфов разрешается самой высокой инстанцией колониальной администрации — генерал-губернатором Туркестана, соизволение которого имеет не общий характер обычного распространенного на общем основании порядка, а в виде исключительного случая, трактуемого в «Положении... 1886 года», как «заслуживающее особого уважения». В самом определении недвусмысленно и резко ограничивается практика создания новых вакуфов.

Порядок рассмотрения «законности» вакуфных документов новой колониальной властью как с точки зрения их «обеления», освобождения от податей и налогов, так и с точки зрения установления права владения, пользования и распоряжения определялось ст. 267:

«Утверждение вакуфных документов, устройство управления вакуфами, наблюдение за правильностью употребления вакуфных доходов и право ревизии их принадлежит областным правлениям». Согласно ст. 286, 289, 299 определялась категория землевладений, освобожденных от налогообложения: «Государственному поземельному налогу не подлежат вакуфные населенные земли, весь доход с которых назначен вакуфным документом (вакф-наме) в пользу мечетей или школ, или надобностей общественного призрения. Вакуфные ненаселенные земли, доход с которых назначен вакуфным документом (вакф-наме) частию в пользу мечетей или школ, или надобностей общественного призрения, частию в пользу частных лиц облагаются государственным поземельным налогом в той части средней валовой доходности, которая соответствует определенной в пользу частных лиц для дохода. Государственный поземельный налог, взимаемый с населенных вакуфных земель в пользу мечетей, школ или надобностей общественного призрения, передается полностью установлениям только в том случае, если вакуфными документами были предоставлены тем же установлениям, так же полностью хераджный и танапный сборы; в противном случае выдаются только часть соответствующая доле хераджного и танапного сбора, и остальное поступает в казну».

Существенным дополнением и объяснением рассмотренных выше статей, касающихся вопроса о вакуфном землевладении, являются «Правила о введении поземельно-податного устройства», фигурирующие в «Положении...», как «примечание» к ст. 255. Особо необходимо



подчеркнуть статью 6 «Правил»: «Всякого рода и наименования документы, устанавливающие вакуфные права на землю, но предъявленные после 1 июля 1887 года в Областные Правления, признаются недействительными».

Весьма жесткие правила и сроки дают представление о том, что этот вопрос требовал немедленного, срочного законодательного оформления. Несмотря на большую дискуссию о границах вакуфного права, которая не прекращалась вплоть до Октябрьской революции 1917 года, военно-феодальный империализм довольно точно разграничил вопрос о праве на владение от вопроса об «обелении вакуфов», то есть освобождении их от обложения. О том, в каком положении оказывалось вакуфное землевладение Государственный Совет (авторитетный орган царского правительства по разъяснению законов и законопроектов) «высказался в том смысле, что вакуфные земли признавались русским правительством и сохранялись в силе на существующем основании, то есть на основании обычая. Отсюда вывод, что для вакуфов, как отдельных землевладений, закон имел в виду те же приемы, способы и доказательства, которые были определены для других категорий землевладения, — утверждение **права** землевладения на основании установленного **факта** землевладения»[1].

«Этот взгляд,— вторит Госсовету ревизия Палена,— недостаточно последователен и ясно приведенный в действующем законе, должен быть признан единственно правильным в рассматриваемом вопросе. Действительно, нет никаких серьезных оснований применять различные принципы и приемы при разрешении поземельного вопроса в отношении частных лиц туземного населения в вакуфных учреждений, т. е в отношении первых руководствоваться ст. 255 Палена, а в отношении вторых — представленных вакуфными документами. Утверждение за вакуфными установлениями недвижимых имуществ **на основании письменных актов,** признанных законными, повело бы к необходимости основывать свои решения на шариате, одним словом, повело бы к созданию нового земельного института, регламентируемого шариатом, которому тем самым пришлось бы придать значение и силу закона — все это вместе взятое заставило бы отступиться от того глубоко верного взгляда, которого до сих пор держалась русская власть, в далекой окраине, взгляда, в силу которого направление нашей политики при устроении Туркестанского края должно заключаться лишь в допущении, на сколько это пре-

[1] Поземельно-податное дело, СПб., 1910, стр. 328.

доставляется возможным, существующего правового строя, на местном обычае, основанного по отнюдь не в закреплении его и присвоении корану силы писанного закона»[1].

Ревизия Палена пришла к выводу о том, что на основании ст. 265 «Положения...», населенные вакуфные земли утверждались за осевшим на них населением по признакам, указанным в ст. 255, помимо какого-либо выяснения подлинности или недействительности вакуфных документов»[2], то есть в действительности речь идет о распространении основных положений ст. 255 на все вакуфное землевладение. Таким образом, ревизия пришла к выводу о том, что земельные права вакуфных учреждений определяются не письменными документами (вакф-наме) и пр., так как в противном случае пришлось бы допустить, что вакуфы, утвержденные за населением, необходимо признать принадлежащим вакуфным учреждениям.

«Подымать же подобный вопрос, а тем более допустить возможность ломки заканчиваемого уже поземельного устройства, представляется не только нежелательным, но и опасным по могущим быть последствиям — весьма понятного неудовольствия и ропота со стороны тех насельников, за коими эти земли уже утверждены»[3].

Таким образом, начиная от первого постановления о вакуфах в Туркестанском крае после присоединения, получившем отражение в проекте положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей (1867 г.), 295 статья которого гласила: «Вакуфные земли, по рассмотрении в областном правлении документов на оные, разделяются на основании ныне существующего порядка, на обеленные, т. е. освобожденные от сборов и платежей и установленных податей, затем вновь дарствующие вакуфы должны платить хераджи танапный сбор на общем основании», вплоть до ревизии Палена, царизм,

«утвердив за населением те вакуфные земли, которые находились в их фактическом пользовании и владении и предоставив вакуфным учреждениям право на государственный поземельных налог лишь в тех случаях, когда по вакуфным документам хераджный

[1] Поземельно-податное дело, СПб., 1910, стр. 328—329.
[2] Там же, стр. 329.
[3] Там же.



и танапный сборы обращались в пользу этих учреждений... лишив во многих случаях вакуфные учреждения тех доходов, которые они, если не в силу письменных документов, но в действительности получали»[1].

Как известно, вакуфное землевладение в Хивинском ханстве сохранилось и в колониальный период. По более уточненным данным А. Болтаева, обрабатываемые земельные участки, принадлежащие религиозным институтам, составляли 122 855 танапов[2], что составляло 20% от общего числа находящегося в обороте земельного фонда. Эти же данные обнаруживаются из архивных материалов, по которым вакуфное землевладение составляло 282 152 танапа, в том числе 120 000 танапов обрабатываемых земель[3]. Архивные данные показывают, что крестьяне Хивы арендовали вакуфные земли преимущественно маленькими участками. Так, например, медресе Мухаммед Рахим-хана (местность Мангит) имело земельную площадь в 2500 танапов, Сайтназарбек (местность Манак) — 3000 танапов, Ибадуллы Тюры (местность Ширшали) — 1000 танапов[4]. Однако, несмотря на крупные размеры вакуфного землевладения, землепользование оставалось мелким и мельчайшим. В указанных выше владениях земли сдавались крестьянам на издольных началах мелкими участками, размер которых колебался от четверти до 2 танапов, то есть существование крупных наделов еще не означало ведения хозяйства на крупных современных, по тому времени, началах, так как экономическая и техническая основа этих хозяйств представляла собой мелкотоварное сельскохозяйственное производство феодального типа, ничем фактически не отличавшееся от обычных хозяйств, свойственных среднеазиатским ханствам. Крупные арендаторы вакуфных земель, сдавая их в свою очередь в аренду на условиях издольщины, получали прибыль, во много раз превосходящую сумму аренды, которую нужно было платить религиозным институтам. Таким образом, рядом с крупными духовными землевладельцами выраста-

[1] Поземельно-податное дело. СПб., 1910, стр. 330.
[2] Указ, рукопись А. Болтаева хранится в Хорезмском историко-революционном музее, тетрадь 39, стр. 45.
[3] ЦГА УзССР, ф. И — 125, оп. 1, д. 483, л. 1—189, а также д. 527, л. 93.
[4] Там же, лл. 132, 93.

ла не менее могущественная прослойка господствующих классов — земельная аристократия.

С другой стороны, происходил не менее глубокий процесс разорения и обнищания непосредственных производителей материальных благ — дехканства, эксплуатируемого на вакуфных землях. Сборы с арендованных вакуфных земель производились как в натуральной, так и денежной форме. Из 120 тыс. танапов обрабатываемых вакуфных земель, примерно со 100 тыс. 392 танапов[1], или около 83% арендная плата взималась натурой. По отдельным медресе отношение натуральных и денежных повинностей еще более разительное. Так вакуфное землевладение медресе Али Кулихана, равное 6640 танапов, с площади в 6478 танапов, или с 97,5%, взимало сборы натурой[2], в медресе Мусс Тюра — 98,4%, медресе Мухаммед Амин Инака — 93,3%[3].

Указанные факты подтверждают слабое, по сравнению с районами, входящими в состав коренных областей Туркестанского генерал-губернаторства, развитие товарных и денежных отношений в вакуфном землевладении и свидетельствуют, что здесь в основном господствовало натуральное ведение хозяйства при мелком и мельчайшем землевладении. Однако получение доходов в виде сборов со сдаваемых на арендных началах вакуфных земель были не единственными источниками содержания духовенства. Кроме земельных участков, медресе имели городские вакуфы: лавки, караван-сараи, мельницы, бани.

Обращенные в вакуф земли (как и все имущество) не могли быть ни проданы, ни заложены, ни подарены, ни отчуждены каким бы то ни было образом, кроме тех случаев, когда упразднялась та религиозная организация, в пользу которой был учрежден вакуф, или когда последний переставал давать доход[4]. Однако, в начале XX в. нередки были случаи купли и продажи вакуфных земель в обход правил шариата под видом продажи построек и насаждений на вакуфной земле. Так, в договоре, заключенном между Хивинским ханом, с одной стороны, и Андронниковым и Путиловым, с другой, (1913 г.) указывается: «По собственному признанию, допускаемому шариатом, наименованный в конце сего окончательно продал почетному князю Андронникову и Путилову собственную потомственную землю со всеми угодиями мерою 1500 танапов, состоящую в пользовании вакуфного учреждения, находящуюся в местности Лаузан. Мы получили плату, они получили землю... Покупатели обязаны строго выполнять все условия... и в пользу медресе покойного Атаджан Хюре ежегодно вносить аренду по 200 рублей»[1]. Хотя вакуфные земли в некоторых случаях и могли продаваться, покупатели ее обязаны были вносить определенную плату религиозным институтам. Арендатор вакуфной земли после трех лет аренды имел право продать землю другому лицу... «арендаторы продают не самую землю, а лишь обработанную ими поверхность земли с насаждениями». При этом всякий арендатор как старый, так и новый должен уплачивать на нужды вакуфного учреждения $^1/_{10}$ часть урожая[2],— читаем мы у О. Шкапского. Однако купля-продажа земли незначительными земельными участками также имела место в ханстве. Это видно из жалобы арендатора вакуфной земли некоего Ахмеда, проживавшего в местности Узбек-япа на Мутавалли Жуманияза, который продал землю в 5 танапов некоему третьему лицу, не поставив даже в известность человека, в пользовании которого находился этот участок[3]. Кроме вакуфного землевладения, в Хивинском ханстве существовало и мульковое, которое делилось на атаи мульк и ярлыкли мульк. По происхождению они отличались друг от друга тем, что первое, то есть атаи мульковое землевладение передавалось по наследству, а ярлыкли мульки из числа казенных земель по ханским ярлыкам в разное время передавались в вечное и потомственное владение частным лицам за несение службы (военной) или за другие отличия и заслуги. Ярлычные мульки были весьма

---

[1] ЦГА УзССР, ф. И — 125, оп. 1, д. 484, лл. 30—302.
[2] Там же, д. 483, л. 119.
[3] Там же, д. 484, л. 298.
[4] *А. Х. Хамраев.* Несколько образцов «наследственного вакуфа», диссертационная работа. См. также Бюллетень САГУ, вып. 25, 1947, стр. 205.



[1] ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, д. 5007, л. 9.
[2] *О. Шкапский,* Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 129—130.
[3] ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 506, л. 383.

близки к частнособственническим наделам, то есть ханская власть удостоверяла владельца, которому выдан ярлык в том, что он может пользоваться правом собственности на землю вечно. Однако было бы неверно причислить все категории землевладения ярлыкли мульк к полной частной собственности, то есть категории частновладельческих хозяйств, присущих оседлым районам Туркестана ввиду того, что процесс развития этой формы протекал под сильнейшим воздействием ханской власти. Ярлыкли мульки представляли собой одну из форм перехода в частновладельческую собственность.

Ярлыкли мульки иногда образовывались в результате превращения крестьянами в плодородную, необрабатываемой ранее части государственной земли. Лица, получившие надел таким образом, старались заручиться документом от хана на владение обрабатываемой ими земли и по получении документа становились ярлыкли мулькдарами. Обрабатываемая ими земля заносилась в число простых мульков. Таким образом, в ханстве образовывался «простой мульк». С владельцев этих мульков взимали такую же подать, как и с владельцев ярлыкли мульков.

Другой категорией мульковых земель являлись «атаи мульки». Владельцы их назывались «атаи мулькдарами» и делились на три группы: аъло — высшая, авсат — средняя и адно — низшая. Атаи-мулькдары, имевшие свыше десяти танапов земли, входили в разряд аъло, от пяти до десяти танапов относились к разряду авсат, а до пяти танапов — в группу адно[1]. С атаи мулькдаров взимались не поземельная, а подворная подать, сообразно тому разряду, к которому плательщики причислялись по своему имущественному положению. Эта подать носила черты подоходного налога. Например, с землевладельцев, владевших атаи и мульками, входившими в группу аъло, взимали по 6 тиллей; в группу авсат — по 4 тилли и в группу адно — по 2 тилли ежегодно.

Таким образом, владельцы атаи мульков платили в хивинскую казну не земельные налоги, как это было у ярлыкли мулькдаров, а подоходную подать, что и являлось одним из определяющих признаков частнособственнического мулька.

[1] *М. И. Йўлдошев.* Хива хонлигида феодал ер эгалиги ва давлат тузилиши, Тошкент, 1959, бет. 98.



На состояние вакуфного землевладения в Туркестане проливает свет обнаруженный автором доклад А. В. Горячкина, представленный ревизионной комиссией графа Палена[1]. В докладе выражается несогласие с общим курсом политики царского самодержавия в отношении вакуфного землевладения. В частности, А. В. Горячкин выступил против положения о том, что «не населенные земли, за которыми вакуфное право не признано, надзору никакому не подлежат».

«По моему мнению,— пишет А. В. Горячкин,— надзору и контролю областного правления должны подлежать не только вакуфные недвижимые имущества как земельные (незаселенные), так и не земельные, **но вообще все, на правах частного имущества,** принадлежащие тому или другому мусульманскому установлению — учреждению. Правительство и местная власть не могут не интересоваться судьбою этих имуществ, не составляющих частную собственность, а завещанных с известной целью, известному учреждению. Заботиться о благосостоянии вакуфных имуществ с политической точки зрения, конечно не в интересах правительства, но как бы малы они ни были не обращалось бы на цели антиправительственные, это его прямая обязанность».

Далее, автор подробно раскрывает содержание предлагаемых мер:

а) « в каждом учреждении должны быть книги, в коих должны быть занесены все вакуфные имущества, а также подробные сведения о произведенных расходах». Конечно лица, на которых будет возложен контроль правильности произведенных расходов, не полагаясь исключительно на записи доходов в книге, должны иметь самые точные сведения о количестве поступающих доходов с каждого имущества;

б) проверка правильности расходов должна производиться не менее двух раз в год, т. к. нередки случай, когда арендная плата получается установленной в два периода;

[1] Доклад инспектора Казанской татарской учительской школы А. В. Горячкина о состоянии народного образования в г. Самарканде в двух частях (начато 8 февраля 1909 г., окончено 20 марта 1909 г., на 287 листах).

в) в случае обнаружения злоупотреблений со стороны мутевалиев, последние **отстраняются от должности и предаются суду русскому**, а не туземному»[1].

А. В. Горячкин ратует также за правильный надзор «за внутренней жизнью медресе».

Однако такая обстоятельная ревизия, какой была ревизия Палена, не разделяла взглядов А. В. Горячкина (хотя были приняты во внимание его подробнейший отчет и большинство предложений, касающихся частных вопросов).

Вопрос об окончательной секуляризации всех категорий вакуфного змлевладения так и не был решен по соображениям «высокой политики», сущность которой заключалась в том, что царизм и российский капиталистический империализм понимали, что духовенство Туркестана имеет сильное влияние на массы трудящегося дехканства и, что нельзя опрометчиво отталкивать такого сильного союзника, который помогал ему держать в повиновении мусульманские массы трудящихся; с другой стороны, с точки зрения царского правительства нельзя было предоставлять духовенству право на обработку местного общественного мнения, то есть такого права, которое принадлежало колониальным властям. На вакуфы должен быть установлен:

«Единственно возможный взгляд как на имущества частные, пожертвования на богоугодные дела, а на самые вакуфные учреждения как на благотворительные общества и роль правительства должна ограничиваться лишь контролем над порядком расходования вакуфных сумм, с точки зрения политической, не вмешиваясь, ближайшим образом, в жизнь вакуфных установлений — в назначение и увольнение мутевалиев, в разрешение вопросов о законности и целесообразности произведенных ими расходов, являясь опекунами или даже вернее просто экономами мутевалий; в случае расхищения, присвоения вакуфных имуществ или доходов, а равно совершения иных правонарушений в отношении заведуемых ими имуществ, должны подлежать ответственности на общих основаниях, для туземного населения установленных»[2].

Характеристика аграрного законодательства в условиях Туркестана не может считаться полной без учета законодательства, связанного с водопользованием, так как система искусственного орошения предполагает органическое единство земельных и водохозяйственных отношений, единство политики как в области ирригации, так и землепользовании. Еще К. Маркс, определяя отличительные от запада особенности землевладения на Востоке, отмечал, что климатические условия огромных пространств пустыни «... сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия»[1]. Несмотря на чрезвычайную жизненную потребность в законодательном оформлении и водного вопроса, последний остался, по существу, менее разработанным даже в сравнении с землеустройством местного сельского оседлого населения. Основным актом законодательных норм водопользования являлась статья 256, согласно которой «воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах представляются населению в пользование по обычаю». По ст. 107 заведывание главными оросительными каналами возлагалось на арык-аксакалов, а заведывание побочными арыками — на мирабов. Арык-аксакалы назначались военным губернатором, который определял им и размер содержания из общественных сумм, но не более содержания волостного управителя, а мирабы избирались сельскими сходами. Права и обязанности уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов определялись инструкцией, утверждаемой генерал-губернатором[2]. Мираб был обязан содержать вверенные арыки в полной исправности «в смысле удовлетворения водой всех культурных земель и сбережения воды от излишней траты», содержать «головы арыков и все сооружения, на арыке, находящиеся, как-то: плотины, водопуски, подпруды, берега, сливные арыки и осушительные каналы в полной исправности для правильного действия и необходимость поддержания уровня как вод, так и дна, озабочиваясь своевременно очисткою арыков от ила, водорослей, трав и т. п.». В случае нарушения кем-либо из членов общества постановления, например, изменения очереди увеличения протока воды, изменения сооружений и т. д. мираб должен восстановить нарушенное и в случае соп-

[1] ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 342, лл. 220—221.
[2] Поземельно-податное дело, Спб., 1910, стр. 332.



[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 9, М., 1957, стр. 132.
[2] Инструкция о правах и обязанностях ирригационных чинов, уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов по заведыванию ирригацией в Туркестанском крае. Принята к руководству 2 августа 1888 г.

ротивления обязан обратиться к содействию сельского старшины.

Следующей ступенью административной лестницы по водопользованию являлись арык-аксакалы, которые были призваны «заведывать в главном арыке». Руководствуясь обычаем, он содержал в исправности головные плотины, подпруды, водосливные шлюзы, вододелители и берега подведомственного ему главного канала, а также поддерживал уровень воды, обеспечивая пропуск ее в установленном обычаем пропуска для побочных арыков, и осуществлял контроль над деятельностью подчиненных ему мирабов.

В случаях заявлений мирабов о неоказании содействия сельскими или аульными старшинами, или о неисполнении обществом приговоров об ирригации уездный начальник, убедившись в правильности требований мираба, давал распоряжения об исполнении приговоров. Так определялись границы уездной власти в области ирригации. В масштабе области руководство водораспределением, водопользованием выполнял заведующий ирригацией. Круг обязанностей заведующего весьма широк, начиная от установления правильного наблюдения над водоприемниками главных оросительных каналов и составления подробной карты всей сети ирригационных источников, определения орошаемых площадей, до составления соображений об охранении арычных систем.

В 1891 году приказом по Туркестанскому краю было определено, что устройство новых фабрик, заводов и мельниц при водяном двигателе допускалось только с разрешения сельского общества, уездного начальника и заведующего ирригацией при условии «не нарушения в чем-либо прав местного населения в отношении пользования водою». Если к этому прибавить право, дающее арык-аксакалам и мирабам носить особые знаки «для ношения при исполнении служебных обязанностей», то, как мы видим, в ирригационной системе и водопользовании почти ничего не было сделано. Между тем вся сельскохозяйственная жизнь Туркестана была неразрывно связана с использованием воды. Достаточно напомнить, что площадь орошаемых земель в Туркестане равнялась 1 млн. 738 тыс. десятин[1]. Такие размеры орошения требовали твердого юридического регламентирования сложнейшей системы ирригации в виде водного закона, который определил бы основные начала и принципы водопользования, на базе которого разрешались все спорные вопросы и недоразумения.

[1] *Н. Петров.* Об ирригации в Туркестанском крае, 1894, стр. 20.



Однако, несмотря на необходимость водного закона, проекты которого дебатировались в комиссиях и комитетах и отдельными лицами на протяжении почти 30 лет не привели ни к какому реальному результату.

В конечном счете, все проекты, так называемых «водных законов», были похоронены в бесплодных дебатах или отклонялись под различными мотивами. Из этого было бы неверным сделать вывод о том, что поскольку не существовало единого водного закона, постольку была похоронена и вся система искусственного орошения[1]. В Туркестане, в отдельных районах при отсутствии единого декрета о водопользовании, принимались шаги к практическому осуществлению посильных планов орошения.

Как же могло случиться, что столь животрепещущий вопрос, каким являлось водопользование, не был решен царским правительством и русской буржуазией? Еще ревизия Гирса (1882) указывала в своем конфиденциальном отчете на то, что «устройство плотины на р. Зеравшане... имеет для нас большое значение в политическом отношении, т. к. река Зеравшан снабжает водою Бухарское ханство, которое мы **можем, во всякое время лишить воды и тем держать его в полной от нас зависимости».**

Ревизия графа К. Палена также констатировала, что основные рычаги регулирования водой для орошения находятся в руках «русской администрации». Анализ всей имеющейся периодической официальной, так и неофициальной печати, статистических материалов и большого числа проектов дает возможность сделать единственно, на наш взгляд, правильный вывод о том, что принятие водного закона, законодательно утвержденного, оттягивалось не потому, что вопрос был недостаточно изучен,

[1] По этому вопросу см. подробно «Стенографический отчет Государственной думы», а также материалы ревизии сенатора *К. Палена* «Орошение в Туркестане», работу *А. М. Аминова* «Экономическое развитие в Средней Азии» и др.

не потому, что не назрела необходимость в таком документе, не потому, что недоставало квалифицированных специалистов для «выявления вопроса» и т. д. и т. п., а, главным образом, потому, что это было выгодно царизму и буржуазии; существующее положение устраивало колониальные власти, когда за ширмой «широчайшего» исследования материалов для принятия водного закона осуществлялись на практике все мероприятия, в которых царизм был кровно заинтересован, и, которые шаг за шагом претворялись в жизнь. Об этом красноречиво свидетельствует Г. К. Ризенкампф, который отмечал, что первая причина, «толкавшая царизм на серьезную и энергичную работу по оживлению Туркестана, было желание государства-завоевателя показать, что оно является культуртрегером во вновь завоеванном крае». «Русские правители Туркестана,— пишет дальше Ризенкампф,— ясно видели, что орошение в Туркестане — его основа жизни, что земельный голод туземного населения в некоторых местах достиг крайних размеров. Поэтому, естественно было их стремление расширения базы жизни. И, вот, сейчас же, по завоевании края, по почину первого генерал-губернатора Туркестана предпринимаются обширные работы по орошению Голодной степи»[1]. Практически осуществить ряд оросительных работ царизму и буржуазии, очевидно, было «легче» и «безболезненнее» и мало рискованно без законодательного оформления, так как эти работы могли быть проводимы в нарушение законных прав местного населения, истолковывая в каждом отдельном случае «Положение об управлении Туркестанского края» в свою пользу и, конечно, колониальным властям в высшей степени было бы невыгодно обходить в отдельных случаях еще один закон.

Период после революции 1905—1907 годов характеризуется для Туркестана как новый этап в развитии колонизации и переселенческой политики царизма. Сердцевину его составляло переселение, принявшее невиданные размеры в связи с «земельной теснотой» и революционным напором в центральных и южных губерниях России и, последовавшей за этим «новой» аграрной политикой царизма, рассчитанной на создание в Туркестане «крепкого» кулацкого хозяйства, которое явилось бы опорой русской власти в Туркестане в будущем. Решение этой задачи потребовало грубого нарушения ряда статей «Положения об управлении Туркестанского края» и вопиющего нарушения прав не только кочевого, но и оседлого сельского населения. В этих условиях принятие еще и водного закона, ущемляющего интересы местного населения, едва ли было выгодно не только в экономическом, но и политическом плане. О том, что основные принципы водного закона должны быть направлены на усиление позиции колониальной власти, говорится и в «Записке...» Кривошеина: «В основе его проекта (водного закона — *А. Ю.)* лежит право государства не верховое распоряжение всеми водами Туркестана. Споры (связанные с водопользованием — *А. Ю.)* должна непременно решать в конце концов русская власть[1]. Если смотреть в корень вопроса о необходимости водного закона для Туркестана с точки зрения фактического его значения, то нельзя не прийти к выводу о том, что, судя по основным началам и целям предполагаемого декрета о водопользовании, высказанных главноуправляющим землеустройством и земледелием (а этого взгляда придерживались почти все причастные официальные и неофициальные лица и организации), речь главным образом, шла лишь о юридическом подкреплении тех прав, которыми колониальная власть на месте уже реально пользовалась. А. В. Кривошеин, вынужденный признать, что водное законодательство Туркестана «выражается двумя строчками Туркестанского Положения (ст. 256)», в отношении водного закона констатировал всю никчемность и невозможность его осуществления, что было выражено в его «Записке»:

«Я не могу не согласиться с решительным заявлением местных людей о том, что **применять к разрешению споров о воде, хотя бы возникших и после определения прав на воду** (по закону — *А. Ю.*), сделанного водным управлением, **общий судебный порядок едва ли возможно;** кровные интересы хозяйства требуют более быстрого решения, во всяком случае, следует определенно выразить в записке, что восстановление нарушенных право на воду **иногда** в самое горячее время полива, не может быть отложено до судебного приговора»[2].

[1] Проблемы орошения Туркестана, выпуск первый, М., 1921, стр. 14.

[1] *А. В. Кривошеин.* Указ. записка, стр. 43—44.
[2] Там же, стр. 45.

Водное законодательство так и не было принято.

Действительный смысл решения вопроса о водном законе заключался не в бесконечных дебатах о его «началах» и «принципах», а в разрешении всего земельно-водного комплекса, изменении всей структуры аграрных отношений, коренном социально-экономическом преобразовании, изменении структуры сельскохозяйственного производства на путях улучшения экономического положения дехканства, что было сделано Октябрьской революцией, открывшей широкие перспективы для развития Туркестана.

Анализ аграрного законодательства военно-феодального империализма в Туркестане дает возможность сделать следующие краткие выводы:

1. Аграрное законодательство в Туркестане нельзя рассматривать как нечто застывшее, раз и навсегда определенное, а оно было подвержено изменениям, соответствующим социально-экономическим сдвигам, происходившим в метрополии, и основам колониальной политики помещиков и буржуазии.

2. С начала присоединения Средней Азии к России урегулированию аграрных отношений уделялось большое внимание. Военно-феодальный империализм не мог проводить политико-административное устройство, не проведя устройства земельного. Это подтверждается многочисленными актами колониальной администрации о поземельном устройстве от первых лет присоединения края до окончательного закрепления его, получившем яркое отражение в бесчисленном количестве проектов, характеризующих неослабевающий интерес господствующих классов метрополии к так называемому «поземельному вопросу», «поземельному устройству» края.

3. Законодательным закреплением проводимой колониальной политики вообще и аграрной политики в особенности явилось «Положение об управлении Туркестанского края», утвержденное в 1886 году. Это «Положение...» не явилось юридическим оформлением земельных отношений, существовавших до присоединения, как считают некоторые исследователи, а было лишь поворотным пунктом в развитии аграрных отношений, определившим его развитие на весь колониальный период, путем перевода подавляющего большинства земель в руки тех, кто фактически их обрабатывал. Этот процесс не повторял земельные отношения в России пореформенного периода, когда было произведено полное юридическое обезземеливание крестьянской массы. Наоборот, колониальной властью «Положением» 1886 года права на землю признавались за крестьянами, а обезземеливалась непокорная земельная аристократия.



Содержание и смысл «Положения» не оставляют сомнения в том, что самодержавие и русская буржуазия при выработке законодательства по «поземельному устройству» не руководствовались религиозными догмами мусульманской юриспруденции (хотя не могли не учитывать особенности шариата и адата), а собственными классовыми интересами, которые должны были получить законодательное закрепление в отношении завоеванного края. Иначе не могло и быть. «Положение...» 1886 года не могло не отражать, не защищать интересов тех слоев господствующих классов, которые определяли развитие Туркестана.

4. Основная тенденция аграрного законодательства в Туркестане заключалась в насаждении частной собственности (а не ее ликвидации, как полагают некоторые исследователи) на землю, в предоставлении хозяйственной самостоятельности землевладельцам, в открытии путей для развития сельскохозяйственного производства в направлении капитализма. Эта тенденция получила свое практическое осуществление, прежде всего, в эволюции аграрных отношений в хлопководстве.

5. Весь последующий период со времени утверждения «Положения...» 1886 года вплоть до Октябрьской революции, аграрные отношения регламентировались и направлялись принципами (с некоторыми дополнениями), законодательно закрепленными в этом документе, настоятельная необходимость в замене которого была признана последним туркестанским генерал-губернатором. Его записка и проект нового положения достигли Петербурга уже после свержения самодержавия.

*Глава II*

## ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ХЛОПКОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА. РОЛЬ ПОСРЕДНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ФИРМЫ

России, как и всякой стране капитализма, предстояло выполнить в Туркестане «двойную миссию разрушительную и созидательную с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного (капиталистического) общества в Азии»[1]. Развитие капитализма в России оказывало существенное воздействие на экономику, культуру и быт народов Средней Азии, ускоряя процесс разложения патриархально-феодальных отношений, способствовало росту торгового земледелия, расширению посевных площадей, особенно под хлопчатником. В период империализма в Туркестане были созданы все предпосылки для усиленного роста так называемого «промышленного хлопководства», начиная от льготных условий, в которые был поставлен хлопок по сравнению с другими сельскохозяйственными культурами, кончая проведением на территории колонии железных дорог, связывающих ее с метрополией, созданием таких торгово-экономических отношений, которые поставили Туркестан в полную зависимость от России. Хлопководство превратилось в ведущую отрасль народного хозяйства, оказывающую решающее воздействие на весь ход социально-экономического развития края.

«Прелести капиталистического рая», прежде всего и больше всего ощутили трудящиеся узбекского кишлака. Вся тяжесть социально-экономической машины метрополии давила на непосредственного производителя материальных благ и оказала определяющее влияние на весь последующий период его развития, произвела значительные изменения почти во всех областях сельскохозяйственного производства.

Что из себя представляла экономическая структура узбекского кишлака, какие изменения вызвало воздействие капиталистической России на его эволюцию?

Характерной чертой землепользования в Узбекистане было малоземелье. Общие данные по Средней Азии показывают, что в среднем на душу населения приходилось разных угодий (в том числе неорошенных) 1,4 десятины, что было почти в 2,5 раза меньше, чем в России. Данные в отношении орошенной земли еще более разительны. Например, в Ферганской области, с высоким уровнем развития хлопководства, размер поливной земли на одно хозяйство в среднем не превышал трех десятин, что в переводе на душу населения означало всего лишь 0,6 десятины (мы исходим из расчета, что одно хозяйство или одна семья состояла из 5 душ).

По данным ревизии Палена, более точным и выполненным на основе анализа 4220 хозяйств долинных местностей, на одно хозяйство приходилось 2,9 десятины поливной и 0,14 богарной земли, что дает тоже почти 3 десятины на семью. На одну душу населения в этом случае приходилось: поливной земли 0,56, богарной —0,02 десятины[1].

Представление о малоземелье дают следующие данные, составленные по отчету поземельно-податных комиссий, проводимых с начала XX в. (табл. 1).

Эти данные характеризуют исходные рубежи, которые можно сравнивать с последующим периодом, являющимся предметом нашего рассмотрения. Они, однако, страдают существенными недостатками, так как в них отсутствует деление на поливные и богарные земли, разделение на владения, органиченные определенными рамками земельных участков, так что нельзя понять о каких категориях землевладения идет речь: о зажиточных, богатых, средних или бедняцких. Поэтому нами приводятся данные землевладения по трем уездам Самаркандл-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IX, стр. 366.

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, часть I, отдел 1, СПб., 1911, стр. 165.

ской области, относящихся к концу XIX — началу XX вв. (табл. 2).

Таблица 1

| Уезды | На 1 душу приходится земли, десятин | |
|---|---|---|
| | всего | в том числе ирригационной и богарной |
| Ташкентский | 2,8 | 1,4 |
| Маргиланский | 1,4 | 0,9 |
| Андижанский | 1,7 | 1,0 |
| Наманганский | 1,5 | 0,7 |
| Кокандский | 0,9 | 0,5 |
| Ошский | 2,2 | 1,1 |
| Самаркандский | 2,2 | 1,3 |
| Каттакурганский | 2,2 | 1,6 |
| Ходжентский | 3,4 | 2,9 |
| Джизакский | 4,1 | 2,0 |

Таблица 2

(в процентах)

| Уезды | Безземельные | Десятин | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | 0,75-1 | 1,25—1,5 | 1,75—2,5 | 2,75—3,75 | 4—5 | 5,25—7,5 | 10,25—12,5 | более | 12,5 |
| Самаркандский | 8,0 | 17,7 | 15,9 | 12,9 | 13,7 | 9,5 | 6,7 | 3,9 | 2,7 | 2,6 |
| Каттакурганский | 15,6 | 23,1 | 16,9 | 11,1 | 11,4 | 9,2 | 3,9 | 2,3 | 1,2 | 0,5 |
| Ходжентский | 9,6 | 25,0 | 10,4 | 7,3 | 12,5 | 7,8 | 6,8 | 9,1 | 1,9 | 1,6 |

Из данных комиссарских работ по Самаркандской области видно, что $^1/_3$ всех владений уже в то время не превышала одной десятины и наибольший процент владельцев земельных участков падает на графу «до 1 десятины».

Нами рассматриваются две категории районов, классифицированных ревизией Палена, в частности, долинные и долинно-степные, причем по долинным данные на основе рассмотрения — 4220 хозяйств, а по долинно степным — 925 хозяйств.



Из данных ревизии видно, что преобладало парцеллярное хозяйство. Процент хозяйств, владеющих до 0,5 десятины, составлял в долинных местностях более 21%, а по таким волостям, как Алтынкульская (Андижанский уезд)—36,48%, Авальская (Маргиланский уезд)— 34,35%, Киргиз-Курганская (Наманганский уезд)—23,55%, Яйпанская (Кокандский уезд)—37,47%. Малоземелье являлось типичной картиной сельского хозяйства Туркестана.

Данные о долинных местностях не могут не характеризовать положение, которое сложилось в хлопководстве.

Если из общей посевной площади орошенных земель Ферганской области исключить Ошский уезд, как нехлопковый, то окажется, что из 608 460 десятин на долю хлопка приходится 320 730 десятин, или 52,7% всей посевной площади. По уездам проценты посевов хлопчатника выражались: по Андижанскому —62,4%, по Скобелевскому —57,5%, по Наманганскому —42,2% и Кокандскому уезду — 45,8%. Насколько глубоко внедрилась хлопковая монокультура в Ферганской области можно видеть из следующего: хлопок по отношению ко всем посевам занимал:

| | | |
|---|---|---|
| в шести | волостях | —80% |
| 8 | « | —60% |
| 11 | « | —50% |
| 17 | « | —40% |
| 16 | « | —30% |

И только в остальных 28 волостях — до 30%.

По другим данным[1], из 86 волостей Ферганской области в 54-х удельный вес хлопковых посевов был более 50%, в том числе в 34 — более 75%.

Таким образом, данные о долинных районах с точки зрения их парцеллярности можно полностью отнести за счет хлопковых посевов не только в Ферганской области, но и во всех областях Туркестана.

Реальное состояние парцеллярного дехканского хозяйства, источники, определяющие его эволюцию, можно вскрыть на основе рассмотрения механизма той соци-

[1] Туркестанское сельское хозяйство, 1913, №№ 5 и 6.

ально-экономической системы, в зависимость от которого было поставлено все земледелие. Речь идет о тех факторах, которые стали все больше определять судьбы развития хлопководства и среди них — зависимость дехканского хозяйства от финансово-кредитной системы.

Эта зависимость появилась не вдруг и не сразу, а созревала с первых шагов развития хлопкового производства, постепенно вовлекая в свою орбиту все большую массу дехканских хозяйств. Вот как описывает А. П. Демидов эту первую фазу взаимоотношений между непосредственным производителем хлопка — дехканином и организациями, заинтересованными в получении большего количества хлопка, необходимого для работы хлопчатобумажных фабрик метрополии:

«Организация скупки хлопка производилась таким образом. Прежде всего, фирма подыскивала подходящего знатока дела и местного рынка. Его она обеспечивала большим жалованием. Это лицо считалось главным и ответственным руководителем всего дела. От него, как от главного доверенного, были в зависимости второстепенные деятели, разбросанные по всем главным хлопковым центрам: Андижане, Коканде, Намангане, Маргилане, в старом и новом, в Ассаке, в Ташкенте, в Самарканде, в Бухаре и т. д. Это обыкновенные доверенные, очень хорошо знакомые со всеми условиями того района, где им приходилось действовать. Они же наблюдали за деятельностью одного или нескольких хлопкоочистительных заводов как собственных, так и заарендованных. Затем, далее, на периферии имелись так называемые пункты, где происходила закупка хлопка. Пункты организовывались в виде постоянных и временных. На пунктах были заведующий и пунктовые приказчики. Иногда доверенный располагался вдали от пунктов, если у фирмы был где-нибудь в кишлаке хлопкоочистительный завод.

Почти все фирмы действовали разбросано по Туркестану, однако некоторые из них предпочитали один район перед другим. По указаниям специалистов, последнее делалось в силу особых свойств волокна, получаемого из некоторых мест, на который фирмы имели определенную клиентуру. Это было важно для Бухары и Хивы, откуда шел местный тонковолокнистый хлопок, обладавший специфическими свойствами. На него был спрос некоторых фабрик.



В руках фирмы был сосредоточен торговый аппарат скупки хлопка. В ее распоряжении находились хлопкоочистительные заводы. Ей же принадлежало кредитование хлопкоробов. Фирмы, располагая прекрасно организованным скупочным аппаратом..,. ставили хлопкоробов в определенные рамки, которые никоим образом не могли миновать стен завода и торгового аппарата. При «чистых», т. е. ничем не связанных с фирмой отношениях, каждый дехканин мог свободно и просто пойти на тот завод и к тому покупателю, который давал более высокую цену. Но эти «чистые» отношения свободной конкуренции были только у небольшой группы богатых и крупных землевладельцев. А остальная масса дехкан не знала законов спроса и предложения, она их знала только в иллюзии, когда везла хлопок на завод или на пункт»[1].

Так, несколько упрощенно, но в целом правильно трактует А. П. Демидов первоначальные шаги экономического закабаления узбекского дехканства фирмами метрополий. Ценность приведенных данных тем весомее, что о них рассказывает очевидец описываемых явлений, который к тому же присовокупил спрос «некоторых деятелей Туркестанской хлопкоторговли»[2].

А. П. Демидов описывает типичную картину экономического закабаления основной массы тружеников типичными методами колониальной эксплуатации домонополистического периода в сочетании с методами, свойственными периоду первоначального накопления капитала. Это прослеживается и по формам выбора местных органов власти и обработки общественного мнения, и по организации хлопковой клиентуры, и по методам ее работы, и по распространенности фирм, занимающихся хлопкоторговлей и хлопкозаготовками, и т. д. Здесь налицо свободная конкуренция фирм, заготовляющих для своих фабрик сырье и отсутствие монополии той или иной фирмы, той или иной группировки, хотя уже в этот период в пользу фирм решен вопрос о закреплении не только торгово-скупочной клиентуры, но и самих дехканских хозяйств — непосредственных производителей хлопка, «ко-

---

[1] *А. П. Демидов.* Указ. работа, стр. 123—124.
[2] Там же, стр. 122.

торые никоим образом не могли миновать стен завода и торгового аппарата. Исключения составляли лишь небольшие группы «богатых и крупных землевладельцев».

* * *

В начале XX в., с переходом капитализма России в его высшую стадию — империализм, обстановка меняется. Хлопчатобумажное производство становится на первое место среди прочих отраслей обрабатывающей промышленности России. В 1900 году на долю текстильной промышленности приходилось 27,3% всего промышленного оборота России, в то время как на долю добычи и обработки металла — только 26,82%. В торговом обороте России удельный вес текстильной продукции составлял 21,4%, в то время как металлическая продукция — всего 9,24%. Стоимость готовой продукции хлопчатобумажной промышленности составляла:

1900 г. — 350 млн. руб.
1908 г. — 610 « «
1910 г. — 658 « «
1913 г. — 900 « «[1]

В хлопчатобумажную промышленность России было вложено до 75% всех капиталов и ее продукция составляла 74% продукции всей текстильной промышленности. А между тем Россия продолжала переплачивать большие суммы (в золотой валюте) за импортируемый иностранный хлопок. Так, стоимость привозимого хлопка-волокна составляла в 1906 году 119 465 тыс. руб., в 1909 году — 97 059 тыс. руб., в 1911 году — 105 868 тыс. руб.[2]

Рост хлопчатобумажной промышленности, с одной стороны, и миллионные переплаты за ввозимый иностранный хлопок ставили перед буржуазией и прочими заинтересованными эксплуататорскими классами России во весь рост вопрос об усиленном развитии собственной хлопковой базы, которая бы давала возможность если

[1] Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1903—1910 гг. СПб., 1911, стр. 2

[2] *Н. Оглобин*, «Промышленность и торговля Туркестана», СПб., 1912, стр. 11.



не полностью разрешить проблему сырья для фабрик, то в крайнем случае ослабить американскую конкуренцию и сократить выплаты валюты за иностранный хлопок. Решение этого вопроса упиралось в расширение посевных площадей под хлопчатник в главной хлопковой житнице России — Туркестанском крае и отчасти Закавказья. В отчете Кокандского Биржевого комитета за 1914 год прямо указывалось, что «текущий сезон вторично доказывает на протяжении каких-нибудь 50 лет (1864—1914 гг.) всю ненадежность нашей зависимости от американского рынка, явно указывает на Туркестан и Закавказье, как на единственные прямые источники, в которых мы и в будущем должны искать сырье для нашей хлопчатобумажной промышленности»[1].

Итак, три взаимосвязанных процесса требовали разрешения вопроса о хлопковой независимости: рост хлопчатобумажной промышленности в метрополии, требующий все большей массы сырья, переплаты за иностранный хлопок, рост американской текстильной промышленности, сокращающий количество хлопка, ежегодно вырабатываемого на мировой хлопковый рынок.

Более ясное представление о взаимоотношениях между хлопковыми фирмами и дехканами в начальный период «промышленного хлопководства» дает содержание договоров между фирмами и дехканами, в которых основными требованиями были:

1. Задаток под будущий урожай выдавался только в том случае, если хлопок засевался американскими семенами.

2. Задаток выдавался при условии круговой поруки, что являлось более верным обеспечением получения задатка в случае невыполнения условий договора, так как при неплатежеспособности одного дехканина деньги можно было получить с других, связанных круговой порукой.

3. Условия предоставления задатков фактически закабаляли дехкан, превращая их в неоплатных должников. В частности, неустойка равнялась 4 руб. за пуд сырца, в то время как пуд сырца продавался в среднем за 2 руб. (1890 г.).

[1] Кокандский Биржевой комитет. Отчет за 1914 г., Коканд, 1915, стр. 42.

На первый взгляд условия договора выражали интересы хлопкороба: кредит на льготных условиях, семенной материал, заранее оговаривалась цена и дехканин еще задолго до урожая знал высший предел цен, на которые он весной добровольно согласился. Но осенью все оказывалось по-иному. Осенью он обязан уплатить фирме долг, допускалась только одна льгота — не возвращать семена, взятые у фирмы. В случае неурожая или непогоды, пересева дехканину не было пути к освобождению от кредита фирмы. Обязательство уплатить деньги осенью того же года вынуждало его переписывать векселя и закабалять себя на следующий и следующий годы.

Один из русских хлопководов рассказал о фактах вопиющего «обкрадывания» дехкан, происходящего на его глазах:

«Получаемые фирмами проценты за ссуды не составляют сути дела, а есть здесь и нечто другое. Так, например, на днях я был случайным свидетелем такого обстоятельства: два брата, сарта, привозят на солидный завод хлопок; один из братьев не брал ссуду, и приемщик хлопка вовсе не знал его и предложил ему за хлопок по 3 руб. 30 коп. за пуд. Когда же подвез второй брат, взявший ссуду, то приемщик за совершенно тождественный хлопок, взятый с одной кучи в поле, предложил по 2 руб. 90 коп. за пуд. Конечно, мы в административном отношении настолько благоустроены, что заводчик не может насильно взять хлопок и заплатить произвольную цену; но если принять во внимание перспективу остаться на будущий год без ссуды, то приходится добровольно выбирать лучшее и потерять на пуде хлопка 40 коп. Если допустить, что урожай с десятины был 60 пудов, то получим новый налог на десятину в 24 рубля»[1].

Вот еще один образец, правда несколько примитивного, но по смыслу весьма верного изображения методов внедрения хлопковой культуры американских семян и пропаганды за привлечение дехкан к пользованию кредитом:

«Прекрасно зная любовь населения к «акчам» (деньгам — *А. Ю*), которое всегда высоко чтило всякую собственность и богатство, фирмы через волостных старшин в конце зимы широко оповещали местное сельское население, что с весны такое-то лицо будет раздавать задатки под хлопок. Для этой цели фирма прежде всего устанавливала короткие отношения с волостными управителями, снабжала их подарками, делала всевозможные преподношения «селяу». Заправилы фирмы ездили в гости к волостным, приглашали их к себе, устраивали различные торжества. Как только фирма добивалась желательных отношений с волостными управителями, то ей открывался широкий простор для действия. Старшина и управитель волости — это интереснейшие фигуры в Туркестане. В старшины и управители выбирались обыкновенно богатые люди. Достойным считался тот, кто смог подарками, увеселениями, общественным угощением, национальными кушаниями склонить на свою сторону избирателей. Предвыборные расходы обходились иногда в **десятки тысяч рублей**, в то время как жалование управителя было равно только 600 руб. в год. Как только у власти становился такой управитель, то он всеми приемами извлекал из населения затраченные деньги с процентами. Конечно, добиться расположения такого человека — значит иметь в своих руках послушных его голосу людей и стоит только ему **одобрить первые шаги фирмы, как население идет ей навстречу.** Кроме того, в целях привлечения будущих должников устраиваются козлодрания, общественные угощения, пляска мальчиков, на что фирма тратила сотню, другую рублей.

Так подготовляли себе фирмы пути для создания **репутации** и связи с сельскими хозяйствами хлопковых районов. Начиналась раздача задатков. Фирмы подходили к делу весьма **осторожно и ощупью**. Они брали себе в помощь целую армию посредников, комиссионеров, которые рекомендовали каждого хлопкороба с хозяйственной стороны, причем **репутация комиссионера** определялась степенью успешности дела. Комиссионеры получали вознаграждения попутно, а иногда и посезонно. Некоторые из них жили исключительно на комиссионные. Дальнейшее развитие комиссионерства сопровождалось тем, что фирмы отпускали комиссионерам деньги, которые они сами от себя раздавали дехканам»[1].

По свидетельству А. К. Силонова:

«Учитывая хорошо все выгоды от развития туркестанского хлопководства, капиталисты, естественно, пожелали извлечь эти выгоды наиболее легким и верным способом. Не заводя сами никакого рационального хлопкового хозяйства, не создавая своих плантаций, не подвергаясь риску урожая или неурожая, капиталисты содействовали расширению площади посевов самими кустарями. Они начали выдавать кустарям-дехканам оборотный капитал, необходимый для расширения и обработки площадей хлопка»[2].

Первоначальный период развития Туркестанского «промышленного хлопководства» характеризуется воздействием капиталистических отношений, стремлением превратить Туркестан в аграрно-сырьевой придаток, создать в крае хлопковую базу России. Усиливается про-

[1] *С. Понятовский.* Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, СПб, 1913, стр. 315.

[1] «Окраина», 1893 г. ст. *С. П. Федорова* «Хлопководство в Средней Азии».

[2] «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1911, № 69.

никновение российского капитала, главным образом, в хлопководство. «Хлопководство,— писал В. И. Массальский, посетивший Туркестан в 1890 году,— по своему значению должно стоять на первом плане»[1]. Этот период характеризуется довольно интенсивным вытеснением американским хлопчатником местных сортов. К началу XX в. преимущество хлопчатника американских семян было очевидно. Так, из всей площади, в 191 380 десятин, занятой под хлопчатником, в 1900 году на долю местных сортов приходилось всего 19 617 десятин, то есть несколько более 10%, а на долю хлопка американских сортов — 178 763 десятины, или около 90%.

Внедрение американских сортов не только увеличило урожайность хлопчатника, но явилось поворотным моментом в дальнейшем развитии всей хозяйственной деятельности края вообще, дехканского хозяйства в особенности.

Эти изменения можно наглядно проследить на примере сопоставления отношений, которые сложились между дехканином-хлопководом, с одной стороны, и хлопкоторговцами, с другой, в различные периоды развития хлопководства (в конце XIX— начале XX в. и в 1914—1915 гг.).

1. В первом периоде, на начальном этапе развития хлопководства, фирмы предоставляли в распоряжение дехкан бесплатно семенной материал американских сортов хлопчатника и беспроцентный задаток в виде денежной ссуды, возвращаемый дехканами осенью, то есть по реализации урожая. Во втором периоде этих льгот уже нет, здесь совершается более современная кредитная сделка, фирма выступает как кредитор, предоставляющий денежные средства для организации хлопкового производства и получения хлопка, а дехканин как дебитор, как поставщик, обязующийся сдать весь выращенный хлопок на счет кредита.

2. В первом периоде цены на хлопок-сырец, сдаваемый фирмам, устанавливались в момент заключения договора, то есть заранее, определенная твердая цена, по которой сдавался хлопок, не взирая на благоприятный или неблагоприятный исход хлопкового сезона.

[1] *В. И. Массальский,* Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее, СПб, 1892, стр. VI.



Во втором периоде хлопок реализовался фирме по цене «какая будет существовать у этой фирмы при приемке хлопка от поставщиков в день сдачи», то есть условия кредитных сделок были более жесткими. Здесь не принимались во внимание ни капризы погоды, ни количество ожидаемого и реального урожая (как это имело место в первом периоде), а устанавливалась твердая неустойка в сумме 300 руб. с лаконичным обязательством «никому другому (кроме договорной фирмы — *А. Ю.*), так и частному лицу не сдавать и не доставлять хлопок-сырец».

3. Если в первом периоде задаток предоставлялся только при условии посева американскими семенами и круговой поруки, то во втором и сумма выдаваемого задатка и сроки ее предоставления не связывались с указанными выше условиями, а определялись полностью кредитором, то есть хлопковой фирмой. Становится очевидным, что во втором случае речь идет не **о задатке,** размер которого зависел от количества предоставляемых семян, от масштабов земельного участка, а от аванса в счет определенного количества поставляемого хлопка. По существу своему этот аванс, нося характер настоящего коммерческого кредита, имел мало общего с задатком.

Итак, на примере сопоставления отношений между хлопкоробом и хлопкозаготовительными фирмами в различные периоды развития хлопководства, становится наглядной эволюция обязательств и прав сторон, усиление кредитной зависимости дехкан от фирм не только по форме, но и по существу.

Рассмотрим один из важнейших институтов посредничества, наиболее распространенный в Туркестане — **«чистачество»**[1].

[1] Слово «чистач» появилось одновременно с развитием промышленного хлопководства и означало посредническую клиентуру, которая, скупая хлопок, очищала его от семян. Вот что писал о термине «чистач» С. А. Мелик-Саркисян: «В последние годы, когда спекулятивная деятельность некоторых скупщиков требовала наличности на месте значительного количества очищенного хлопка без предварительных хлопот по очистке его, явились на сцену соответствующие лица, именуемые «чистачами» (от глагола — чистить), которые, покупая сырец, очищают и продают тут же на месте». («Хлопковое дело в Ферганской области и меры к его упорядочению»), М., 1904, стр. 50.

Первоначально чистач был лишь посредником — комиссионером фирмы, который рекомендовал последней того или иного хлопкороба с хозяйственной стороны. В период империализма, когда основное направление хозяйственной деятельности окончательно и бесповоротно приняло «хлопковую ориентацию», прежний скромный комиссионер значительно изменился. Функции чистача значительно расширились. Если раньше он только получал определенную плату за объективную оценку хозяйственной состоятельности дехканина-хлопкороба за «преданность» интересам фирмы, теперь он самостоятельно кредитовал дехкан на средства, предоставленные фирмой. Кроме того, чистач занимался очисткой хлопка. Это была его важнейшая функция. Известно, что в Туркестане торговля хлопка производилась сырцом. Дехканин продавал хлопок только в неочищенном виде, не имея возможности довести произведенный им же продукт до заключительной стадии обработки — очистки семян от волокна. Этот, на первый взгляд, маловажный фактор, играл чрезвычайное значение в закабалении дехкан, являясь одновременно орудием укрепления позиции чистачества, которому принадлежало громадное количество хлопкоочистительных заводов. Таким образом, между процессом производства хлопка-сырца и реализацией его в качестве хлопка-волокна имел место глубокий разрыв, заключающийся в том, что непосредственный производитель сельскохозяйственного продукта, затративший на его производство все свои силы и средства, не имел возможности воспользоваться теми доходами, которые соответствовали его затратам. Находясь в постоянном долгу у чистача, дехканин был связан договором, согласно которому участие его в реализации хлопка заключалось в доставке его на хлопкоочистительный завод или ближайший скупочный пункт и сдаче согласно условиям договора. На отношения чистача и хлопкоробов цена влияла весьма в незначительной степени. Если чистач заранее оговаривал цену пуда хлопка-сырца в договоре, заключенном еще весной, цена на доставляемый хлопок-сырец для дехканина не имела никакого значения, то есть цена хлопка не зависела от стоимости и не была с ней связана, поскольку попросту не учитывалась. В случаях, когда цена пуда сырца в договоре специально не оговаривалась, а указывалось, что реализация происходит по цене, которая будет существовать на «период сдачи хлопка», чистач также ничего не терял.



Как правило, при повышении цен на хлопок чистачи не приобретали его у дехкан, а последние не могли реализовать свой продукт, будучи связанными с чистачом не только договором, но и задолженностью за прошлые годы. Как только цены на хлопок падали, чистач принимал хлопок и дехканин не имел другой возможности, кроме как сдать свой хлопок на условиях, предлагаемых чистачом.

Таким образом, чистач, предоставляя кредит в виде аванса за будущий урожай дехканину, владея хлопкоочистительным заводом, уже не являлся только комиссионером, скупщиком, посредником между фирмой и дехканином, а превращался в обладателя значительных денежных средств, промышленника, в зависимости от которого находилась основная масса хлопкоробов. В этом свете сама система скупки хлопка не являлась только сферой торговых отношений, она была лишь таковой только по форме. В действительности отношения между дехканином и хлопкоробом, именуемые и трактуемые в литературе как торговые отношения, скупочные отношения, кредитные отношения, не являются таковыми на самом деле. Специфические условия развития хлопководства в Туркестане были таковы, что экономически зависимые от чистачей дехкане, лишенные возможности самостоятельно распоряжаться основным продуктом своего хозяйства — хлопком — были поставлены в условия, при которых сфера сельскохозяйственного производства вообще и хлопководства в особенности определялась и направлялась условиями кредита, торговли, скупки. Это расширенное понятие указанных процессов дает возможность сделать вывод о том, что весь процесс **производства хлопка** контролировался чистачами без вмешательства в процесс производства. В этом заключалась особенность института чистачества, в этом заключалась специфика производственных отношений дехканского хозяйства по отношению к чистачеству.

«Чистач как житель района прекрасно знал экономическое состояние клиента и поэтому мог и имел возможность входить во все детали расходов и приходов дехканского хозяйства. Чистач был всегда посвящен во все подробности хозяйства хлопкороба. Все, например, купля жены, купля лошади, мертвого инвентаря и

т. д. происходило при ближайшем участии и даже по совету чистача. Чистач выдавал задатки, руководствуясь только податливостью дехканина и единственным мерилом кредитоспособности последнего служила стоимость земельного участка. Чистач был мастером своего дела, он умел хорошо обсчитывать и обмеривать своих односельчан и клиентов, умел очень скоро умножить свои богатства и уходить из-под опеки фирмы»[1].

Такую оценку чистачу давал исследователь, который был свидетелем описываемых фактов и явлений.

Нельзя, конечно, думать, что в чистачи рекрутировались представители крупного землевладения на том основании, что в их распоряжении также имелись хлопкоочистительные заводы. Исторически доказано, что присоединение Средней Азии к России не в последней степени сопровождалось ограничением крупного землевладения, получившим свое отражение в ряде законодательных положений, нанесших серьезный удар по экономическим и политическим позициям земельной аристократии. Было бы противоречивым, в связи с развитием «промышленного хлопководства» в Туркестане, при создании посреднической клиентуры делать ставку на представителей крупного землевладения. Это было бы неверно и логически.

Эвалюция таких чистачей, как Вадьяев, Потляхов, Ю. Давыдов, А. Симхаев, М. Фузаилов и других показывает, что исходным моментом складывания института чистачества явились несколько десятков тысяч капитала, обладателями которых были торговцы, ростовщики и прочие торгово-посреднические элементы, которые выплыли на политическую арену в 80—90-х годах прошлого века. До этого времени они не представляли собой сколько-нибудь крупную политическую или финансовую силу, не отличались ни знатностью своего происхождения, ни родовитостью, а являлись элементами торгово-ростовщических кругов средней руки.

Следующую категорию посреднического аппарата составляли **арбакеши** (буквально владелец арбы — возчик) — мелкий комиссионер, имеющий собственную арбу, получающий от чистачей определенную сумму денег для выдачи в качестве задатка дехканам.

[1] *А. П. Демидов.* Указ. работа, стр. 125.



Деятельность арбакешей заключалась в осуществлении договорных обязательств по доставке дехканами чистачам или фирмам хлопка-сырца, так что деятельность последних особенно активизировалась в период созревания хлопка и его уборки. Арбакеши нередко сами обзаводились «палочными» весами с веревкой или ремнем, вместо подвески, вместо чашек — плетенными кружками, вместо гирь — камнями и привозили на хлопкоочистительный завод уже «взвешенный» хлопок-сырец, ведя таким образом свой учет выполнения договорных обязательств дехканами. Как правило, капиталы арбакешей были незначительны — 100—200 руб. Значительная часть готовых оборотов осуществлялась не на средства самого арбакеша, а на денежные средства фирм или чистачей. Наиболее точную характеристику арбакешей в рассматриваемый нами период мы находим у С. А. Мелик-Саркисяна:

«Хлопок-сырец большей частью доставляется на заводы мелкими и средними скупщиками почти исключительно из местных кулаков и, лишь сравнительно в ограниченном количестве, производителями; продажа же затюкованного волокна на месте производства исключительно чистачами.

Как скупщики всех категорий, так равно и большая часть чистачей работают главным образом, если не исключительно, на капиталы, которые им так щедро и доверчиво раздают местные агенты. Получив от них на очень льготных условиях большие суммы вышепоименованные лица, в свою очередь, по частям раздают их нуждающимся земледельцам, причем на условиях весьма тяжелых и не всегда поддающихся определению, а тем более контролю. Дать какие-либо определенные цифры для изображения доходности этих скупщиков нет никакой возможности, т. к. одни наживают 20—30%, в то время как другие ухитряются получать до 100%, обращая земледельцев в постоянных должников и эксплуатируя их до разорения.

Получая задатки, сарты обязуются доставить определенное количество сырца по цене, значительно низшей, чем та, которая в момент доставки будет на рынке. В сущности в этих случаях производитель-сарт действует почти совершенно наобум и чуть ли не всегда попадает впросак. Начать с того, что размер будущего урожая в момент выдачи задатка не известен производителю даже приблизительно. Между тем он обязывается доставить определенное количество хлопка, которое, как часто оказывается, превышает не только средний, но даже максимальный урожай на всем его участке, а доставить надо. Приходится или купить его у другого с убытком для себя, или же, что бывает гораздо чаще, оставить часть задатков на будущий год, понятно, на еще более выгодных условиях, т. е. с обязательством добавить хлопок по еще более низкой цене. В результате производитель терпит двой-

ные потери и вдобавок ему еще надо запастись пшеницей и другими продуктами первой необходимости, ибо вследствие отвода большей части земель под хлопок продуктов этих в хозяйстве его или не получилось вовсе, или же лишь в незначительном количестве, недостаточном для прокормления до будущего урожая. Кроме того, сарт, получивший задаток по условию, должен начать сдачу хлопка в самом начале сезона, когда и нормальные цены, т. е. цены, с которых он иногда обязан сделать еще и условную скидку, далеко еще не выяснились. О выжидании же установления более высоких цен тут и думать нечего. Трудно подсчитать, сколько при этих порядках производитель теряет на своем хлопке, если он желает или вынужден добросовестно выполнить свои обязательства»[1].

Таковы условия, в которых оказывается дехканин, опутанный густой паутиной кредитных отношений, в которых важнейшее место принадлежит арбакешу и средней руки чистачам.

Рассмотрим следующую категорию — **хлопковые фирмы.** Первоначально фирмы занимались главным образом разведением хлопчатника американских сортов. Вполне естественно, что фирмы, которые впервые занимались хлопководством, не могли быть ничем иным как представителями хлопчатобумажных предприятий метрополии, кровно заинтересованных в обеспечении фабрик основным сырьем. Это были фирмы Большой Ярославской мануфактуры, контора «С. Морозова», Кудрина и другие[2]. Торговые фирмы по их участию в хлопковом деле можно разделить на три группы:

I. Ограничивались транспортированием волокна в Европейскую Россию (например, Российское общество транспортирования кладей, товарищество «Кавказ и Меркурий»);

II. Отправляли хлопок и имели собственные хлопкоочистительные заводы (например, товарищество бр. Каменских);

III. Имели хлопковые плантации, хлопкоочистительные заводы и производили различные операции с хлопком (например, Торгово-промышленное товарищество Большой Ярославской мануфактуры бр. Корзинкиных, фирма Мейеркорта, товарищество Кудрин и компания и др.).

[1] *С. А. Мелик-Саркисян.* «Хлопковое дело в Ферганской области и меры к его упорядочению», М., 1904, стр. 50—52.

[2] *М. П. Федоров.* «Хлопководство в Средней Азии», СПб., 1898, стр. 163.



На характеристике трех последних фирм, как типичных для первоначального развития хлопководства, остановимся несколько подробнее.

На первое место по размерам оборотов и по роли, какую играли на хлопковом рынке 90-х годов российские фирмы, необходимо поставить Торгово-промышленное товарищество Большой Ярославской мануфактуры. Покупкой хлопка фирма занималась с 1881 по 1884 год. Покупался хлопок исключительно местных сортов. В 1884 году товарищество скупало в Ташкенте и Коканде до 40 тыс., а в Бухарском ханстве — до 100 тыс. пудов хлопка. Но уже через 4 года, то есть в 1888 году, товарищество отправило на собственную фабрику до 450 тыс. пудов хлопка-волокна, а в 1889 году увеличило закупку до 590 тыс. пудов очищенного волокна. Товариществом Большой Ярославской мануфактуры в 1889 году было закуплено хлопка-волокна (в тыс. пудов). (Табл. 3).

Таблица 3

| Сорта и цены | Области и ханства | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | Ферганская область | Сырдарьинская (Ташк. уезд) | Бухарское ханство | Хивинское ханство | Самаркандская область | Всего |
| Американских сортов | 116 | 105 | — | — | 10 | 231 |
| Цена за I пуд | 7 р. 50 к. | 7 р. 75 к. | — | — | 7 р. 75 к. | |
| Местных сортов | 34 | 5 | 240 | 80 | — | 359 |
| Цена за I пуд | 4 р. 50 к. | 5 руб. | 5 р. 40 к. | 6 руб. | — | |
| Всего закуплено хлопка | 150 | 110 | 240 | 80 | 10 | 590 |

Таким образом, американский хлопок в основном был распространен в Ферганской области и Ташкентском уезде Сырдарьинской области. В Хивинском и Бухарском ханствах культура американского хлопка не получила сколько-нибудь заметного распространения.

Для очистки этого огромного количества сырца товарищество Ярославской мануфактуры имело хлопкоочистительные заводы в Ташкенте, Андижане и Намангане. На каждом хлопковом заводе имелись гидравлические и ручные прессы для прессования очищенного волокна в кипы по 20—28 фунтов каждая.

Кроме закупки сырца, товарищество производило выдачу ссуд (с 1887 г.) под урожай американского хлопка из расчета 8% годовых. В 1890 году закупалось хлопка-волокна американских семян: в Сырдарьинской области (Ташкентский уезд) — 50% от всего американского хлопка, производимого в области; в Ферганской области — 25%; по всему Туркестану — более 25%.

Среднеазиатское Торгово-промышленное товарищество Кудрин и компания также имело собственные хлопкоочистительные заводы, плантации, выдавало ссуды под хлопок, но размеры операций были значительно меньше, чем у товарищества Ярославской мануфактуры. Фирма Кудрина имела две плантации: одну близ Намангана (под хлопком было занято 50 дес.), другую в Голодной степи (700 дес. арендовалось у местных жителей на 12 лет за недорогую плату; эксплуатировалось из-за недостатка воды всего 150 дес.). Для очистки хлопка товарищество имело хлопкоочистительные заводы в Ташкенте, Намангане и Коканде. Хлопкоочистительные заводы товарищества очищали не только хлопок своих плантаций, но и покупной. Основные закупки хлопка-сырца производились в Коканде, в 1889 году было закуплено около 150 тыс. пудов.

У фирмы И. Мейеркорта (впоследствии эта фирма получила название «Товарищество русского хлопководства») плантации были расположены в Самаркандском уезде. Под хлопком было занято в 1890 году (год основания плантации) — 200 десятин. Кроме производства хлопка, фирма выдавала задатки под будущий урожай. Согласно условию, заключаемому между фирмой и хлопкоробами, в феврале-марте выдавалось за каждый танап (один танап в Самаркандской области равнялся 1/4 десятины) от 3 до 4 рублей (без процента) и 20 фунтов американских семян безвозмездно. В свою очередь хлопкороб обязан не позже ноября доставить на склад фирмы весь урожай хлопка-сырца по цене, установленной в день заключения договора о предоставлении



ссуды. Фирмой И. Мейеркорта было выдано задатков: в 1889 году — 14 тыс. руб., в 1890 году — 35 тыс., в 1891 году — 60 тыс. руб. По свидетельству В. И. Массальского, «операция эта (предоставление задатка под хлопок — *А. Ю.*) очень выгодна: по приблизительному расчету оказывается, что фирма получает в течение 9-ти месяцев около 60% на затраченный капитал, если очищенный ею хлопок перепродается на месте и несколько более, если он сбывается в Москве»[1].

Московские и польские фабриканты покупали хлопок у хлопковых фирм или же у специальных агентов, живущих в хлопковых центрах. Кроме того, к моменту сбора из Европейской России приезжали агенты, производящие закупки за счет мануфактурных фирм. Большое количество таких агентов приезжали из Лодзи и Заверце и других районов Привислинского края.

Основным центром, куда со всех концов Ферганы и других районов хлопководства стекается хлопок, являлся Коканд. В 1889 году в Коканд всеми транспортными конторами было вывезено 577 500 пудов очищенного хлопка на сумму 5 млн. 300 тыс. руб., а через год за семь месяцев — уже 418 145 пудов на сумму 4 млн. 355 тыс. руб. Крупными пунктами хлопкоторговли в Ферганской области были: Андижан, Наманган, Маргилан, Чуст; в Сырдарьинской области — Ташкент; в Самаркандской области — Митан, Чилок, Каттакурган, Ходжент.

Операции, производимые при торговле туркестанским хлопком, были весьма разнообразны; мы отметим только основные:

1. Покупка за наличные деньги американского хлопка-сырца, а также местного в виде «гузы» с целью очистки и вывоза ее в Европейскую Россию.
2. Очистка, прессовка и вывоз всякого рода хлопка.
3. Покупка за наличные деньги или на срок местного хлопка, очищенного на чигириках и американского, очищенного на джинах, прессованного или непрессованного.
4. Выдача хлопководам, гарантируемого последними так или иначе (например, круговой поруки) аванса с обязательством продать производимый ими хлопок авансодателям по известной, заранее установленной (при заключении условия), цене или же по существующей ко

[1] *В. И. Массальский*, «Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее», СПб, 1892, стр. 72—73.

времени сдачи базарной, за вычетом процентов за время пользования авансом.

Мы видим, что первоначальный период развития туркестанского хлопководства характеризуется прежде всего тем, что заготовка хлопка, в целях обеспечения фабрик сырьем, производилась фирмами, по преимуществу путем непосредственного договора с дехканином-хлопководом и только отчасти недостающее количество хлопка-сырца пополнялось через посредство скупщиков-комиссионеров. Другая характерная черта заключалась в том, что основная масса хлопка-сырца, «покупаемой или принимаемой по комиссии», очищалась на собственных предприятиях, на заводах, принадлежащих самой фирме.

Уже в 1898 году на съезде, который проходил в Новом Маргилане в присутствии представителей почти всех фирм, действующих в Ферганской области, несмотря на то, что всеми была признана вредной практикуемая система выдачи «денежных задатков для привлечения продавцов хлопка, было признано, что они (фирмы — *А. Ю.*), по всей вероятности, и впредь будут продолжать выдавать задатки, ибо лишь в таком случае каждый из них может купить нужное количество хлопка».

Фирма, которая с первых шагов развития промышленного хлопководства явилась пионером непосредственного кредитования дехкан, последние крупные операции провела в 1900 году, когда 5632 землевладельцам 14 волостей Андижанского уезда было роздано около 400 тыс. руб. ссуды при условии уплаты хлопком по существующим ценам. Сторонник непосредственного кредитования, вышеупомянутый Мелик-Саркисян, несмотря на все старания выгородить эту систему, вынужден был в заключении признать: «К сожалению, сношение со скупщиками, по-видимому, является для большинства фирм более удобным, почему указанная нами попытка установления непосредственного сношения с производителями, не взирая на аккуратность, с какою исполняли последние свои обязательства, не привелась и в настоящее время, за исключением, немногих, не заслуживающих внимания случаев, положение дела торговли хлопком остается в прежнем виде»[1] (имеется в виду скупка хлопка-сырца через посредников — *А. Ю.*).

[1] *С. А. Мелик-Саркисян.* Указ. работа, стр. 58.



Таким образом, начало XX в. ознаменовалось важным изменением в системе хлопкозаготовок, которое выражалось в создании института посредников, как основных поставщиков хлопка-сырца, производимого дехканскими хозяйствами.

Чем же было вызвано такое изменение и какое значение имел этот процесс для генезиса капиталистических отношений?

Во-первых, с ростом промышленного хлопководства из года в год возрастала масса производимого хлопка-сырца американских сортов. Расширялись рамки и масштабы хлопкозаготовок, хлопковых закупок. Между тем фирмы, заинтересованные в обеспечении своих фабрик хлопком-волокном, были разбросаны по всему краю, что требовало крупных затрат на закупочный аппарат. Фирмы не могли осуществить **самостоятельно** и финансирование ссуд, и обеспечение вывоза хлопка, и контроль над кредитоспособностью дехканской клиентуры. Стремление обеспечить постоянно растущие потребности хлопчатобумажной промышленности метрополии властно требовали создания такой системы хлопкозаготовок, которые гарантировали бы бесперебойную работу фабрик России.

К рассматриваемому нами периоду в Узбекистане было только две фирмы — Большая Ярославская мануфактура и Лодзинское акционерное общество Познанских, скупавших хлопок непосредственно у дехкан. Как исключение, эти фирмы реализовали не волокно, а изготовляли из хлопкового волокна пряжу и миткаль и запродавали этот продукт аппретурщикам на год вперед, то есть их деятельность не завершалась реализацией волокна, например, франко-Москва, а волокно превращалось в полуфабрикат и затем только реализовалось для аппретуры (окончательной отделки).

Во-вторых, очистка такого большого количества хлопка-сырца была не под силу хлопкоочистительным заводам российских мануфактурных фирм, размещенных в Узбекистане. Строительство новых заводов, обеспечение транспортом для доставки хлопка на приемные пункты требовало громадных расходов.

Между тем посреднический аппарат (чистачи и прочие виды комиссионеров) выгодно отличался теми преимуществами, которых так недоставало мануфактурным

фирмам, а именно: превосходное знакомство с местным рынком, знание хозяйственной жизни и финансового положения каждого дехканина-хлопкороба, умение затянуть его в свои сети, способность использовать бытовые затруднения для еще большего закабаления, наличие прекрасно организованной агентуры (арбакеши, казии, аксакалы), от внимания которой не могло ускользнуть ни одно изменение в положении дехканства, наличие хлопковых пунктов и хлопкоочистительных предприятий и т. д. Все это делало институт местного посреднического аппарата весьма выгодным для хлопкозаготовительных организаций России и одновременно создавал все выгоды и удобства для единоличного грабежа хлопководов. Так, в начале XX в. был окончательно оформлен тип посреднической клиентуры, основная задача которой заключалась в доставке хлопкозаготовительным организациям метрополии хлопка-волокна, независимо от того очищался сырец на собственных или арендованных хлопкоочистительных предприятиях. Дореволюционная статистика называет указанный аппарат хлопкоторговыми фирмами, хотя это определение затрагивает только внешнюю сторону деятельности. В действительности деятельность этих фирм не ограничивалась только посредничеством между производителем и потребителем хлопка, а проникала в глубь дехканского хозяйства, по существу контролируя его развитие. А. П. Демидов делит хлопкоторговые фирмы по приемам торговли и действиям на три группы (условно):

первая — европейская — те из них, которые пользовались «всевозможными махинациями и приемами, далекими от обычного и современного понимания торговли»;

вторая — полуевропейские — те, которые «выросши на местной почве, не совсем еще освободились от всех тонкостей азиатских приемов»;

третья — азиатские — те фирмы, которые «широко пользовались всей практикой азиатской торговли с ее приемами фальсификации и неслыханного ростовщичества».

Из этого деления нельзя сделать сколько-нибудь серьезного анализа, нельзя вскрыть тех отношений, которые имели место между фирмами, нельзя объяснить основную тенденцию развития хлопкозаготовок и хлопкоторговли, равно как эволюцию различного рода фирм.



Фирмы, функционирующие на туркестанском рынке, по характеру деятельности, так или иначе связанные с хлопковыми операциями, мы условно делим на три основные группы.

Первая — фирмы, закупавшие в значительных размерах хлопок-сырец и сосредоточившие у себя как промышленную обработку сырца, так и покупку волокна. К этой группе мы относим Вадьяевское, Потеляховское, Андреевское торгово-промышленные товарищества, торговые дома «Симхаев», «Крафт и Шлоссберг» и другие.

Вторая — фирмы, хотя и занимавшиеся скупкой сырца и его очисткой, но наряду с этим организовавшие крупную торговлю мануфактурой и другими товарами. В эту группу входили следующие фирмы: Торгово-промышленное товарищество для торговли с Персией и Средней Азией, Московское торгово- промышленное товарищество; среднеазиатские фирмы: «Ю. Давыдов» (Ташкент), «М. Фузаилов» (Самарканд), «Сагателов» (Мерв), «Юсуфбаев» (Наманган) и другие.

Третья — фирмы, занимавшиеся торговлей и хлопком, и, в значительной степени, мануфактурной торговлей.

Если первые две группы можно назвать хлопковыми (первую — «чистой хлопковой фирмой», вторую —«хлопкоторговой фирмой», которая лишь «попутно» занималась мануфактурной торговлей) фирмами, то третью группу мы условно называем «промышленными текстильными фирмами», которые, главным образом, занимались мануфактурной торговлей и попутно занимались закупкой хлопка и частичной его переработкой.

Самой могущественной группой как по торговым и товарным оборотам, так и по сумме основного оборотного капитала была первая. Вот данные, характеризующие капиталы только трех наиболее крупных фирм данной группы: Вадьяевское товарищество в момент основания располагало капиталом в 800 тыс. руб., к 1915 году — 3 млн. руб.; Андреевское соответственно —750 тыс. и 5 млн.; Потеляховское —600 тыс. и 2 млн.

Каково же было экономическое положение туркестанских хлопкоторговых фирм по отношению к фирмам, принадлежащим российским хлопкоторговым организациям? Некоторое представление об этом дают следую-

щие показатели о количестве джинов, являющихся основным при определении удельного веса в хлопкоочистительном производстве:

| Фирмы | Количество джин |
|---|---|
| Группа российских фирм | 108 |
| Местные торгово-промышленные товарищества «Я. Х. Вадьяев», «Р. Ш. Потеляхов» | 212 |

Эти данные дают нам право сделать вывод о явных преимуществах группы местных фирм, иначе говоря, о более прочных позициях в хлопкоочистительной промышленности у фирм местного происхождения. Более полную картину дают указанные показатели при рассмотрении хлопкоочистительной промышленности Ферганской области. В 90-х годах в области был 91 хлопкоочистительный завод с 407 джинами, в том числе 58 заводов с 288 джинами принадлежали представителям местной торгово-промышленной верхушки. Иными словами, 63,7% хлопкоочистительных заводов и 70% всего количества джин являлись собственностью представителей местных фирм.

Сравнительную характеристику изменений, происшедших в первое десятилетие XX в., то есть когда началось интенсивное строительство хлопкоочистительных заводов, мы обнаруживаем в работе С. И. Гулишамбарова. К 1914 году в Ферганской области было 156 хлопкоочистительных заводов, из которых 100 заводов принадлежали местным фирмам.

Более наглядные сведения мы получаем при рассмотрении эволюции джинировочных машин (джин). К 1914 году число джин по Ферганской области возросло до 763, что составляет рост по сравнению с 90-ми годами XIX в. на 162,8%. Местным фирмам принадлежали 515 джин, то есть рост по джинам равен 80%. В российских фирмах этот рост был равен соответственно 119 и 248, или более чем на 200%. Таким образом, в российских фирмах более высока механизация обработки хлопка.

Все эти данные подтверждают наши выводы, что на протяжении 20 лет в хлопкоочистительной промышленности происходило усиление позиций местной торгово-ростовщической верхушки, на протяжении двух десятилетий занимавшей преимущественное положение, рас-



поряжаясь большей частью (более двух третей) хлопкоочистительных предприятий Ферганской области.

Так, например, М. П. Вяткин делает вывод о широком проникновении крупного капитала в хлопкоочистительную и маслобойную промышленность Туркестана о том, что процесс акционирования этих отраслей промышленности, осуществившийся через посредство и при участии крупных коммерческих банков, тесно связанных с иностранным капиталом, главным образом, французскими финансовыми кругами, ставил эту основную отрасль под непосредственный контроль международного финансового капитала»[1]. Между тем общеизвестно, что в целях укрепления своей колонии — Туркестана, царизм[2] всячески препятствовал проникновению иностранного финансового капитала в экономику Средней Азии. Подобная политика царского правительства находилась в вопиющем противоречии с интересами иностранного капитала, с которым неразрывно были связаны проникавшие в Туркестан российские капиталы. Это обстоятельство наложило характерный отпечаток на колониальную политику царского правительства, а именно: борьба против проникновения иностранного капитала в хозяйство Туркестана проходила в самых верноподданнических формах. Однако острота противоречий при этом совершенно не теряла своего специфического характера. С одной стороны, царизм и российская буржуазия хотела сохранить Туркестан в качестве своей вотчины и ни с кем не хотели делить своих прибылей, с другой стороны, они **не могли** этого сделать и вынуждены были уступать определенные позиции западноевропейскому финансовому капиталу, в сильнейшей зависимости от которого она находилась.

В частности, иностранцам было категорически запрещено в пределах Средней Азии заниматься предпринимательской деятельностью, приобретать недвижимость и т. д. Согласно закону об управлении Туркестанским краем и в особенности статье 15 этого закона «... приоб-

[1] *М. П. Вяткин.* Монополистический капитал в Средней Азии, Фрунзе, 1962, стр. 65.

[2] Царизм не хотел проникновения иностранного капитала как в интересах помещиков, так и по военно-политическим соображениям. Русская буржуазия, в общем, была за привлечение иностранного капитала.

ретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае разрешается таким только товариществам на паях и акционерным обществам, кои на основании их уставов должны состоять исключительно из русских подданных, христианских верований, нехристианского туземного происхождения или уроженцев сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств»[1].

Таким образом, практика еще более суживала, а не расширяла рамки закона, что, в свою очередь, не ограничивало деятельность исключительно русских обществ, но почти закрывала проникновение иностранного капитала в Туркестан[2].

Характерно, что первым докладом Кокандского Биржевого комитета, представленному ревизовавшему по «высочайшему» повелению Туркестанский край сенатору графу Палену, был доклад «Пересмотр вопроса о расширении прав акционерных обществ и паевых товариществ, действующих в крае». В этом докладе указывалось на необходимость расширить деятельность и права акционерных обществ в Туркестане и косвенно отмечалось, что без крупных капиталов не только русского происхождения, но и иностранного невозможно решить вопроса о максимальном использовании богатств Туркестана и больших ирригационных работах. Князь В. И. Массальский прямо указывал, что без помощи иностранного капитала орошение новых земель не представляется возможным.

Царское правительство не желало вмешательства иностранного капитала в дела Туркестана. В частности, когда крупнейший американский финансист Джон Гайс Гоммонд просил для орошения и обследования юго-восточные Каракумы (Закаспийская область) от Аму-Дарьи до Каспийского моря, правительственное совещание об отводе частным предпринимателям земель для орошения отклонило его просьбу, мотивируя отказ тем, что «... иностранцам в пограничной полосе земли не выдаются»[3]. Был отклонен план того же Гоммонда об орошении 300 тыс. десятин в южной части Голодной степи.

---

[1] Кокандский Биржевый комитет, 1908. Москва, 1909, стр. 51—52.
[2] Отдельные разрешения имели место.
[3] ЦГИАЛ, ф. 426, оп. 1, д. 804, л. 18.



Пытаясь ограничить проникновение в Туркестан иностранного капитала, царизм одновременно всячески способствовал расширению прав русских хлопкоторговых фирм и банков. В частности, 19 мая 1897 года было издано узаконение, разрешавшее Совету Министров:

«...испрашивать для общества с акциями на предъявителя по ходатайствам учредителей: **высочайшее соизволение,** на разрешение сим товариществам и обществам приобретать земли и вообще недвижимые имущества соответственные целям товарищества и обществ и необходимые для достижения оных, равным образом, рассмотрению Совета Министров подлежат ходатайства по упомянутому предмету, существующих уже товариществ и обществ»[1].

Таким образом, в 1897 году была осознана необходимость несколько расширить рамки закона, принятого три года назад. Этим воспользовались многие туркестанские фирмы и общества, как например, товарищество для торговли с Персией и Средней Азией (Московский международный банк), Московское торгово-промышленное товарищество (Московский Купеческий банк), Товарищество Большой Ярославской мануфактуры (Московский учетный банк), товарищество «В. Алексеев», общества «И. К. Познаньских», «Кавказ и Меркурий», «Восточное общество транспортирования кладей», товарищество «Бр. Нобель» и другие. Им было разрешено иметь в Туркестане хлопкоочистительные заводы, приобретать недвижимость для помещения контор и складов.

Вместе с тем закон 1897 года ограничивал деятельность фирм тем, что на создание акционерного общества необходимо было испрашивать «высочайшее соизволение». Решение Туркестанского генерал-губернатора и даже военного министра и министра финансов Российской империи не всегда было достаточным.

Выше мы отмечали, что борьба царизма против проникновения иностранного капитала в Туркестан носила своеобразный характер. В качестве некоторой характеристики подобной политики приведем следующий пример. В 1910 году Франция решила закупить в Бухаре крупную партию каракуля и учредить в Бухарском ханстве свою закупочную контору. В переговорах, происходивших между представителями французского и российского правительства, было достигнуто соглашение о

---

[1] Кокандский Биржевой комитет..., М., 1909, стр. 52.

том, что представитель французской закупочной фирмы выедет в Бухару через 2 месяца. Были выписаны все документы. Но сразу же после переговоров в Бухару начальнику российского политического агентства была послана секретная правительственная телеграмма, в которой предписывалось в месячный срок скупить весь каракуль, что и было сделано. Прибывший в Туркестан представитель французской фирмы не мог приобрести ни одной каракулевой шкурки.

Выражая интерес правительственных кругов, В. И. Массальский писал об отношении царского правительства к иностранному капиталу:

«Допуская в случае **особой необходимости** участие иностранных капиталов в создании оросительных устройств, надлежало бы с большей осторожностью относиться к допущению участия этих капиталов в эксплуатации таковых сооружений, тесно связанных во многих случаях с интересами колонизации наших окраин, причем, интересы эти, конечно, не могут быть поставлены в зависимость от иностранного капитала. При таких условиях и в случае **невозможности** обойтись русскими капиталами, наиболее приемлемой формой участия иностранного капитала в оросительном деле явилась бы правительственная гарантия облигационного капитала оросительных предприятий».

Политика царского правительства и русской буржуазии по отношению к иностранному капиталу в Туркестане нашла полное отражение в так называемой «Записке о государственных нуждах Туркестанского края». Ввиду важности данного документа мы приводим подробную выдержку из него.

«Естественные богатства Туркестана привлекали неизменное внимание иностранных капиталистов, ищущих мест выгодного помещения своих средств. Правительство, в постоянной заботе о развитии в среднеазиатской окраине русской промышленности и русской торговли, настойчиво противилось проникновению в край иностранных капиталов и потому большинство многочисленных ходатайств различных иностранных предпринимателей о допущении их в Туркестанские области с промышленной целью были отклоняемы. Весьма редкие изъятия делались для тех обществ, операции коих по существу своему не носили характера чисто иностранного предприятия, когда участниками их являлись, в известной мере, и русские капиталисты. Ныне, с развитием железнодорожных сообщений и, особенно с окончанием постройки Оренбург—Ташкентской железной дороги, Туркестан, несомненно, начнет развиваться еще более в торговом и промышленном отношениях, привлечет к разработке своих естественных богатств **русский капитал.**



Поэтому именно теперь необходимо в видах предусмотрительности и государственной пользы сохранить исключительно за русскими подданными возможность пользоваться богатствами края, к развитию отечественной промышленности и созданию благоприятных условий для подъема материального благосостояния туземцев и коренных русских людей. Поддержание доктрины — Туркестан для русских — может привести к самым положительным результатам, сохраняя всегда полезное значение в политическом отношении. Если до настоящего времени этот принцип не нарушился, ныне, когда экономическое развитие края идет быстро вперед, отступать от принятой системы невыгодно с государственной точки зрения»[1].

Как видно, политика военно-феодального империализма была более чем ясной. Основная тенденция колониальной политики самодержавия в Туркестане заключалась в недопущении иностранного капитала к эксплуатации богатств края, и, даже в тех случаях, когда правительство, связанное финансовыми обязательствами или политическими, силой обстоятельств вынуждено было идти против своих принципов, оно делало все, что в силах, чтобы воспрепятствовать его осуществлению. Достойно всяческого сожаления, что в целом полезном труде «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» авторы пошли на поводу только что критически рассмотренного нами ошибочного утверждения М. П. Вяткина. Даже общее знакомство с имеющимися материалами привело бы авторов к правильной оценке роли иностранного капитала в основной отрасли края хлопководства. На деле оказалось, что такой важный вопрос, имеющий решающее значение для определения социально-экономической обстановки Туркестана, для определения комплекса вопросов, необходимых для характеристики основных исторических предпосылок Октябрьской революции в Узбекистане был решен неверно. «Хлопкоочистительная и тесно связанная с ней маслобойная промышленность Средней Азии,— читаем мы в указанном выше труде,— оказались накануне революции под контролем крупнейших банков страны, а через них — иностранного капитала»[2]. Характерно, что, кроме

---

[1] Записки о государственных и общественно-экономических нуждах Туркестанского края, Военное министерство по главному штабу от 18. III. 1905 г., стр. 4.

[2] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1967, стр. 98.

ссылки на М. П. Вяткина, это положение совершенно никакими данными не аргументировано, да оно не может быть аргументировано ввиду отсутствия таковых. Между тем определение факторов развития хлопководства в целом и хлопкоочистительной промышленности в особенности, являющейся преобладающей отраслью, составлявшей по стоимости валовой продукции 143,1 млн. руб., что было равно 56,5% от всей продукции, производимой в крае[1], является важнейшим критерием для уяснения тех социальных отношений, которые сложились в Туркестане накануне Октябрьской революции.

Из сказанного видно, что эволюция хлопкоочистительной промышленности на протяжении 20 лет сводилась к усилению позиций местной торгово-ростовщической верхушки, которая занимала преимущественное положение, распоряжаясь, большей частью (более двух третей) хлопкоочистительных предприятий Ферганской области. Эти данные дают возможность выявить чрезвычайно характерную особенность развития хлопкоочистительной промышленности, проливающей свет на характер отношений между дехканами-хлопкоробами с одной стороны, и хлопкоторговыми фирмами с другой.

Известно, что в условиях Туркестана хлопкоочистительный завод занимался не только и не столько очисткой хлопка и прессовкой волокна для отправки в метрополию. Одной из основных задач хлопкоочистительного завода была скупка хлопка, вернее организация самой системы скупки хлопка.

Существенная разница между рациональной организацией производства хлопка и его первичной обработкой по сравнению с условиями, в которых развивалось производство хлопка в Туркестане, заключалась, в том, что производители хлопка при капиталистической организации производства реализуют, главным образом, не хлопок-сырец, а хлопок-волокно. При этом, независимо от того, имеет производитель собственный хлопкоочистительный завод или хлопок очищается на арендованных предприятиях, в любом из вариантов производитель получает в свое распоряжение хлопок-волокно и хлопковые семена, то есть, будучи собственником выращенного урожая, производитель остается собственником продукта

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 627, л. 158.



первичной обработки. Таким образом, важнейшим фактором состояния хлопкового рынка выступает хлопковое хозяйство, производящее и реализующее основной сельскохозяйственный продукт, который определяет всю совокупность товарно-денежных отношений, связанных с заготовкой и реализацией хлопка.

Нетрудно заметить, что аналогичные процессы, протекающие в условиях Туркестана, коренным образом отличались от сказанного выше. Дехканин, будучи собственником произведенного им хлопка-сырца, теряет это право собственности с того момента, когда сырец доставлен на приемный пункт хлопкоочистительного завода. В пределах завода власть над произведенным продуктом для дехканина потеряна, то есть дехканин мог реализовать свой хлопок только в сыром виде и поэтому терял контроль над дальнейшей обработкой хлопка. Иначе говоря, конечным продуктом реализации произведенного в хозяйстве дехканина продукта являлось не хлопковое волокно и хлопковое семя, а хлопок-сырец. Дехканин-хлопкороб лишался всех преимуществ, которые давала реализация хлопкового волокна и хлопковых семян. Одновременно с этим дехканское хозяйство как бы исключалось из участия в дальнейшей эволюции продуктов хлопководства, товарно-денежных отношений, связанных с дальнейшим движением основного продукта — хлопка. Следовательно, силы и средства дехканского хозяйства, затраченные на производство, ограничивались лишь пределами реализации сельскохозяйственного сырья, не прошедшего даже стадии первичной обработки, то есть львиная доля доходов, по праву принадлежавших дехканину, изымалась из сферы его деятельности. Эти доходы, дефилирующие за пределами дехканского хозяйства, были именно теми средствами, которые при определенных социально-экономических условиях имели тенденцию поставить хлопководство в Туркестане в рациональные рамки товарно-денежных отношений — в рамки капиталистической эволюции, определяющей сферы материального производства.

Нельзя не заметить, что «капиталы», доходы, которые давало хлопководство, «молчаливо» уплывали из дехканского хозяйства в карманы громадной посреднической и торгово-комиссионерной клиентуры, где одну из первых ролей играло «чистачество». Также нельзя не заметить,

что хлопкоочистительные заводы в Туркестане помимо своей основной функции — очистки, имели все возможности держать под строжайшим контролем дехканское хозяйство, самостоятельность и независимость которого были столь же призрачны и далеки от реальности, как и надежды владельца каждого парцеллярного хозяйства, каждого дехканина освободиться от опеки «чистачей», сбросить с себя тяжелую ношу долгов. Чем выше было стремление дехканина завоевать самостоятельность неимоверным напряжением своих сил и средств, тем больше затягивалась петля, конец которой зорко стерегли «чистачи» фирмы и их агентура.

«Заводы, подобно щупальцам торгового капитала опутывали и проникали в кишлаки,— пишет И. Севастьянов,— своими скупочными пунктами, то есть примитивными складами, где приказчик фирмы наспех ссыпал уловленный им товар; заводы посылали в в перегонку в самые глухие уголки своих агентов-скупщиков и комиссионеров («пахтачи»), наконец для успеха дела в процессе конкуренции заводы сами двинулись в кишлаки, т. е. новые заводы стали строиться не в городах, а в кишлаках и среди самих дехканских полей. Здесь (в Туркестане — *А. Ю.*) роль «завода» заключалась не столько в первичной обработке, в очистке, сколько в скупке хлопка-сырца; здесь центр тяжести не в промышленности, а в коммерции. Заводы буквально улавливали дехкан и его хлопок-сырец. Дехканин еще не собирается сеять хлопок, у него мало денег, услужливый комиссионер-туземец, часто его же однокишлачник, дает ему деньги, только засевай хлопок. Дехканин не собирается, не имея рабочих, производить лишний раз мотыжение, комиссионер опять дает ему денег, чем больше дехканин в долгу, тем вернее он сдаст урожай хлопка этому благодетелю-комиссионеру. Хлопок созрел. Тут к услугам дехканина громадный двор завода; если завод далеко, обязательно тут где-нибудь «пункт», если дехканин все-таки не везет хлопок, к нему едет «арбакеш» (особый тип извозчика комиссионера); наконец, является кредитор и отбирает хлопок. Короче говоря, везде и всюду «фирма», «посредник», «чистач», «пахтачи», пунктовый «арбакеш», комиссионер, наконец, просто бай-ростовщик»[1].

Такова картина взаимоотношений, которые сложились между фирмами, чистачами с одной стороны, и дехканином-хлопкоробом с другой. Естественно, при таком положении дел строительство хлопкоочистительных заводов вызывалось не столько стремлением получить определенную прибыль за первичную переработку хлопкового

[1] *И. Севастьянов,* Хлопководство и хлопковая промышленность Туркестана, М., 1921, стр. 45.



сырья или облегчить и удешевить для себя этот необходимый процесс, сколько обеспечить себе гарантированное количество хлопка-сырца путем договорных обязательств, используя все приемы как новейшего времени, так и чисто азиатского ростовщичества с целью жесточайшего закабаления и неукоснительного подчинения всей экономической жизни дехканского хозяйства. Хлопкоочистительный завод являлся в некотором роде мостом, через который, с одной стороны, осуществлялось фактическое вмешательство в процесс производства в недрах дехканского хозяйства, а с другой — участие владельцев хлопковых предприятий в дальнейшей реализации хлопка-волокна и утилизации продуктов хлопкоочистительной отрасли.

Судьба хлопководства находилась не в руках непосредственных производителей — дехкан-хлопкоробов, а тех фирм и «чистачей», которые прочно завладели основными рычагами, регулирующими его развитие и рост.

Картина была бы неполной без характеристики тех товарных и денежных отношений, которые сложились между фирмами и коммерческими банками.

Выше мы говорили, что хлопковая посредническая клиентура задолго до посева «нового» хлопка, когда реализация урожая этого года еще не закончена, вербуют «надежных» дехкан на новый сезон. Фирмы заключают соглашения, центральным пунктом которых является обязательство доставить в ее распоряжение определенное количество хлопка. Обеспечением этого соглашения являлись документы, которые фирмы в свою очередь получили от дехкан-хлопкоробов (через «чистачей», арбакешей, пахтакешей и т. д.), договор на запродажу дехканином будущего урожая хлопка, васихи — расписки, совершенные у местных судей на залог имущества и земли в случае невыполнения условий договора, денежные расписки (а иногда личные векселя дехкан). На этих документах также ставила свой передаточный бланк (заверенная подпись с печатью и обязательством отвечать за того дехканина, который не выполнит условий договора) посредническая клиентура. Таким образом, фирма обеспечивает себя гарантированными обязательствами как со стороны посредников разного ранга, стоящих между фирмой и арбакешами, так со стороны дехкан-хлопкоробов. Все указанные выше

документы в совокупности составляли «портфель» хлопковых фирм. Он полностью предоставлялся в распоряжение банков, с которыми были связаны хлопковые фирмы. Таким образом, «портфель», принадлежащий фирме, переходил в ведение банков, а исходным пунктом соглашения хлопковой фирмы с банком всегда служило обязательство продавать весь купленный фирмой хлопок только через банк.

Даже в тех редких случаях, когда хлопковая фирма реализовала хлопковое волокно непосредственно покупателю (мануфактурной фирме), банк оставлял за хлопковой фирмой это право, обусловливал эту операцию таким образом, чтобы продажа проходила как непосредственно совершаемая банком, то есть, уступая хлопковой фирме инициативу в реализации товара, банк оставлял за собой право получения ставок за комиссионную продажу. Подобные запродажи хлопка являлись чрезвычайно редкими и играли совершенно незначительную роль, сравнительно с распространенной практикой, где активное участие в хлопковых операциях играли банки.

Система банковского кредита в Туркестане представляла следующую картину: банк для покупки хлопка открывал фирме один или одновременно несколько разнородных кредитов, а именно:

1. Специальный текущий счет под вексель. При выдаче задатков фирмы заключали с дехканами и чистачами письменные условия, по которым дехкане обязывались доставить хлопок фирме за свой счет с собственных участков, а чистачи — купленный на рынке по цене, какая будет существовать у московских фирм в данной местности в день сдачи хлопка. Далее, в условиях оговаривалась сумма задатков за каждый проданный пуд хлопка и сроки выдачи этих задатков.

При получении задатков чистачи и дехкане, независимо от расписки на самом контракте, выдавали векселя на имя фирмы. Под векселя дехкан и чистачей банк открывал специальный текущий счет «онколь» в размере 85% обеспечения с погашением с 1 ноября по март, по мере сдачи хлопка.

2. Специальный текущий счет под векселя и копии контрактов на купленное хлопковое волокно, независимо от покупки хлопка в сыром виде, фирмы производили покупку очищенного и прессованного в кипы хлопка. В



этом случае они также заключали контракт с продавцом, в котором указывался сорт купленного хлопка, время сдачи и сумма задатка, которая выдавалась продавцу при подписании им контракта. В получении задатка продавец расписывался на контракте и выдавал, кроме того, векселя на сумму полученного им задатка. Под эти векселя, сопровождаемые нотариальными копиями контрактов, банки открывали специальный текущий счет в размере 80—85% обеспечения, погашаемого фирмами по мере сдачи хлопка.

3. Банковый кредит. В некоторых случаях банки открывали фирмам сезонные кредиты под соло-векселя. Банк выдавал фирме ссуду до продажи хлопка в форме специального текущего счета под товары. Долг на бланковом счете погашался со счета ссуд под товары. Это — экстренный кредит, выдававшийся фирмам, пользовавшихся особым доверием, практиковался в основном тогда, когда другие формы кредита использованы.

4. Специальный текущий счет под хлопок-сырец и хлопок в переработке. Эти кредиты облекались в форму «онколь» под товары, так как с находящимся в обеспечении этих счетов хлопком производился ряд операций. Сначала на двор хлопкоочистительного завода поступал сырец, складываемый в амбары, а затем производился отпуск хлопка частями на завод для переработки, и, наконец, очищенный и упакованный хлопок поступал в амбары. Для надзора за этими операциями банк командировал артельщиков и артельных сторожей. Прием хлопка производился совместно с артельщиком банка и служащим фирмы и весов. О приеме хлопка дехканам выдавалась квитанция, по ней артельщик банка производил в конторе завода платеж, руководствуясь письменными инструкциями банка, в котором указан и размер ссуды под разные сорта хлопка, обыкновенно 85—95% его рыночной стоимости.

Ко времени выхода готового хлопка на заводе имелось распоряжение банка об отправке его в районы потребления; хлопок грузился в вагоны. Стоимость содержания артельщиков и артельных сторожей банк относил на счет хлопковой фирмы.

5. Специальный текущий счет **под грузовые документы на хлопок, отправляемый в центральные районы.** Для осуществления этого кредита банк открывал хлопковой

фирме счет под грузовые документы. Размер ссуд под запроданный хлопок —95%, под незапроданный — не свыше 85%. Этот счет являлся ликвидационным, так как к нему стягивалась вся организация хлопковой фирмы и на этот счет поступал весь законтрактованный фирмой хлопок.

Анализ хлопковых операций показывает, что под надзором среднеазиатских отделений банков протекал весь процесс от раздачи задатков под будущий урожай и кончая отправкой готового хлопка в текстильные районы Москвы и Петербурга, поэтому банки имели полную возможность следить за ходом работы финансируемых ими фирм, своевременно регулируя и направляя их деятельность в желательном для банка направлении.

С. Понятовский:—«Мы констатируем доминирующую роль банков в деле скупки хлопка, а так как в среднем банки кредитуют 80—90% стоимости товара, то банки в значительной мере влияют на весь ход торговых операций»[1].

[1] *С. Понятовский.* Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, СПб, 1913, стр. 289.

*Глава III*

## СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА УЗБЕКСКОГО КИШЛАКА

Перейдем к непосредственному рассмотрению состояния и развития дехканского хозяйства. Наиболее полные данные мы находим в материалах ревизии К. Палена. Правда, они охватывают только 4220 хозяйств по 8 уездам, включавшим в себя 11 волостей, но сам выбор и группировка исследуемых хозяйств настолько подробны и обстоятельны, что сопоставление их подтверждает вывод авторов о том, что статистические материалы представляют собой «обследования типичных местностей края»[1].

Вот эти данные (таблица 4).

Прежде чем переходить к анализу таблицы, необходимо отметить, что нами принята классификация сельского населения, данная В. И. Лениным в его работе «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу», в которой В. И. Ленин дал четкое определение сельскохозяйственного пролетариата, полупролетариата, мелкого крестьянства, середняка и сельской буржуазии

Под **сельскохозяйственным пролетариатом** В. И. Ленин понимал наемных рабочих (годовые, сроковые, поденные), «снискавшими себе средства к жизни работой по найму в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях»[2].

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отдел 1, СПб, 1911, стр. 111.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 170.

Таблица 4

**Группировка хозяйств по размерам земли и промыслам вне своего хозяйства**[1]

| Группы хозяйств (по данным комиссии К. К. Палена) | По размерам землепользования | Число хозяйств | Количество мужчин в рабочем возрасте | Промыслы вне своего хозяйства: число лиц, занятых промыслом: Число хозяйств, занятых промыслом | в том числе с отхожим | земледельческим | извозом и прочим | ремеслом | торговлей | службой |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| I | Безземельные | 48 | 53 | 44 | — | 32 | 13 | 2 | 3 | 2 |
| II | Владения до 0,5 дес. | 901 | 167 | 678 | 47 | 588 | 85 | 83 | 46 | 41 |
| III | от 0,51 до 1 дес. | 629 | 841 | 340 | 23 | 246 | 26 | 36 | 29 | 22 |
| IV | от 1,01 до 2 дес. | 822 | 1263 | 247 | 33 | 211 | 51 | 26 | 20 | 21 |
| V | от 2,01 до 3 дес. | 575 | 914 | 196 | 64 | 133 | 15 | 9 | 18 | 15 |
| VI | от 3,01 до 5 дес. | 588 | 1030 | 149 | 44 | 104 | 15 | 9 | 17 | 10 |
| VII | от 5,01 до 10 дес. | 448 | 863 | 129 | 20 | 44 | 3 | 3 | 8 | 15 |
| VIII | Свыше 10 дес. | 209 | 444 | 78 | 3 | 7 | 1 | 1 | 12 | 11 |
| | Итого: | 4220 | 6575 | 1861 | 234 | 1365 | 209 | 169 | 153 | 137 |

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане,... стр. 120—121.



**Полупролетариат** по ленинскому определению — парцеллярный крестьянин, который «...снискивает себе средства к жизни частью наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях, частью — трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, дающем лишь некоторую долю продуктов питания для его семьи»[1].

**Мелкое крестьянство** В. И. Ленин определяет так: «Мелкие землевладельцы, владеющие на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы»[2]. Все эти три категории крестьянства В. И. Ленин называет **беднотой,** которой присущи колебания «...в сторону ничем не ограниченной свободы *торговли* и свободы использования прав частной собственности»[3].

Четвертую группу деревенского населения, по ленинскому определению, составляет **среднее крестьянство,** под которым следует понимать «...мелких землевладельцев, которые владеют на праве собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые, во-первых, дают при капитализме по общему правилу не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный по крайней мере в лучшие годы превращаться в капитал, и которые, во-вторых, прибегают довольно часто (например, в одном хозяйстве из двух или трех) к найму чужой рабочей силы»[4].

«**Крупным крестьянством**,— пишет В. И. Ленин,—являются капиталистические предприниматели в земледелии, хозяйничащие по общему правилу с несколькими наемными рабочими, связанные с крестьянством лишь невысоким культурным уровнем, обиходом жизни, личной физической работой в своем хозяйстве»[5].

Данные о сельскохозяйственном пролетариате (он стоит первым в ленинской характеристике социальных слоев деревни) мы обнаруживаем в графе «безземель-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 170—171.
[2] Там же, стр. 171.
[3] Там же, стр. 172.
[4] Там же, стр. 173.
[5] Там же, стр. 174—175.

ные». Они составляли, согласно «Материалам к характеристике...», в Алтынкульской волости Андижанского уезда 0,34% по отношению к обследованному количеству хозяйств, в Киргиз-Курганской волости —0,78%, Найгут-Кипчакской —0,60%. Из общей картины, в целом соответствующей реальному положению вещей, выпадает Авальская волость, где безземельные составляли 6,26%. Это объясняется тем, что к этому числу отнесены в Маргиланском уезде духовные лица, а также торговцы, мирабы и другие категории. Определение процента безземельных ревизией Палена в 1,1% совпадает с данными Юферева для всей Ферганской долины — 1,7%[1]. М. Г. Вахабов определяет количество безземельных, «живших только продажей своей рабочей силы», в среднем от 0,5 до 1,0%. Эти цифры весьма близки к данным Палена из приведенной таблицы.

Большой интерес представляет характеристика безземельных хозяйств по раскладке ревизии Палена.

В 48 хозяйствах всего 189 душ, в том числе 85 женщин и 104 мужчины, из которых в рабочем возрасте 53 человека. Принимая во внимание, что в безземельных хозяйствах основная рабочая сила — это почти исключительно мужчины, рассмотрим подробнее характер их труда. Из 53 мужчин 32 занимались земледельческим промыслом, 5 извозом, 2 ремеслами, 3 торговлей, 2 были на службе, 8 занимались прочими промыслами. Таким образом, «безземельные» еще не означали категорию сельскохозяйственных рабочих, а представляли совокупность рабочей силы, используемой на различных работах, и только ту часть, которая была занята в сельском хозяйстве, можно с полным правом отнести к сельскохозяйственному пролетариату, в данном случае из 53 человек только 32, или 60,9%. Если 48 безземельных хозяйств составляют к общему числу хозяйств 1,1%, то сельскохозяйственного пролетариата среди них 60,9%, что составляло более 0,6% к общему количеству всех наличных хозяйств.

Как видно, число сельскохозяйственного пролетариата в Туркестане колебалось от 0,5 до 1% по отношению ко всем прочим категориям, обследованным ревизией Палена. Эти данные достаточно точны и в сопоставлении с прочими источниками отражают картину состояния сельскохозяйственного пролетариата в целом.

[1] *В. И. Юферев.* Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, таблицы подворного описания, стр. 10—12.



Согласно таблице второй вид крестьянского землевладения представлен группой хозяйств размером до 0,5 десятины. Вот данные по четырем волостям. В Гулякандозской волости эта категория хозяйств составляла 11,48%, Хакентской — 13,22, Каль-Курганской — 14,22, Ниазбекской — 15,5%. По пяти другим волостям этот процент выше — в Киргиз-Курганской — 23,55%, Махалинской — 25,85, Аввальской — 34,35, Алтын-Кульской —36,48 и Яйпанской — 37,47%.

Как видно, в трех последних волостях удельный вес хозяйств, имеющих удобной земли до 0,5 дес., составляет более $^1/_3$.

Хозяйств, владевших земельным участком размером в 0,5 десятины, ревизия обследовала 901, в которых числилось 3706 душ, в том числе мужчин 1957, из которых 1167 были рабочего возраста, причем только 588, или немногим более половины, были заняты в земледельческих промыслах вне своего хозяйства. Кроме того, 45 были арбакеши, 83 — ремеслами, 46 торговлей, 41 «службой» и 40 прочими, то есть подавляющее большинство, помимо ведения крохотного земельного участка, занималось вне своего хозяйства. Для большей части из 923 человек, занятых в хозяйствах за пределами своего участка, составляли занятия, связанные с земледелием (588 душ). На долю хозяйств, работавших на своем земельном наделе, приходилось всего 244 души. Эта категория узбекского дехканства отличалась от предыдущей тем, что она имела хотя и небольшой, но все-таки свой или арендованный земельный участок, который, однако, не давал достаточных средств для содержания семьи, что вынуждало мужчин наниматься на различные работы вне своего хозяйства. Это несомненно сближало ее с категорией земледельческого, сельскохозяйственного пролетариата.

Каков был характер сельского хозяйства в группе с размером землевладения в 0,5 десятины? Нас, прежде всего, интересует удельный вес посевов хлопка.

Из 910 хозяйств хлопок сеялся только в 147, то есть хлопководством занималось около 20%. Но и в этих

хозяйствах из общего количества посевной площади в 72,45 десятины под хлопком было занято меньше половины земли.

Данных о доходе хозяйств второй группы (до 0,5 дес.) мы не имеем, об этом можно судить лишь косвенно. Так, В. И. Юферев считает, что валовая выручка с хозяйства в 1 десятину составляла 290 руб., в то время как расход хлопководческой семьи равнялся 438,42 рубля. Экономическое же положение хозяйства с наделом в 0,5 десятины даже при механическом сопоставлении позволяет утверждать, что в этих хозяйствах фактически речь шла о «батраке» с наделом, который при всей своей изворотливости, конечно, не мог прокормить и обеспечить семью. Настоятельная необходимость толкала его наниматься в «батраки», «мардикеры» и т. д.

Третью группу крестьянства составляли мелкие землевладельцы, которые владели сравнительно небольшими участками, доходы с которых покрывали потребности семьи и своего хозяйства. В. И. Ленин добавляет, что владельцы этих хозяйств «не прибегают к найму чужой рабочей силы». Применительно к Туркестану такой категории землевладения в данных ревизии Палена не имеется. При поливном ведении хозяйства размеры земельных участков мелких крестьян составляли от 0,5 до 2 десятин.

Группы III и IV, показанные в табл. 1, владели от 0,51 до 2 десятин земли. Однако рассмотрение этих групп для определения мелкого землевладельческого хозяйства без учета их особенностей может дать искаженное представление. Рассмотрим сначала группу III. В 629 хозяйствах этой группы мужчин было 1485, из которых могли работать 841. 246 из них занимались земледельческим промыслом, 10— извозом, 36— ремеслами, 29— торговлей, 22— службой и 16 прочими промыслами, то есть всего неземледельческими промыслами вне своего хозяйства были заняты 113 человек, из которых 51 (29 занятых торговлей и 22 службой) необходимо исключить из категории «мелких землевладельцев», ввиду того, что они находились в иных условиях, нежели основная группа. Нельзя, естественно, относить эту группу крестьян к предыдущей, как это делала дореволюционная статистика, на том основании, что и «крестьяне с наделом» (до 0,5 дес.) и мелкие крестьяне назывались



единым термином —«чайрикеры». Дореволюционная литература не разграничивала социальное положение отдельных слоев дехканства, а наоборот, старалась завуалировать их экономическое положение, представляя их как нечто среднее, по существу скрывая протекающую в недрах дехканского хозяйства дифференциацию. Отличительная особенность III группы заключалась в том, что в **целом** эти хозяйства обеспечивали пропитанием свои семьи доходами со своего участка, в то время как крестьяне II группы вынуждены были искать дополнительные доходы за пределами своего хозяйства. Показательно в этом отношении сравнение числа лиц, занятых земледельческими промыслами вне своего хозяйства. Во II группе этим занимались 588, а в III— 246 человек.

Рассмотрим данные по IV группе — с размером землевладения от 1,01 до 2 десятин. Всего хозяйств 822, в которых 2186 мужчин, 1263 из них в рабочем возрасте. Из этого числа 32 занимались извозом, 26 — ремеслами, 20 — торговлей, 21— службой и 19— прочим ремеслами.

Суммируя данные III и IV групп по только что произведенной классификации, получаем, что в этих группах к категории мелких крестьян относились 2012 работоспособных мужчин, что по отношению ко всему взрослому населению (6575 чел.) составляло 30,7%. Весьма показательны такие же данные по волостям, хозяйства которых взяты за основу исследования. Так, например, в Ниазбекской волости Ташкентского уезда —38%, в Алтынкульской волости Андижанского уезда — 39,46, в Хакентской того же уезда — 33,56, в Авальской Маргиланского уезда — 29, Киргиз-Курганской Наманганского уезда —46,75. Яйпанской Кокандского уезда — 36,61% ,Найгут-Кипчакской того же уезда —22,96, Гулякандозской Ходжентского уезда —15,24, Махалинской Самаркандского уезда —58,77, Каракалпакской того же уезда — 20,33, Каль-Курганской Катта-Курганского уезда —57,8%.

Эти цифры показывают, какое большое расхождение с реальной действительностью получается при механическом использовании таких ценных данных, какими являются анкетные материалы ревизии графа Палена.

Таким образом, нами рассмотрены три категории крестьянских хозяйств, которые В. И. Ленин объединял понятием «беднота».

Из всего количества обследованных хозяйств «беднота» составляла 2400 хозяйств, или более половины. В них же было сосредоточено более половины всей взрослой рабочей силы.

Переходим к рассмотрению среднего крестьянства. В условиях, которые сложились на территории современного Узбекистана, размеры середняцких хозяйств были отличны от тех, которые В. И. Ленин приводит для характеристики «средних крестьян» в Германии, владевших участками от 5 до 10 десятин. Следует учесть, что рассматриваемый период характеризуется установлением хлопковой монокультуры, дающей значительно больший доход, нежели десятина земли в Германии. Для определения границ «среднего крестьянского» хозяйства обратимся к работе агронома В. И. Юферева «Хлопководство в Туркестане»[1]. В разделе «Тип хлопкового хозяйства» он пишет, что наиболее распространенным в Ферганской области (в хлопковых районах) был размер хозяйства, составлявших главную массу сельскохозяйственных предприятий, равный 2,0—2,5 десятины[2]. «На этой площади,— пишет В. И. Юферев,— и основано все хозяйство хлопковода, так как здесь же находится усадьба двора, пахотные и сенокосные угодия. Хотя указанная площадь и поражает своей незначительностью, в особенности, если ее рассматривать с точки зрения крестьянина Европейской части России, но все же и она не является тем минимумом, который может облегчить существование семьи, не заставляя ее прибегать к сторонним заработкам. Как показывают исследования, таким минимумом в хлопковых районах является площадь размером около 1 дес. на хозяйство (автор имеет в виду 1 дес. только хлопковых посевов — *А. Ю.*»)[3]. Таким образом, 2,5 дес. посевной площади являются недостаточными для обеспечения семьи, а 3 дес. площади или 1 дес. хлопковых посевов являются минимумом земельного участка хозяйства,

[1] *В. И. Юферев.* «Хлопководство в Туркестане», Л., 1925.
[2] Там же, стр. 79.
[3] Там же.



дающим возможность обеспечить хозяйство, не прибегая к посторонним заработкам. В другой работе В. И. Юферев пишет: «Если в грубо приблизительных цифрах по количеству затрачиваемого труда приравнять десятину хлопчатника 4 десятинам прочих культур (пшеницы, проса, кукурузы, сорго), то отсюда можно сделать вывод, что при одной десятине, занятой под хлопчатником, максимальная площадь посевов хозяйства, не прибегающего к найму рабочей силы, должна равняться 3 десятинам»[1]. Ссылаясь на анкетный опрос, произведенный в конце 1912 года среди инструкторов по хлопководству Ферганской области, автор пишет: «На вопрос анкеты — начиная с какого размера земельной площади хозяйства и при какой площади под хлопком для средней семьи... нет возможности обходиться при обработке собственными рабочими силами, и приходится прибегать к сдаче земель издольщикам или к найму рабочих», в ответах инструкторов указывается площадь под хлопчатником от $^1/_2$ до $^2/_3$ дес., причем предполагается, что в первом случае при посеве $^1/_2$ дес. хлопчатника остальная площадь до 3 дес. бывает занята прочими посевами. Эта цифра колебаний, средние же показания вполне определенно намечают как предельную норму для полного использования сил средней семьи площадь в 3 десятины, из которых 1 дес. находится под хлопчатником»[2].

Таким образом, устанавливается, что минимум земельного участка составляет 3 десятины и что 1 десятина хлопкового посева, по сравнению с прочими культурами, составляет соотношение 1 : 3, то есть одна доля хлопкового посева в получаемом доходе равна 3 долям прочих культур. Можно принять хозяйство, располагающее посевом хлопчатника размером в одну десятину, за минимум для определения среднего крестьянства. «Хозяйство,— пишет В. Юферев,— работающее на 5—6 дес., считается уже крупным, т. е. хозяйство с земельной орошаемой площадью до 5 дес. является некрупным и толь-

[1] *В. И. Юферев.* «Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана (опыт характеристики рабочего вопроса в хлопковых районах Туркестанского края). СПб, 1914, стр. 17.
[2] Там же.

ко за пределами этого участка хозяйства можно квалифицировать как крупные»[1].

Подведем итог. Землевладение, именуемое «среднее крестьянство», в условиях Туркестана составляло, по крайней мере, для районов поливного земледелия, где обязателен в севообороте хлопчатник, от 3 до 5 десятин.

По данным таблицы 4, среднее крестьянство по размеру землевладения представлено группой VI —588 хозяйствами, составляющими $^1/_7$ всех обследованных хозяйств. Из 3463 лиц мужчины составляли 1807 человек, в том числе работоспособные 1030, из которых земледельческими промыслами вне своего хозяйства занимались 104, извозом — только 6 человек, ремеслами —9, торговлей —17, службой —10, остальные прочими промыслами. За вычетом 27 человек, занятых торговлей и службой, получаем 1003 человека, которые относились к категории «среднего крестьянства».

К категории «среднего крестьянства» относим также и VI группу таблиц. Работоспособных мужчин 1944, за вычетом 60 торговцев и служащих получаем 1884 человека, к которым прибавляем 255 человек из VII и VIII групп. В итоге —2139 человек, что составляет 32,8% ко всему населению. 141 хозяйство, имевшее менее 5 десятин из VII и VIII групп, мы относим к среднему крестьянству.

Таблица и данные ревизии Палена показывают процесс постепенного оскудения хозяйства, даже такого, устойчивость которого казалась незыблемой. Это же прослеживается и по воспоминаниям старожилов.

По рассказу Мирзоахмета Рахматова, его отец имел 13,5 танапа земли, сельскохозяйственные орудия труда, 2 быков, лошадь, корову, 2—3 баранов. Землю обрабатывали отец рассказчика, он сам и два брата. Они никогда не были ни арендаторами земли, ни поденщиками — мардикерами. На своей земле сеяли пшеницу, джугару, хлопок и другие культуры. Ежегодно снимали урожай в 20—25 мешков пшеницы, столько же джугары.

Виноградник занимал несколько более одного танапа земли и давал в год 24—30 пудов кишмиша. Его продавали здесь же на месте купцам из Ташкента и, в зависимости от качества, получали от 1 руб. до 1 руб. 60 коп. за пуд. Кроме того, ежегодно 3 танапа земли засевали хлопком. Продавали его комиссионерам в Ходженте и на месте. Рахматов сообщил, что таких хозяйств в кишлаке Самгар было 40. Если учесть, что в кишлаке было более 400 хозяйств издольщиков, не считая мардикеров и крестьян других категорий, то относительно обеспеченный слой крестьян, к которым принадлежал и Рахматов, составлял менее $^1/_{10}$ всех хозяйств.

Неурожаи, налоги, дробление земли между наследниками довольно быстро превращали и этих крестьян в неустойчивых в экономическом отношении владельцев мелких участков, вынужденных ходить на поденную работу к баям или брать землю в аренду.

Крестьянин кишлака Кыстакоз Абдусаттар Саидов рассказывает, что его отец имел всего 4 танапа земли (около 1 дес.—*А. Ю.*). Он сеял джугару, маш, кукурузу, пшеницу, клевер и хлопок. В хозяйстве была одна корова и ишак. Земля не могла прокормить семью, и потому отец нанимался к баю косить пшеницу. Плату за свою работу он получал зерном. Поденная работа за зерно не была случайным явлением: крестьяне ходили на работу к баю целыми группами.

Как видно, владельцы парцеллярных хозяйств, будучи самостоятельными земельными собственниками, постепенно превращались в издольных арендаторов или байских поденщиков, приближаясь по своему экономическому положению к безземельным крестьянам-арендаторам.

И, наконец, эксплуататорский слой крестьянства. Это в первую очередь феодалы и кулаки. Определяем эту категорию за исключением 255 трудоспособных мужчин, равную 1052 человекам (863+444+255), как представителей капиталистических и феодальных элементов, составлявших по отношению ко всему взрослому населению 19,3%.

На основе анализа таблиц ревизии Палена мы приходим к важному выводу о том, что для определения удельного веса эксплуататорского слоя капиталистического типа необходим анализ использования в группах VII и VIII наемной рабочей силы («годовые» и «сро-

[1] *В. И. Юферев.* Хлопководство в Туркестане. Л., 1925, стр. 79.

ковые»), как верный критерий для классовой характеристики этой категории.

Байское землевладение крупных масштабов было в Ферганской области. В частности, в кишлаке Пап, деревне с высокой культурой хлопководства, насчитывавшей около 1000 хозяйств, значительная земельная площадь принадлежала баям. Причем размер каждого землевладения колебался от 100 до 1000 танапов. По 1000 танапов земли имели Саналибай и Халилбай Мингбаши, Туяхмингбаши и Салахиддин мингбаши владели 550 танапами, Мухнобай — 350, Гафурбай — 450, Саналибай — 450, Самали-ходжа и Рустамалибай —200, Нурматбай— 150, Иргашбай, Хушанбай, Атабай, Бусматбай по 100 танапов и многие другие. Бывший издольщик Дадабай Закиров характеризует байское землевладение в кишлаке Пап следующим образом: «Почти вся земля, которая теперь входит в состав земель кишлака, принадлежала... баям. У каждого бая было по 8—10 и даже 20 гектаров земли. Каждый бай имел по 8—10 чайрикеров». «Баев в кишлаке было много,— рассказывает Назар Рахимов из кишлака Кали Баланд Ура-Тюбинского уезда,— большая часть земель принадлежала баям, которые жили в Ходженте и Ура-Тюбе. У жителей кишлака земель было мало. Были и крупные баи».

Баи владели большей частью земельного фонда. Согласно обследованию, проведенному на основе рассказов крестьян, байское землевладение не было одинаковым по своим размерам в различных районах, уездах, волостях, даже в пределах одних и тех же волостей и участков. Так, например, в Каттакурганском уезде Самаркандской области отдельные баи владели 100 и более танапами орошаемой и неорошаемой земли[1]. Самым крупным землевладельцем был Олимбай из кишлака Паст-Чор-Дара, который имел 100 танапов поливной земли[2]. Однако во многих кишлаках района были баи, владевшие участками от 200 до 500 танапов и более. Так, Абдычаманбай имел 500 танапов, Мамадгафурбай — более 200 танапов, Курбанбай — около 200 танапов. В Пастдаргомском уезде Мурадбай владел 120 танапами земли, Дусматбай Абдурахимов — 196 танапов поливной земли и около 160 танапов неполивной, Субханкулбай — соответственно 80 и 60 танапов[1] и т. д.

[1] Один танап равен примерно $^1/_4$ десятины.

[2] Государственный исторический музей, № 84155. Тетрадь рассказов крестьян, 1953 г., рассказ № 2.



Для полноты характеристики рассмотренных выше социальных групп необходим анализ их экономического положения: обеспеченность рабочей силой, скотом, инвентарем, денежными средствами и т. д.

Поскольку за основу берутся хлопководческие районы, следует раскрыть специфику ведения хлопкового хозяйства и связанного с ним использования рабочей силы.

Культура хлопчатника значительно более требовательна по сравнению с другими культурами. Хлопок требует более длительного вегетационного периода, неоднократной обработки почвы, квалифицированного шестикратного (минимум) полива, постоянного наблюдения и ухода за ростом и развитием. По данным В. И. Юферева, при вспашке омачом можно обработать не более $^1/_3$ десятины. «Вспашка этим орудием,— пишет В. И. Юферев,— отнимает больше времени, чем при работе железным плугом»[2]. Сбор хлопка, производимый в 3—4 срока, требует большого количества рабочих рук даже в хозяйствах, небольших по площади. Культура хлопчатника требовала от семьи в 6 раз больше затрат, чем зерновые.

Статистика оставила нам данные о числе поденщин, необходимых при обработке 1 десятины хлопчатника: февраль — 6, март — 24, апрель —25, май — 27, июнь — 24, июль —1, август —1, сентябрь —20, октябрь — 20. Как видно, самые напряженные дни падают на март, апрель, май, то есть период вспашки и мотыжения и два осенних месяца — сентябрь и октябрь — период сбора урожая.

Эти данные со всей очевидностью показывают, что на полный комплекс обработки посевной площади под хлопчатником только в 1 десятину нужно было затратить 148 поденщин. В. И. Юферев, оперируя средними цифрами, делает вывод, что среднее хлопковое хозяйство в 0,9 десятины при 1,5 взрослых рабочих, при 39 поденщиках в

[1] Государственный исторический музей, № 84155. Тетрадь рассказов крестьян, 1953 г., рассказ № 24.

[2] *В. И. Юферев.* Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана, СПб, 1914, стр. 4.

месяц может обработать свой участок без дополнительного привлечения рабочей силы со стороны при условии, если в хозяйстве сеять исключительно хлопчатник. В заключение своих расчетов, основанных на «средних» данных «средних» хозяйств, автор приходит к безутешному выводу: «Таким образом, строить выводы в отношении спроса и предложения рабочих рук, исходя из размеров среднего хозяйства, хотя бы даже и типичного для данной местности, не представляется возможным»[1].

Ответы на вопрос об использовании рабочих рук в хозяйствах Узбекистана мы находим в материалах ревизии Палена.

Согласно этим материалам, на 1 хозяйство требовалось в долинных местностях 1,56 рабочих, в то время как хозяйств без работника было 4,22%, с одним работником —55,50, с двумя —26,16, с тремя —14,12%.

Однако в социальном отношении обеспечение рабочей силой выглядело иначе: в безземельных хозяйствах на одно хозяйство приходилось 1,1 рабочих; в хозяйствах «с наделом» —1,3 рабочих, в мелких крестьянских хозяйствах — от 1,34 до 1,54 рабочих; обеспечение рабочей силой представляло следующую картину: «безземельные», не имевшие работника, составляли 12,50%, имевшие одного работника —68,75, имевшие двух работников — 17,57, трех работников — 4,14%, то есть основную массу этих хозяйств составляли хозяйства с одним работником. В хозяйствах крестьян «с наделом» (землевладением до 0,5 дес.) наибольший удельный вес занимали хозяйства с одним работником —65,81% и 19,20% —хозяйства с двумя работниками. В мелкокрестьянских хозяйствах — 58,51% —64,70% с одним работником, от 20,99% до 25,55% — с двумя работниками.

Что касается средних крестьян, то здесь процент хозяйств с одним работником, хотя и ниже предыдущего социального слоя, но все же достаточно высок —49,15% — 52,70%, то есть половина всех хозяйств. Здесь уже довольно высок процент хозяйств с двумя работниками — 30,10%, а с тремя работниками —18,39%.

В группах эксплуататорских хозяйств (землевладения за пределами 5 дес.) сокращается процент хозяйств с одним работником —36,83% —33,97%, увеличиваются

[1] *В. И. Юферев,* указ. работа, стр. 20.



хозяйства с двумя работниками — 34,60% —34,93%, а также значительно число хозяйств с тремя работниками — 27,01% —28,71%.

Эти данные позволяют сделать следующие выводы: сокращение удельного веса хозяйств с одним работником по мере роста обеспеченности хозяйств; рост количества хозяйств с двумя работниками по мере роста обеспеченности хозяйств; то же и в хозяйствах с тремя работниками; наибольший удельный вес среди хозяйств всех социальных слоев занимают хозяйства с одним работником: у «безземельных»— 68,75%, у хозяйств «с наделом» —65,81, у мелких —55,65, у средних —49,15 и только у эксплуататорских хозяйств — 33—36%.

В материалах ревизии сенатора Палена имеются данные, которые более точно[1] определяют количество культурной земли, приходящейся на одного землевладельца. Так, в категории хозяйств «с наделом» на одного землевладельца приходилось 0,23 десятины; в мелких крестьянских хозяйствах — от 0,61 до 0,97 десятины, или в среднем 0,79 десятины, в середняцких хозяйствах —2,02 десятины. В хозяйствах эксплуататорского типа — от 3,07 до 5,76 десятины[2].

Итак, с одной стороны, наиболее типичным являлось хозяйство с одним работником, а с другой — количество культурной орошенной площади, приходящейся на «бедноту» равно менее, чем одной десятины. Ниже мы увидим, что такое положение определяло характер аграрных отношений между отдельными слоями крестьянства.

Естественно, что найденная в результате произведенных расчетов типичная единица, характеризующая возможности использования рабочей силы в собственном крестьянском хозяйстве, показывает, что для большинства хозяйств проблема обеспечения рабочей силой являлась наиболее жизненной проблемой. «Стоит только,— писал А. П. Демидов,— заболеть одному из работников, или постигнет, скажем, несчастье семью, или, дав обещание, дехкан засеял некоторый излишек земли хлопком, вот поводы и причины, вызывающие примене-

[1] Учитывались не только те хозяйства, в которых работники заняты у себя дома, но и те, которые нанимались на земледельческие работы в чужих хозяйствах.

[2] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, 41, отдел 1, СПб, 1911, стр. 154.

ние наемной рабочей силы в тех случаях, когда казалось бы, дехкан и его семья могли обойтись собственными силами»[1].

С другой стороны, мы наблюдаем явное несоответствие между размерами землевладений и обеспеченностью их рабочими руками. Это несоответствие начинает уже сказываться в мелких крестьянских хозяйствах, усиливается в середняцких, а в эксплуататорских достигает своей высшей точки.

Где же и как использовалась избыточная рабочая сила, где и как черпали рабочую силу хозяйства, ощущающие в ней потребность? Для ответа на эти вопросы рассмотрим следующие данные (табл. 5).

Таблица 5 наглядно показывает, прежде всего, высокий процент хозяйств, занятых промыслами, сюда входит почти вся категория «безземельных», 75,25% хозяйств «с наделом», более половины хозяйств землевладением от 0,51 до 1 десятины (54,05%), 30,05% хозяйств, владеющих от 1 до 2 десятин, что по категории мелких хозяйств составляет 42,05%. Соответственный удельный вес работников, занятых промыслами. Характерно, что чем менее обеспечено хозяйство землей, чем больше занимающихся промыслами, тем больше работников, отрывающихся от своего хозяйства и занимающихся дополнительным трудом для пропитания семьи.

Другая часть таблицы, показывающая характер использования рабочей силы вне своего хозяйства, дает яркий и недвусмысленный ответ на вопрос об основном занятии работников. До $^2/_3$ всей отвлекаемой от своего хозяйства рабочей силы занято в земледелии, а $^1/_3$ приходится на арбакешей, занятия ремеслами, торговлей, службой и «прочими промыслами».

Теперь весьма важно установить степень или форму отвлечения этой рабочей силы за пределами своего хозяйства. Эти данные можно извлечь из суммирования части работников, не занятых никакими промыслами, то есть остающихся всецело у своего домашнего хозяйства и тех, кто зарегистрирован как занимающийся земледелием вне своего хозяйства.

Эти данные показывают, что из 100 трудоспособных мужчин 69,08% заняты исключительно в своем хозяйст-

[1] *А. П. Демидов,* указ. работа, стр. 56.



Таблица 5

| Группы по размеру землевладения | Процент хозяйств с промыслами | Процент работников, занятых промыслами | Из 100 лиц, имеющих заработок вне своего хозяйства, заняты | | | | | | Процент работников, занятых земледелием, | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | земледелием | извозом | ремеслом | торговлей | службой | прочими промыслами | только в своем хозяйстве | кроме того, открывают | всего в земледелии |
| Безземельные | 91,67 | 98,11 | 61,55 | 9,62 | 3,84 | 5,77 | 3,84 | 15,38 | 1,89 | 60,38 | 62,27 |
| Имеющие до 0,5 дес. | 75,25 | 72,24 | 69,75 | 5,34 | 9,85 | 5,46 | 4,86 | 4,74 | 27,76 | 50,39 | 78,15 |
| от 0,51 до 1 дес. | 54,05 | 57,07 | 68,51 | 2,79 | 10,03 | 8,08 | 6,13 | 4,46 | 42,93 | 29,25 | 72,18 |
| от 1,01 до 2 дес. | 30,05 | 40,02 | 64,13 | 9,73 | 7,90 | 6,08 | 6,38 | 5,78 | 59,98 | 16,71 | 76,69 |
| от 2,01 до 3 дес. | 34,09 | 33,04 | 70,00 | 7,37 | 4,74 | 9,47 | 7,89 | 0,53 | 66,96 | 14,55 | 81,51 |
| от 3 дес. до 5 дес. | 25,34 | 26,36 | 67,09 | 3,86 | 5,81 | 10,97 | 6,45 | 5,81 | 73,64 | 10,10 | 83,74 |
| от 5,01 до 10 дес. | 28,79 | 16,29 | 60,27 | 2,74 | 4,11 | 10,96 | 20,55 | 1,37 | 83,71 | 5,10 | 88,81 |
| более 10 дес. | 37,32 | 15,31 | 21,86 | 3,13 | 3,13 | 37,50 | 34,38 | — | 84,69 | 1,58 | 86,27 |

ве и только 20,76% отрываются от своего хозяйства. В трудовых, малоземельных хозяйствах, как правило, вместе с работой на своем клочке земли вынуждены были наниматься к соседям в многоземельные хозяйства в целях дополнительного заработка для обеспечения собственного существования и своей семьи.

Итак, основная масса хозяйств, не обеспечивающих себя и свою семью, в поисках дополнительного заработка нанималась в более обеспеченные земледельческие хозяйства, нуждавшиеся в привлечении дополнительной рабочей силы.

В этом свете неудовлетворительны утверждения отдельных историков о том, что в 1907 году в Ферганской области якобы находились 150 тыс. рабочих (а в 1910 г.— —200 тыс.), представлявших собой сельскохозяйственный пролетариат. Делается ссылка на работу Илиаса Алкина «Средняя Азия». Но последний, в свою очередь, взял их из книги С. Понятовского «Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области», где, действительно, на стр. 141 приводятся эти цифры.

Для установления действительного положения вещей остановимся на содержании этой работы. В ее начале С. Понятовский отмечает применительно к Туркестану, что чем ценнее культуры, «тем полнее они должны быть использованы» и определяет конкретно причины, «... находящиеся вне зависимости от земледельца и мешающие развитию хлопководства», среди которых пункт об отсутствии на рынке рабочих рук или недостаточное их предложение стоит по счету третьим из шести. С. Понятовский делает следующий вывод:

«Принимая во внимание, что туземное сельское население Ферганы выражается почти в 1800 тыс. душ и что в каждой семье в среднем около четырех душ, т. к. число дворов — почти 400 тыс., будет ясно, что в Фергане десятина хлопчатника не приходится на состав семьи, принятой нами за нормальный, или что то же, большое количество рук должно остаться свободными»[1].

Таким образом, исходные данные автора построены, во-первых, на средних данных, не учитывающих совершенно социальные слои Ферганского кишлака, во-вторых, эти данные выведены на основе положения о том, что на семью не приходится и одной десятины хлопчатника. Определение размера избыточной рабочей силы С. Понятовский объясняет еще и тем, что «около 30% ее коренного населения является к данному моменту безземельными». В заключение автор откровенно признается: «Однако наши расчеты имеют значение только относительное», то есть дает понять, что речь идет не о конкретной наличности рабочей силы, а о потенциальной рабочей силе, которую необходимо было бы привлечь к к занятию хлопководством из того же потенциального расчета — одна десятина на одного взрослого работника.

Не в примечании, которое следует после подобных рассуждений, написано буквально следующее: «Ныне рабочих в Фергане уже не хватает, т. к. там площадь под хлопчатником действительно превышает 300 тыс. дес.» Таким образом, автор опровергает собственное утверждение об избыточности рабочей силы. Очевидно, это общие рассуждения для обоснования тезиса о привлечении рабочих рук «из других частей империи» и применении «на вновь создаваемых плантациях тяги тракторов, которая заменила бы собой живую силу человека».

В результате, автор после утверждения о наличии избыточной рабочей силы для использования в хлопководстве, вдруг пришел к выводу о недостатке рабочей силы и необходимости применения тракторов для замены «живой силы» человека. Можно ли придумать более противоречивое и совершенно не соответствующее фактическому положению вещей рассуждение? Тем более непонятно принятие некоторыми учеными такого, с позволения сказать, «научного» рассуждения, для объяснения коренных вопросов социально-экономического развития Туркестана вообще и аграрных отношений в частности.

В условиях, когда наша историческая наука делает громадные усилия для ликвидации той путаницы, которая была внесена в литературу об аграрных отношениях на различных этапах ее развития, оперировать данными, прошедшими через вторые и третьи руки, значит не двигать нашу науку вперед, а заставлять топтаться ее на месте.

Остается только добавить, что в материалах ревизии графа Палена мы нигде не находим такого количества

[1] *С. Понятовский,* указ. работа, стр. 140.

наемной рабочей силы, которая подчас квалифицируется как сельскохозяйственный избыточный пролетариат. Конечно, ревизия при своей тщательности и систематическом характере не могла пройти мимо такого значительного резерва хлопководства.

Для полноты нашего анализа об использовании рабочей силы в дехканских хозяйствах необходимо рассмотреть ее конкретные формы и ответить на вопрос о типичных формах эксплуатации, имевших место в Туркестане. Отчасти эти данные приводятся в таблице 6.

Данные таблицы 6 показывают, что от половины до четверти трудовых хозяйств отрабатывали землю собственными силами и средствами. Так, без посторонней помощи обрабатывали землю 50,37% хозяйств «с наделом», 32,16% мелких крестьянских хозяйств, 28,32% середняцких хозяйств и только 5,84% хозяйств эксплуататорского типа.

Применение труда мардикеров обратно пропорционально обеспеченности хозяйств. Так, только 3,55% хозяйств «с наделом» использовали труд мардикеров, в то время как процент хозяйств эксплуататорского типа (в частности землевладением от 5 до 10 дес.) повышается до 25,63%, то есть более четверти хозяйств использовали труд мардикеров. Однако уже в хозяйствах размером более 10 десятин (VIII группа) наблюдается падение до 16,34%. Чем это объяснялось? Ответ на этот вопрос мы находим в следующей графе рассматриваемой таблицы. Эта графа дает представление о хозяйствах, в которых земля обрабатывалась с помощью чайрикеров. В хозяйствах бедноты удельный вес использования этого труда колебался от 0,75% до 2,64%, но применение труда чайрикеров резко возрастает, начиная с середняцкой группы (VI группа). В группах эксплуататорских хозяйств применение труда чайрикеров составляло: в VII—12,24%, а в VIII—26,46%.

Следующий вид наемного труда — шерикеры. В хозяйствах бедноты шерикерство почти не развито, оно составляет всего от 0,56% до 4,66%. Самого высокого развития эта форма обработки земли достигает в хозяйствах V группы, затем идет спад.

Если в бедняцких хозяйствах совершенно ничтожен процент использования мардикеров, чайрикеров и шерикеров, то какой вид обработки является наиболее харак-



Таблица 6

| Группы по размерам землевладения (дес.) | Процент хозяйств, в которых земля обрабатывается силами хозяев | | | | | | | | Без участия хозяев | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | без посторонней помощи | с помощью | | | | | | | | | |
| | | мардикеров | чайрикеров | шерикеров | супряг | поможи | наемных скотом | разных смешанных способов | шерикам | чайрикерам | мардикерам |
| I. | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| II. До 0,5 | 50,37 | 3,55 | 0,75 | 0,56 | 6,34 | 0,56 | 28,36 | 2,05 | 2,24 | 4,10 | 1,12 |
| III. 0,51—1,0 | 34,73 | 14,45 | 1,34 | 2,18 | 10,59 | 1,18 | 25,04 | 3,70 | 2,86 | 2,69 | 1,18 |
| IV. 1,01—2,0 | 29,60 | 13,85 | 2,64 | 4,66 | 15,49 | 0,88 | 22,17 | 1,76 | 3,53 | 4,89 | 0,63 |
| V. 2,01—3,0 | 30,07 | 18,86 | 2,49 | 18,86 | 8,19 | 0,53 | 12,46 | 0,89 | 2,31 | 4,81 | 0,53 |
| VI. 3,01—5,0 | 28,32 | 15,73 | 10,49 | 16,26 | 4,20 | 1,05 | 11,54 | 1,57 | 2,80 | 7,87 | 0,17 |
| VII. 5,0—10,0 | 26,53 | 25,63 | 12,24 | 14,51 | 2,04 | — | 2,49 | 1,36 | 3,63 | 11,11 | 0,46 |
| VIII. Более 10 | 5,84 | 16,34 | 26,46 | 9,34 | — | — | 11,67 | 21,01 | 2,33 | 6,23 | 0,78 |

терным для этой группы хозяйств? Ответ мы получаем из следующей графы таблицы.

Обработка земли с помощью супряги[1]. Рост этой формы обработки земли начинается с хозяйств «с наделом» и достигает максимума в мелкокрестьянских хозяйствах — 13,4% и резко сокращается в хозяйствах середняцких и эксплуататорских (8,19%; 4,20%; 2,04%).

Однако окончательный ответ на этот вопрос дает графа «наем скота». В хозяйствах «с наделом» процент хозяйств, где земля обрабатывалась с помощью наемного скота, составлял 28,36%, в мелкокрестьянских хозяйствах — 23,6%. Это самый высокий процент по сравнению со всеми остальными способами обработки земли. Таким образом, для бедноты является характерным, прежде всего, наем рабочего скота и супряга, которые в хозяйствах «с наделом» составляют вместе 34,70%, то есть более $^1/_3$.

В хозяйствах мелких крестьян это соотношение аналогично. Случайно ли это? Отнюдь нет. Дело в том, что малоземельные хозяйства («с наделом» и «мелкокрестьянское хозяйство») не обеспечивали пропитание семьи доходами от своего хозяйства и не располагали нормой рабочего скота, необходимого для обработки земли.

Весьма важно установить тип хозяйственных отношений, который характеризовал положение не отдельных категорий крестьянства, а совокупность хозяйств. Для этого необходимо четкое определение чайрикерства, мардикерства, шерикства и проч.

Прежде чем дать определение чайрикерства, необходимо обратить внимание на существенные черты договора об обработке земли из доли урожая.

«Музориат», так называется в шариате отдел, посвященный этому правовому институту,— читаем мы в материалах ревизии Палена,— в отличие от иджората или аренды земли заключается в том, что одна сторона дает капитал: землю и семена или землю, скот и семена, а другая свой труд, или труд и рабочий скот; результаты же урожая делятся по договору пополам или на других условиях. Лица, получающие для обработки землю, называются чайрикерами каранда, кошчи»[2].

[1] Супряга — элементарная форма совместной работы деревенской бедноты, при которой несколько крестьянских дворов объединяли рабочий скот и другие средства.

[2] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, 1, отдел 1, СПб, 1911, стр. 237.



В «Хидоя» в главе о музарабате (соучастии в доходах) указывается, что многие люди, владея имуществом, не могут употреблять его с пользой, а другие, будучи способными организовать дело, не имеют имущества. Поэтому между ними возникает договор — музарабат, когда владелец передает свое имущество в пользование работника, который пускает его в дело.

Материалами ревизии Палена чайрикерство определялось так:

«Обыкновенно чайрикерами являются лица или не имеющие своей земли или малоземельные, которые за неимением скота и отсутствия средств на наем последнего, предлагают свой труд зажиточным землевладельцам. Однако, бывают случаи, что чайрикеры имеют свой скот, но не имеют земли. Наличность или отсутствие скота у чайрикера изменяет условия дележа урожая. Чайрикерство является несколько своеобразным договором между трудом и капиталом, причем чайрикер ведет хозяйство самостоятельно, как бы свое, а не чужое.

Землевладелец дает землю, семена и весь инвентарь, а чайрикер — свой личный труд по обработке земли и уходу за растениями. Понятно, что изменение одной части в этих условиях, т. е. ведение чайрикером своего скота должно отразиться и на результатах дележа урожая».

Условия чайрикерства были весьма различны и доля урожая, принадлежавшая чайрикеру, колебалась в пределах от $^1/_8$ до $^2/_3$ урожая. Вот некоторые примеры. В Гуляндозской волости доля чайрикера при хозяйском скоте (рабочем) составляла $^1/_8$ урожая, в Ниазбекской — $^1/_4$, в Узбекской — $^1/_6$, в Алтынкульской — $^1/_5$. Однако и эта доля не поступала полностью чайрикеру, т. к. часто последний уплачивал часть податей или других сборов. Так, в Ниазбекской волости, чайрикеры, получая $^1/_4$ доли урожая, платили и четверть расходов по найму рабочих. В Киргиз-Курганской волости из $^1/_2$ доли урожая, чайрикеры несли расходы по вознаграждению мирабов.

Чайрикерство трактовалось в исторической литературе до 30-х годов весьма расширительно. К чайрикерам причисляли всех, кто арендовал землю на издольных началах. Если, к примеру, земля арендовалась у крупного землевладельца более мелкими, которые в свою очередь сдавали землю на издольных началах безземельным и малоземельным, то эта категория трактовалась как чай-

рикеры или субчайрикеры, в то время как они по существу относились к эксплуататорскому слою. Из приведенных исходных данных явствует, что чайрикерство, как издольные отношения, заключалось в использовании трудовыми крестьянами рабочего скота, инвентаря, семян владельца земли. Чайрикеры вкладывали свой труд на условиях распределения урожая из определенной договорной части или доли.

Издольщина, как мы имели возможность убедиться, была наиболее распространенной формой эксплуатации дехканства. Условия издольной аренды менялись в зависимости от количества и качества земли, состояния оросительной системы, развития основной товарной культуры — хлопка, от близости к рынку сбыта, от состояния хозяйства самого арендатора, от степени зависимости последнего — задолженности и т. д. и т. п. Однако при всем разнообразии есть общие черты, определяющие эту форму эксплуатации: крестьяне-издольщики, как правило, имели только небольшие земельные участки в несколько танапов и за пользование землей должны были часть урожая отдавать баю в натуральной форме.

Важнейшим условием при заключении договора с чайрикером было определение той части урожая, которую издольщик мог получить за обработку байской земли. Колебания здесь почти не поддаются учету. По рассказу бывшего дехканина кишлака Пап Мамадали Ирматова, за землю, взятую его семьей у бая, надо было отдавать $^2/_3$ урожая. Издольщики бая Гуях Мингбаши отдавали ему $^4/_5$ урожая. Один из издольщиков бая Сонали Ходжи отдавал $^4/_5$ урожая зерна, $^2/_3$ хлопка и весь клевер.

Сокращение доли участия в разделе урожая являлось основной причиной хозяйственной неустойчивости дехканского хозяйства. В Самаркандском уезде чайрикеры получали иногда и $^1/_9$ и $^1/_{12}$ доли урожая. Дехканин кишлака Пап Исабай Хасимов рассказывает, что если снимали 400 пудов хлопка, оставляли себе 50—60 пудов, а остальное сдавали баю.

Устный договор давал все преимущества только одной стороне — земельному собственнику, так как только от бая зависело выполнение или нарушение договорных условий: «Своей земли,— рассказывает Рахим



Каримов из кишлака Кали-Баланд Уратюбинского района,— отец не имел. Землю, 4 танапа брал у бая Махмат-Рахима. Баю за землю платили половину урожая. Хотя он и давал для посева зерно, но зато после уборки урожая оставлял нам лишь столько, чтобы не умереть с голоду. Бай брал себе столько, сколько хотел. Отец не спорил с баем, а боялся его».

Обращает на себя внимание форма закрепления или форма «удержания» крестьянина при почти совершенном отсутствии крепостнической системы. Вот некоторые факты: «У чайрикеров хлеба не хватало, были случаи, когда чайрикер после снятия урожая, расплатившись с баем, оставался без хлеба. Такой чайрикер снова брал хлеб у бая в долг и никогда не мог с ним расплатиться и уйти от него. Если же такой задолжавшийся чайрикер пытался скрыться, его находили и возвращали на родину; если же ему удавалось уйти, то члены его семьи вынуждены были отработать долг ушедшего».

Отдельные исследователи на основе использования наличного капитала в байских хозяйствах преимущественно в сфере обращения, когда «зажиточная верхушка туркестанской деревни находила более выгодным помещать свои деньги в ссуды, а землю сдать издольщикам, чем организовать хозяйство на предпринимательских началах», приходят, на наш взгляд, к неверному выводу. «Издольщина,— пишет С. Л. Выгодский,— столь широко развитая в хлопковых районах Туркестанского края, представляла собой, по существу, лишь замаскированную форму найма рабочей силы. Перед нами, по существу сельская буржуазия, с одной стороны, и сельскохозяйственный пролетариат — с другой. Перед нами — если угодно, уродливая форма капиталистического способа производства»[1]. Как видно, автор ставит знак равенства между издольными отношениями, как феодальным типом аграрных отношений, и капиталистическими производственными отношениями, якобы имевшими здесь место. Надо отметить, что автор этот вывод делает после тщательного анализа кредитно-денежных отношений, позволившего ему сказать, что ... «эта группа (баев и зажиточных хозяйств — *А. Ю.*) кроме денежного капитала концентрировала в своих руках

[1] «На аграрном фронте», М., 1929 г., №№ 11—12.

большую часть земель, а в хлопковом районе Туркестанского края орошенная земля представляла собой самый важный элемент сельскохозяйственного производства»[1].

Таким образом, главным аргументом для такого вывода явилось вложение средств в сферу обращения, а не производства и то, что баи имели в своих руках не только капиталы в денежной форме, но и земли. Однако одно владение земельной собственностью не дает никаких оснований для определения характера производства и производственных отношений. Известно, что характер той или иной формации, тех или иных общественно-экономических отношений определяется не тем, что производится, а тем, как производится. Еще К. Маркс отмечал: «Как далеко заходит... разложение старого производства, как это имело место в современной Европе, и становится ли на его место капиталистический способ производства,— зависит всецело от исторической ступени развития и от данных обстоятельств»[2]. Мы видели, на основе произведенного нами анализа аграрных отношений, что господствующей формой производственных отношений в колониальный период развития Туркестана были феодальные отношения, со всеми вытекающими из него социально-экономическими последствиями и политическими институтами. Издольщина при этом не составляла исключения, хотя и являлась несколько измененной, гипертрофированной, имела в своей основе феодальные отношения позднего периода. В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «Следовательно, в применении к России следует разрешить вопрос: связывается ли у нас торговый и ростовщический капитал с промышленным, ведет ли торговля и ростовщичество, разлагая старый способ производства, к замене его капиталистическим, или каким-либо иным. Это вопросы факта, вопросы, которые должны быть разрешены по отношению ко всем сторонам русского народного хозяйства. По отношению к крестьянскому земледелию выше рассмотренные данные содержат в себе ответ на этот вопрос, именно ответ утвердительный. В русской общинной деревне роль капитала не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, что капитал обращается также и на производство, это видно

[1] «На аграрном фронте», М., 1929 г., №№ 11—12.
[2] *К. Маркс.* «Капитал», т. 3, М., 1954, стр. 608.



из того, что зажиточное крестьянство вкладывает деньги не только в торговые заведения и предприятия.., но и в улучшение хозяйства, в покупку и аренду земли, в улучшение инвентаря, наем рабочих и т. д. Если бы капитал в нашей деревне бессилен был создавать что-либо кроме кабалы и ростовщичества, тогда бы не могли по данным о производстве констатировать разложение крестьянства, образование сельской буржуазии и сельского пролетариата,— тогда бы все крестьянство представляло из себя довольно ровный тип придавленных нуждою хозяев, среди которых выделялись бы исключительно размером денежного имущества, а не размером и постановкой земледельческого производства»[1].

В. И. Ленин указывает, что вкладывание капитала в «улучшение хозяйства, в покупку и аренду земли, в улучшение инвентаря, наем рабочих и т. д.» по существу — главное условие развития капитализма вообще. Далее В. И. Ленин особо подчеркивает, что «... самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне задерживает разложение крестьянства. Чем дальше пойдет развитие торговли, сближая деревню с городом, вытесняя примитивные сельские базары и подрывая монопольное положение деревенского лавочника, чем более будут развиваться европейские правильные формы кредита, вытесняя деревенского ростовщика,— тем дальше и глубже должно пойти разложение крестьянства. Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ростовщичества, обратится в более широких размерах на производстве, на которое он начинает обращаться уже теперь»[2].

По существу С. Л. Выгодский проводит аналогию между процессами, происходившими в недрах русской деревни и в узбекском кишлаке, в то время, как ленинское определение тенденции развития капитализма в сельском хозяйстве, присущее России, противоположно тому, что имело место в колониальном Туркестане. «Но что, собственно, представляла собой эта группа зажиточных крестьян с точки зрения классовой ее сущности, какова ее социальная физиономия?»— спрашивает Вы-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 177—178.
[2] Там же, стр. 178—179.

годский,— и отвечает: «Было бы, конечно, в высшей степени ошибочным считать, что перед нами группа ростовщиков, которая выделялась лишь размерами денежного имущества, но которая не имеет прямого отношения к земледельческому производству», Далее, автор указывает, что распоряжение зажиточной частью населения наиболее плодородными земельными участками, представлявшими самый важный элемент сельскохозяйственного производства, якобы, привело к образованию «по существу сельской буржуазии и сельскохозяйственного пролетариата» к установлению «уродливой формы капиталистического способа производства».

Произведенный анализ аграрных отношений и института издольщины, как распространенного типа земельных и имущественных отношений, показывает, что они имели в корне феодальные производственные отношения, между тем как С. Л. Выгодский в своей основе предполагает господство в сельском хозяйстве капиталистических отношений. «Весь вопрос сводится к следующему: почему в Туркестанском крае капитализм развивался именно в этой уродливой, а не в чистой форме, почему концентрация земли и денежного капитала не привела к концентрации сельскохозяйственного производства, почему капиталы не направлялись в сельскохозяйственное производство в той степени, в какой это позволяли и размеры земли, и наличие средств. Только в этом смысле мы говорим о ростовщичестве (кредите) как факторе, тормозившем развитие капитализма)». Таким образом, по С. Л. Выгодскому, развитие капитализма в сельском хозяйстве Туркестана при наличии господства капиталистического способа производства являлось бесспорным фактом. Автор прямо указывает, что «... лишь громадное развитие ростовщичества, которое имело место в туркестанской деревне, препятствовало развитию в сельском хозяйстве капиталистических отношений в чистом виде». Хотя термины «чистый» или «уродливый» сами по себе не выражают существа вопроса, а только отражают отдельные оттенки капитализма, автор рассматривает ростовщичество не как продукт развития существующих феодальных социально-экономических отношений, а как остаток феодального способа производства, тормозившего развитие капиталистических отношений.



В Туркестане же было иное. Несмотря на втягивание края в орбиту капиталистических отношений метрополии, сельское хозяйство оставалось в своей основе феодальным, хотя имели место такие важные процессы, как рост товарности производства, значительное развитие хлопководства и т. д. В. И. Ленин указывал, что торговый и ростовщический капитал не всегда разлагают старые способы производства и ставят на их место капиталистический способ, что самостоятельное развитие торгового капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства: чем сильнее развит торговый и ростовщический капитал, тем слабее промышленный капитал. Уместно при этом напомнить и важное указание К. Маркса о том, что «при азиатских формах ростовщичество может долго существовать, не вызывая ничего, кроме экономического упадка и политического разврата, но не производя реального разложения»[1]. В работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», написанной в 1917 году, В. И. Ленин, подытоживая важнейшие изменения, которые произошли в земледелии, писал: «Главная линия развития капиталистического земледелия состоит именно в том, что мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрений, по развитию применения машин и т. п. Когда говорят о мелком земледелии, всегда имеют в виду такое, которое держится на наемном труде. Но переход эксплуатации наемных рабочих обусловливается не только расширением площади хозяйства при старой технической основе его,— так бывает только при экстенсивном, примитивном хозяйстве,— но и повышением данной техники, превращением ее из старой в новую, приложением к той же площади земли добавочного капитала, в виде, например, новых машин, или искусственных удобрений, или увеличения и улучшения скота»[2].

Приведенные выше данные являются свидетельством не только и не столько ростовщической кабалы и задолженности крестьянства в результате сверхмаксимальных

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. 3, М., 1954, стр. 382.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 192.

процентов по предоставляемым кредитам, сколько более глубокой формой взаимных отношений, уходящих своими корнями в столетия, предшествовавшие тем явлениям, которые имели место в начале XX в. Речь идет об издольщине — чайрикерстве, как системе, определяющей развитие аграрных отношений, о той функции, которые она выполняла в социально-экономических отношениях колониального Туркестана. Раскрытию этого процесса необходимо предпослать следующие предварительные замечания.

Система искусственного орошения значительно ограничивала возможности развития земледелия. Почти во всех странах Востока, несмотря на громадные территории, население располагалось на узкой полосе, примыкающей к источнику орошения и, по существу, жизнь была только там, куда доходила вода. Это создавало своеобразные отношения между земледельцами и собственниками земельных угодий, значительно отличавшихся от аналогичных форм, свойственных Западной Европе и основным районам Центральной России. В Туркестане издольщина оказалась, с одной стороны, средством, регламентирующим распределение произведенного продукта между собственником, а с другой — формой закрепощения дехканина. Таким образом, издольщина, как наиболее распространенный институт эксплуатации крестьянства, превращала дехканина в раба земли, в то же самое время экономическая зависимость его от бая, связанная десятками прочных нитей, ставила дехканина в положение, при котором он бесконечное количество лет отрабатывал свои долги.

В Западной Европе или в России, где ведение хозяйства не было связано с искусственным орошением, где были в наличии большие массивы еще невозделанных земель, для феодалов, помещиков закрепощение крестьян законодательным актом было явлением обязательным, так как для работы на крупных земельных массивах была необходима гарантированная рабочая сила, посаженная и закрепленная государством, защищающим интересы крупного землевладения. Такой необходимости не было в деспотических государствах Востока.

В условиях Туркестана освоение новых площадей было связано с колоссальными трудностями, громадными капитальными вложениями, организацией ирригационных работ огромных масштабов, связанных с вовлечением большой массы рабочих рук, что было невозможно без самого активного участия феодального государства, без «благословления» духовенства, и освоенные таким образом дополнительные площади оставались в полном распоряжении феодалов, хана и его приближенных. Так что расширение земельной площади в Средней Азии мало изменяло положение дехканина.



Этим, по-видимому, и объясняется живучесть парцеллярного дехканского хозяйства в течение многих веков при сохранении материально-технической базы сельскохозяйственного производства и масштабов земельной площади, обработка которой могла быть сравнима лишь с ювелирным искусством.

Под воздействием капиталистической России был нанесен смертельный удар по устоявшимся веками формам и методам эксплуатации, и народное хозяйство медленно, но неуклонно стало перестраиваться на путь, угодный и выгодный царизму и русской буржуазии.

Следующей формой имущественных отношений являлось шерикетство, или товарищество. «Хидая» подчеркивает существенное различие между музарабатом и шерикетом, заключающееся в том, что последний представляет не отношения между имуществом и трудом, а соединение обеих сторон не через имущество, а через соединение труда в процессе совместной обработки имущества, то есть кооперацию труда на основе совместного использования имущества.

Третьей формой имущественных отношений являлась аренда, о которой в «Хидая» говорится, что она представляет собой право пользования имуществом за определенную, заранее договоренную оплату. Аренда земли в условиях колониального Туркестана являлась слабо распространенной формой имущественных отношений. Не было также распространено в широких масштабах и шерикетство, ввиду скудости хозяйства малоземельных дехкан, имеющих ничтожные клочки земли. Очень часто под ширмой «шерикетства» скрывались отношения хозяина земли, к которому нанимался бедный дехканин на условиях «товарищества», напоминавшие отношения между волком и ягненком.

В Туркестане был распространен институт мардикерства, который часто выступал наряду с рассмотренными выше имущественными отношениями.

«Мардикерами,— читаем мы в материалах ревизии Палена,— называются наемные рабочие, преимущественно подденные. Также рабочие нанимаются на время экстренных сельскохозяйственных работ, требующих исполнения в короткое время. Главным образом, наемные поденщики нужны при культуре хлопка во время окучки его, прореживания всходов и полки сорных трав, а также и во время работ на других ценных культурах»[1].

Мардикеры делились на три группы — первая собственно наемные рабочие, которую можно причислить к сельскохозяйственному пролетариату; вторая — батраки с наделом в кишлаках — переходный слой, который можно причислить к полупролетариату; третья — лица, случайно ставшие мардикерами.

Наиболее типичной была вторая группа — мардикеры-батраки с наделом, наибольшая по численности, по удельному весу среди остальных групп мардикеров, что вытекало из характера аграрных отношений Узбекиста на, из структуры землевладения и землепользования.

Следовательно, наиболее распространенной формой имущественных отношений являлась издольщина, получившая определение чайрикерства. Характерная особенность развития имущественных отношений заключалась в том, что чайрикерство приняло всеобщее распространение, накладывая свой отпечаток на все без исключения стороны имущественных отношений, без учета которого нельзя определить эволюцию дехканского хозяйства в частности, эволюцию аграрных отношений, в особенности.

В жизни каждого дехканского хозяйства большое значение имело наличие рабочего скота, необходимого для обработки земли, для выполнения прочих сельскохозяйственных работ. Основной тягловой силой в земледелии являлись лошади и волы, дополнительной — ослы и верблюды. В расчете на 100 лошадей и волов в хозяйствах «с наделом» приходилось 87,33% лошадей и 12,67% волов. В мелких крестьянских хозяйствах удель-

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, т. 1, отдел 1, СПб, 1911, стр. 236.



ный вес лошадей составлял 64,84%, в том числе в группах от 0,51 до 1,0 дес.—69,02%, в группах от 1,01 дес. до 2 дес.—56,89%. Волов в этой категории хозяйств — 35,16%. В середняцких хозяйствах лошадей — 52,14% и волов — 47,86%. В эксплуататорских группах — от 40,10%—44,54% лошадей и 55,46%—59,90% волов. Эти данные свидетельствуют о повсеместном и широком использовании лошадей и волов. В хозяйствах «с наделом» соотношение основной тягловой силы в пользу использования лошадей (87,33%), в мелких крестьянских хозяйствах удельный вес лошадей составлял около $^2/_3$, а волов — около $^1/_3$. Данные, которые мы ниже рассмотрим, характеризуют количество основной тягловой силы, приходящейся на одно хозяйство. В хозяйствах «с наделом» приходится 0,29 лошадей и только 0,04% волов, итого 0,33, то есть основная тягловая сила составляет только треть единицы. В мелких хозяйствах удельный вес лошадей— 0,5, а волов — 0,31, а вместе — 0,81, то есть менее единицы обеих видов тягловой силы. Только в середняцких хозяйствах приходится —1,08 лошадей, и 0,99 волов, то есть вместе — несколько больше двух голов. В хозяйствах эксплуататорского типа (5—10 дес.) удельный вес лошадей —1,36, волов —1,69, вместе —3,05 голов, в хозяйствах землевладением более 10 десятин — лошадей— 1,93 голов, волов —2,88, вместе —4,81.

Как видно из приведенных данных, самая низкая обеспеченность в группе бедняцких хозяйств, которые имели в среднем немногим более 1 головы (1,14) на хозяйство, что говорит о бедственном положении этой группы дехкан, так как хозяйству требовалась, по крайней мере, пара волов. Это положение ставило перед земледельцем вопрос — или нанимать рабочий скот для обработки, или сдавать в аренду свой участок.

Хотя положение середняцкого слоя было лучше, чем бедноты, он едва мог составить пару, состоящую из лошади и вола, не имел возможности сделать пару из обеих видов тягловой силы или отдельно из каждой. Между тем земельная площадь в этих хозяйствах, подлежащая обработке, требовала значительно большего количества рабочего скота. Так, по сравнению с земельной площадью хозяйств «с наделом» земельная площадь у середняцких хозяйств была более чем в 15 раз выше и

в то время как обеспеченность рабочим скотом не соответствовала размеру землевладения.

Эту картину мы наблюдаем и в хозяйствах эксплуататорского типа. Так, в группе от 5 до 10 десятин всего 3 головы рабочего скота, что явно недостаточно. Даже эта группа не могла составить пару волов для обработки земли (удельный вес волов = 1,69), ни пару из лошадей (соответственно = 1,36). И только в крупных хозяйствах было возможно осуществить элементарные условия для обработки земли.

Данные со всей очевидностью подтверждают, что во всех земледельческих хозяйствах Туркестана ощущался недостаток рабочего скота — основной тягловой силы дехканского хозяйства.

Анализ обеспеченности отдельных социальных слоев узбекского кишлака раскрывает более глубокие стороны этого важнейшего процесса, характеризующие положение дехканства в рассматриваемый нами период. По данным ревизии Палена, процент хозяйств «с наделом», имеющих рабочий скот, не превышал 29,2%, то есть более $^2/_3$ вообще не имели рабочего скота. В мелких крестьянских хозяйствах процент хозяйств, имеющих рабочий скот, несколько выше — 57,20%, то есть 43,80% являлись бесскотными, причем в группе до 1 дес. хозяйств, не имеющих рабочего скота, было 45,6%. Таким образом, бедняцкие хозяйства от $^1/_2$ до $^2/_3$ были бесскотными.

Обеспечение дехканских хозяйств живой тягловой силой показано в табл. 7.

Из таблицы видно, что хозяйств «с наделом», имевших только лошадей — 90,5% и только 3,42% имели волов, то есть подавляющая часть этой категории имели в наличии только лошадь и совершенно ничтожный процент волов. Это и понятно, так как рабочий скот одновременно выполнял сельскохозяйственные работы и служил средством передвижения, столь необходимым в дехканских хозяйствах, которые были определенным образом втянуты в рыночные товарно-денежные отношения. Эти две функции могла выполнять лошадь, которая и получила широкое распространение в хозяйствах батрака «с наделом». В этих хозяйствах было распространено, в основном, использование рабочего скота в единственном числе (89,35%).



Таблица 7

**Обеспеченность дехканских хозяйств живой тягловой силой**
(в процентах)

| Группы землевладения | Процент хозяйств, имеющих | | | В том числе | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | только лошадей | только волов | тех и других | с 1 голов раб. скота | с 2 голов раб. скота | с 3 голов раб. скота | с 4 голов раб. скот | с 2 волами и более |
| I. Хозяйства «с наделом» | 90,50 | 3,42 | 6,08 | 89,35 | 7,61 | 1,90 | 1,14 | 2,66 |
| II. Мелкие крестьяне | 64,97 | 14,6 | 21,31 | 71,82 | 14,35 | 11,85 | 2,02 | 14,61 |
| III. Средние крестьяне | 40,27 | 7,56 | 51,17 | 32,50 | 24,39 | 30,63 | 12,48 | 42,16 |
| IV. Эксплуататорские слои[1] | 15,37 | 3,67 | 80,96 | 11,01 | 14,91 | 43,35 | 30,73 | 67,43 |
| | 6,69 | 0,48 | 92,34 | 3,84 | 3,37 | 31,25 | 61,54 | 72,59 |

[1] В числителе—хозяйства землевладением от 5 дес. до 10 дес., в знаменателе—более 10 дес.

В мелких крестьянских хозяйствах картина несколько иная. Процент хозяйств, имеющих только лошадей, падает до 64,97%. Однако, удельный вес хозяйств, имеющих только лошадь, довольно высок. Процент хозяйств, имеющих волов, достигает 14,6%. Хотя процент хозяйств, имеющих волов и лошадей, в данной категории выше, чем в первой, однако по отношению ко всему числу хозяйств составляет всего немногим более $^1/_5$. Таким образом, около 80% хозяйств не имели практической возможности наличной тягловой силой обеспечить пару волов или пару, состоящую из вола и лошади для обработки своей земельной площади. На долю хозяйств, имеющих в своем распоряжении двух и более волов, падает всего 14,61%, то есть только $^1/_7$ часть.

Это вынуждало почти 75% рабочего скота изыскивать за пределами своих хозяйств. Не надо особых доказательств, чтобы убедиться в том, что этот недостаток тягловой силы не только тяжелым бременем ложился на бедняцкие хозяйства, но и являлся экономической необходимостью втягивания последних в кругооборот отношений, обеспечивающих нормальное ведение сельскохозяйственного производства.

Весьма своеобразное положение сложилось в группе середняцких хозяйств. Здесь имеет место дальнейшее падение удельного веса хозяйств, имеющих только лошадей — до 40,27%. Это естественно, так как чем больше по землевладению хозяйств, тем больше площади, отведенной для сельскохозяйственных культур, тем больше тягловой силы требует данная категория хозяйств.

Так обстояло дело с категорией середняцких хозяйств, где сравнительно низкий удельный вес, имеющих только волов 7,56% (в два раза меньше, чем у мелких крестьян), в то время как хозяйств, имеющих лошадей и волов — 52,17%, что в 2,5 раза больше, чем в предыдущей категории хозяйств. Хотя процент обеспеченности скота в середняцкой группе выше, однако сам по себе этот процент — свидетельство слабой обеспеченности хозяйств тягловой силой. Об этом наглядно говорят данные о хозяйствах, имевших две и более голов скота. Это означает, что более половины хозяйств (57,84) не располагали даже парой волов для обработки участка, размер которого колебался от 3 до 5 десятин.

В хозяйствах эксплуататорского типа продолжалось падение удельного веса хозяйств, имеющих только лошадей (с 15,37% до 6,69%) и только волов (с 3,67 до 0,48%) и возрастает процент хозяйств, имеющих лошадей и волов вместе взятых (с 80,96% до 92,34%), однако даже в крупных хозяйствах процент не имеющих двух и более волов, колебался от 32,57% до 27,41%.

Итак, даже зажиточные и крупные по размерам землевладения хозяйства эксплуататорского типа были недостаточно обеспечены рабочим скотом, а имеющиеся могли обработать только часть земельного участка. Хозяйства высшей группы, как это ни странно, нанимали рабочий скот. Удельный вес указанных хозяйств, правда, невысок, в середняцких хозяйствах — 11,54%, в хозяйствах размером более 10 десятин — 11,67%. Однако сам факт недостатка рабочего скота вполне очевиден.

В чем же причина такого положения? Ответ на этот вопрос дает исследование Туркестанского экономического совета «Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области»[1].

[1] «Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г.», М., 1924. Ценность данных обследований заключается в том, что они представляют собой нечто вроде фотографирования хозяйственной деятельности, проведенной крупными специалистами, работавшими над разработкой указанных выше данных уже в советское время.



Группировка хозяйств хотя и не соответствует классификации, принятой ревизией Палена и трансформированной нами, но вполне приемлема. Авторами принята следующая группировка:

| | | | | |
|---|---|---|---|---|
| группа первая — | размер | землевладения | на I двор | 0,21 дес. |
| группа вторая — | « | « | « | 0,83 дес. |
| группа третья— | « | « | « | 1,5 дес. |
| группа четвертая— | « | « | « | 3,17 дес. |
| группа пятая— | « | « | « | 7,09 дес. |

Рассмотрим эти данные:

| Группы хозяйства | Стоимость рабочего скота в начале бюджетного года | Куплено скота на сумму | Прибыль от продажи скота | Всего |
|---|---|---|---|---|
| I | 135,0 руб. | 60,0 руб. | — | 195,0 руб. |
| % | 69,3% | 30,8 | — | 100 |
| II | 392,0 руб. | 181,0 руб. | 1,0 | 575,0 руб. |
| % | 68,3 | 31,5 | 2,0 | 100 |
| III | 350,5 руб. | 605,0 руб. | 10,0 | 965,5 руб. |
| % | 36,3 | 62,7 | 1,0 | 100 |
| IV | 750,5 руб. | 814,2 руб. | 12,5 | 1577,5 руб. |
| % | 47,6 | 51,6 | 0,8 | 100 |
| V | 1654,0 руб. | 848,0 руб. | 89,5 | 2591,5 руб. |
| % | 63,8 | 32,7 | 3,5 | 100 |

В начале бюджетного года, то есть к 1 ноября ст. ст., стоимость 68 голов рабочего скота, имевшегося в хозяйствах, равнялась 3282 руб. Было дополнительно прикуплено 42 головы рабочего скота на сумму 2508,2 руб. Закупленное количество скота к общему его числу составило 41,8%, а стоимость его к общей стоимости — 42,5%. Данные также показывают, что меньше всего скота (рабочего) закупали малоземельные и многоземельные хозяйства. Если первые закупали мало скота из-за отсутствия достаточного количества средств, то крупные хозяйства, обладающие значительными средствами, обработку полей производили силами чайрикеров, работавших на их землях со своим скотом.

Своеобразные экономические и естественно-географические условия Туркестана наложили свой отпечаток на условия содержания рабочего скота. Дело в том, что его круглогодичное содержание весьма невыгодно, а для слабообеспеченных, малоземельных дехкан просто разорительно. Поэтому скот, как правило, после окон-

чания полевых работ продавался и вновь покупался весной, с началом полевых работ.

По 45 хозяйствам удельный вес реализуемого на базаре рабочего скота составлял в первой группе — 20,5%, во второй — 52,6%, в третьей — 38,6%. «Зимний период времени — мертвый период, когда рабочий скот бывает использован очень мало. Между тем условия содержания и в особенности высокие цены на корма — люцерну, джугару и т. д.—заставляют многих дехкан Ферганы держать значительную часть скота лишь летом и по окончании полевых работ продавать его киргизам — скотоводам, покупая скот весной»[1].

По данным ревизии Палена, от 38% до 42% хозяйств в группах эксплуататорского типа обрабатывали землю при помощи чайрикеров и мардикеров, причем главную роль играли чайрикеры, обрабатывающие землю бая или ростовщика своим рабочим скотом. С. Выгодский, рассматривая роль кредита в обеспечении хозяйств рабочей силой, пришел к выводу, что «...причины столь большого процента хозяйств, прибегающих к найму рабочего скота, заключаются в том, что хозяйства данной группы (имеются в виду группы с размером земельной площади, превышающей 5 дес.—*А. Ю.*) не находили нужным вкладывать свои капиталы в живой и мертвый инвентарь, поскольку они могли использовать скот своих чайрикеров, помещая свои капиталы в покупку земли, дававшую баснословно высокую ренту (до 100 руб. с гектара), и в ссуды, которые также давали неимоверно высокий процент»[2].

Недостаток рабочего скота являлся бичом сельского хозяйства Туркестана вообще и хлопководства в особенности, требующего большего приложения рабочей силы, чем прочие отрасли земледелия.

В крупных хозяйствах этот недостаток отчасти восполнялся покупкой рабочего скота на базаре, в основной же своей массе — использованием труда чайрикеров, имеющих рабочий скот. В хозяйствах «с наделом» и мелких крестьянских хозяйствах дефицит рабочего скота покрывался путем сдачи своего участка в аренду

[1] «Бюджет 45 хозяйств Ферганской области», М., 1924, стр. 41.
[2] *С. Выгодский.* «Сельскохозяйственный кредит дореволюционной России», М., 1931, стр. 60.



и работой на чайрикерских началах в хозяйстве бая, или наймом рабочего скота — покупкой его для обработки своего земельного участка.

В обоих случаях парцеллярные хозяйства попадали в сильную зависимость от крупного землевладельческого хозяйства. В обоих случаях дехкане сталкивались с товарно-денежными отношениями, которые пронизывали весь экономический организм дехканского хозяйства. Разница была только в том, что при найме к баю в качестве чайрикера судьба дехканина находилась в руках бая, в то время как заем определенной суммы еще оставлял свободу действий для парцеллярного дехканина.

Рассмотрим теперь техническую оснащенность дехканского хозяйства. Орудия обработки земли и выращивания различных сельскохозяйственных культур были весьма примитивны. Их можно разбить на следующие группы: 1) орудия обработки земли для посева — омач, мала, кетмень; 2) орудия уборки — урак (серп), грабли, мешки; 3) инвентарь скотного двора; 4) транспорт—арба и сбруя; 5) домашний инвентарь. Надо заметить, что в зависимости от географического расположения хозяйства в его состав включался чигирь — водоподъемное приспособление, используемое только там, где для орошения полей необходимо поднимать воду. Этот ассортимент сельскохозяйственных орудий был распространен повсеместно.

Приводим некоторые данные о стоимости и других показателях сельхозинвентаря (табл. 8).

Обеспеченность сельхозинвентарем по социальным группам можно видеть из обследования 45 хозяйств Ферганской области. Стоимость всего инвентаря в первой группе составляла 137 руб. 59 коп., во второй группе — 160 руб. 59 коп., в третьей группе — 334 руб. 89 коп. Эти три группы мы относим к бедноте. В четвертой группе стоимость инвентаря равнялась 489 руб. 28 коп. Эту группу мы относим к середняцкому слою. Пятая группа по стоимости сельхозинвентаря выше всех — 1114 руб. 23 коп. Ее мы относим к эксплуататорскому слою. Однако при расчете обеспеченности инвентарем на одну десятину земельной площади получаем следующее: по I группе — 72 руб. 40 коп., по II—22 руб., по III—24 руб., по IV—17 руб. 30 коп. и по V группе — 15 руб. 90 коп.

Таблица 8

| Предметы | Количество | Средняя стоимость | Срок службы | Годовое погашение |
|---|---|---|---|---|
| Омач | 1 | 2 руб. | 5 лет | 40 коп. |
| Пышь (чугунный лемех) | 1 | 50 коп. | 1 год | 50 коп. |
| Ярмо | 1 | 1 руб. | 2 года | 50 коп. |
| Мала | 1 | 2 руб. | 5 лет | 40 коп. |
| Мала-дандана | 1 | 6 руб. | 6 лет | 1 руб. |
| Арба | 1 | 30 руб. | 10 лет | 3 руб. |
| Хомут и седло | 1 | 5 руб. | 5 лет | 1 руб. |
| Кетмень | 2 | 5 руб. 60 коп. | 2 года | 2 руб. 80 коп. |
| Лопаты деревян. | 2 | 60 коп. | 1 год | 60 коп. |
| Вилы деревян. | 2 | 60 коп. | 1 год | 60 коп. |
| Решето | 2 | 1 руб. | 2 года | 1 руб. |
| Чигирь | 1 | 25 руб. | 10 лет | 2 руб. 50 коп. |
| Итого без чигиря | | 48 руб. 90 коп. | | 12 руб. 40 коп. |
| с чигирем | | 73 руб. 90 коп. | | 14 руб. 90 коп. |

Данные показывают, что абсолютная величина стоимости всего инвентаря прямо пропорциональна росту землевладения, но в расчете на единицу земельной площади с ростом землевладения обеспеченность инвентарем падает. Вместе с тем указанные цифры характеризуют, с одной стороны, насыщенность сельхозинвентарем малоземельных хозяйств, что не могло не вести за собой вздорожания сельскохозяйственной продукции и ложилось дополнительным бременем на плечи беднейшей части дехканства, с другой, явную недостаточность сельхозинвентаря в группах зажиточных и эксплуататорских, что объясняется очевидно тем, что основная масса земельной площади указанных хозяйств обрабатывалась чайрикерами, имевшими не только рабочий скот, но и необходимый сельскохозяйственный инвентарь.

Сельскохозяйственный инвентарь занимал ничтожное место как по стоимости, так и удельному весу в сравнении с прочим имуществом. По данным «Бюджетов 45 хозяйств Феранской области», на долю сельхозинвентаря приходилось 2138 руб. 58 коп., или 1,09% к общей стоимости всего имущества дехканского хозяйства, что само собой характеризует весьма низкий уровень технической оснащенности сельскохозяйственного производства.



Несмотря на явный экономический эффект более производительных, более совершенных по своему времени орудий, использование их не получило сколько-нибудь серьезного развития. По расчетам В. Ф. Караваева, расход на обработку и выращивание 1 десятины хлопчатника составлял 139—168 руб., по данным В. Юферева — 173 руб., Ф. И. Дмитриева — 147 руб. 40 коп. В то же время по данным М. М. Бушуева, обработка 1 десятины более совершенной техникой обходилась в 96 руб., Ф. И. Дмитриева — 86 руб. 53 коп. По данным В. Юферева, этот расход был равен 89 руб. 20 коп.

Выше мы представили данные, характеризующие стоимость наиболее распространенных сельскохозяйственных орудий, широко применяемых в хозяйствах дехкан. Рассмотрим цены на усовершенствованные орудия:

| | | |
|---|---|---|
| плуг однолемешный | — | 16—17 руб. |
| « двухлемешный | — | 37—39 руб. |
| Соха (омач) | — | 2—5 руб. |
| Мала | — | 4 руб. |
| Борона деревянная | — | 5—7 руб. |
| Борона зигзаг | — | 12—16 руб. |
| Борона французская | — | 37—40 руб. |
| Пропашник | — | 12,4 руб. |
| Культиватор | — | 21 руб. |
| Сеялка хлопковая | — | 40 руб. |
| Жатвенная машина | — | 194 руб. |

Как видно, цены на более совершенные орудия труда довольно высокие, и, естественно, приобретение последних для бедняцких хозяйств было сопряжено с большими денежными затратами, попросту говоря, было невозможно.

Профессор сельскохозяйственной механики М. М. Якуб приводит следующие данные о границах применения усовершенствованных орудий. По его подсчетам, наивысшее полезное значение рядовая сеялка имела только при площади от 3,7 десятины как минимума до 15,5 десятины как максимума. Культиватор имеет тот же минимум земельной площади, что и рядовая сеялка. По расчетам Маслова и Крафта, конный плуг использовался выгодно «при площади 10—25 дес.» Дело в том, что фабричные плуги, хлопковые сеялки и культиваторы устроены таким образом, что при работе они требуют загонов для пово-

рота, разворота лошадей. Следовательно, применение этих орудий не могло встретить препятствий только в тех хозяйствах, где не было необходимости дорожить каждым клочком земли. Как известно, при вспашке полей омачом и последующей ручной разделке не оставался неиспользованным ни один клочок удобной земли. Если учесть, что основу местного земледелия составляли хозяйства, которые имели в своем распоряжении меньше 2 десятин орошенной земли и засевали, в лучшем случае, на этой площади около 1 десятины хлопчатником, то можно сделать вывод о том, что основная масса хозяйств не могла пользоваться не только механической обработкой хлопка, но и применять усовершенствованные орудия вроде плуга и бороны для вспашки и боронования.

Как применялись усовершенствованные орудия в крупных хозяйствах, для которых приобретение, например, более совершенного плуга, бороны, культиватора было бы не столь обременительно. Здесь опять приходится возвратиться к тому, с чего мы начали рассмотрение вопроса — к малоземелью, к парцеллярному характеру землепользования в целом.

Несмотря на крупные размеры землевладения хозяйств баев, ростовщиков, чистачей, торговцев и прочих они организовывали хозяйства не на современной крупномасштабной, плантаторской или фермерской основе, а сдавали свою землю на издольных началах чайрикерам малыми участками.

Наши утверждения подкрепляются данными, которые не имеют на первый взгляд прямого отношения к рассматриваемому вопросу. В Голодностепских поселках (Николаевском, Конногвардейском, Романовском, Надеждинском, Обетованном, Алексеевском, Спасском, Сретенском), где размер землепользования был в несколько раз больше, чем в районах интенсивного хлопководства, у 910 хозяйств имелось:

| | |
|---|---|
| плугов однолемешных | — 978 |
| плугов двухлемешных | — 219 |
| борон деревянных | — 819 |
| борон зигзаг | — 309 |
| борон французских | — 59 |
| сох (омачей по гуземному) | — 70 |
| мала (местная борона) | — 112 |
| культиваторов | — 426 |



То есть на 910 хозяйств приходилось 1197 плугов, 1187 борон, или более чем один плуг и более чем одна борона на каждое хозяйство, в то время как омачей (туземного устройства) было всего 70, в 17 раз меньше, чем плугов и мал (местных борон) — 112, в 10 раз меньше, чем усовершенствованных борон.

Эти данные — красноречивое свидетельство основной тенденции в использовании более совершенных сельскохозяйственных орудий, заключающейся в широком применении их в крупных хозяйствах, затухании этого процесса в парцеллярных хозяйствах.

Таким образом, малоземелье тормозило распространение и широкое применение более совершенных сельскохозяйственных орудий, в том числе и использование новейших достижений в земледелии. Прикованный к своему клочку земли, как раб ее, дехканин чрезвычайным напряжением своих сил, в условиях тяжелейшей эксплуатации, обязан был компенсировать как недостаток в рабочем скоте, так и отсутствие сколько-нибудь совершенной техники.

«Подавляющая масса сартовских хозяйств была поставлена в такие экономические условия,—писал А. П. Демидов,— при которых нельзя было использовать машинную технику. Главный тормоз к развитию рационально-технического хозяйства лежал в малоземелье. Население, сдавленное малоземельем как кольцом, не могло идти по пути прогрессивного развития. Движение шло не в сторону сокращения человеческого труда в сельскохозяйственном производстве его. Нет, оно направилось по пути единственно возможному для хозяйства с малым землевладением — это увеличение пределов применения человеческого труда путем введения весьма трудоемких культур. В Туркестане земельная бедность заставила человека вдумчиво отнестись к тому малому клочку земли, который ему предоставили исторические социальные условия. Тщательность, кропотливость, бережное и любовное отношение к земле заставили его буквально пройти каждый вершок своими собственными руками. Если машины точностью работы и тщательностью повышают производительность, то человеческий труд в Туркестане, впитанный в землю до невероятных пределов, давал не меньшую тщательность, не худшую форму и объем необходимой обработ-

ки, строго индивидуализируемый согласно местным условиям почвы и топографии района. Здесь каждый клочок земли имеет на себе прикосновение человеческой руки. Каждая гряда хлопкового поля есть продукт человечества, результат большой затраты труда»[1].

Нельзя не согласиться в целом с высокой оценкой, данной труженикам хлопковых полей, своим трудом создававших материальные ценности.

Однако было бы неполно определять границы применения машинной техники в сельском хозяйстве только парцеллярностью землепользования. В специфических условиях развития сельскохозяйственного производства большое значение принадлежало рассмотренному несколько раньше чайрикерству. Остается только напомнить, что в условиях поливного земледелия, чайрикерство, имевшее всеобщий характер, не могло не оказывать своего определенного воздействия на использование «машинной» обработки хлопчатника и других культур. По данным С. Понятовского, произведенным на основе анализа хозяйств Ферганской области, из расчета средней урожайности хлопка с 1 десятины, равной 80 пудам, при цене хлопка 3 руб. 50 коп. за 1 пуд валовой доход составлял 280 руб., плюс 20 руб. за реализацию стеблей, получаем 300 руб. Расходы на производство хлопка на 1 десятину составляли 196 руб. 20 коп. (при «машинной» обработке), прибыль — 83 руб. 20 коп. Если учесть, что С. Понятовский значительно завысил урожайность, которая по преимуществу не превышала 60 пудов с десятины, при реализации по цене 3 руб. 50 коп. получаем валовой доход в 210 руб., который за вычетом всех расходов, равных 196 руб. 20 коп. и уплаты податей в сумме 14 руб., дает прибыль немногим более 10 руб.

При обработке 1 десятины хлопчатника без «машинной» техники и урожаев 60 пудов, по данным С. Понятовского, «одна стоимость культуры поглотит весь чистый доход»[2]. Понятовский приходит к выводу о том, что стоимость рядового посева при использовании местных сельскохозяйственных орудий и стоимость «машинной»

[1] *А. П. Демидов,* указ. работа, стр. 62—63.

[2] *С. Понятовский.* Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, СПб, 1913, стр. 230—231.



обработки хлопчатника почти равны или подвержены небольшим колебаниям.

По данным В. Юферева, относящимся к 1908 году, «машинная» обработка 1 десятины хлопчатника обходилась в 89 руб. 90 коп., стоимость семян и поддержка ирригационной системы — 35 руб., то есть всего расходов — 124,9 руб. При урожае в 60 пудов и цене 3—3 руб. 50 коп. доход с 1 десятины хлопчатника равнялся 180—210 руб., а чистый доход за вычетом расходов и прочих издержек производства — 56—57 руб. на десятину. В то время при сдаче чайрикеру на издольных началах чистый доход с 1 десятины хлопчатника составлял 55—65 руб.

При получении чистого дохода в указанной сумме, землевладелец, имеющий к примеру 10 десятин земли, сдав ее чайрикерам, получил бы дохода 550—650 руб., в среднем 600 руб. При обработке этого же участка земли на началах (предпринимательства) использования более совершенных сельскохозяйственных машин владельцу необходимо было бы авансировать основного капитала 890 руб., оборотного — 92 руб., всего 982 руб., а в итоге получено было бы чистой прибыли 560—760 руб., или в среднем 660 руб.

Как видно из расчетов, разница между доходом при издольной системе и на началах использования «машинной» техники сравнительно невелика: на 10 десятин расхождение в 60 руб. При этом необходимо учесть, что зажиточный дехканин, сдающий свою землю чайрикерам, поместив 982 руб. в более выгодное дело, например, в кредит под высокий процент, при ростовщическом характере представления кредита, имел реальную возможность получить не только солидную прибыль на процентах, но и некоторые шансы приобрести за бесценок землю должников в случае, если последние не имели бы возможности расплатиться своевременно с долгами.

Таким образом, дело заключалось совсем не в том, что сельскохозяйственные орудия и машины стоили дорого (зажиточные дехкане имели достаточно средств для покупки различных машин), а в том, что имеющиеся у них средства они предпочитали помещать в ссуды, которые для них были более верным делом, чем ведение хозяйства. Огромные проценты на капитал, возможность отчуждения земли несостоятельного должника,

неимоверно высокая рента, вот что делало относительно невыгодным применение машин и ведение хлопководческого хозяйства на началах капиталистического предпринимательства. Характерным для развития туркестанского хлопководства является то обстоятельство, что зажиточные хозяйства, имевшие достаточно земли и достаточно средств для ведения капиталистического хозяйства, дробили свою землю, передавая ее небольшими участками чайрикерам, а свои деньги, которые они имели зачастую в избытке, предоставляли в качестве ссуд мелким хозяйствам.

В. Юферев пришел к выводу о том, что «...для хлопковых районов Туркестана на очередь должен быть поставлен вопрос о приспособлении мертвого инвентаря к особенностям местного туземного хозяйства»[1]. Книга, из которой мы приводим выдержку, была опубликована в 1914 году. Можно с уверенностью сказать, что и в последующем, если бы не произошла Октябрьская революция 1917 года, в использовании более совершенных орудий для ведения сельского хозяйства, не случилось бы ничего нового, так как база применения техники оставалась прежней — малоземелье и парцеллярное землевладение, влекущее за собой консервацию производительных сил сельского хозяйства.

Итак, механизация сельскохозяйственного производства упиралась не только в дороговизну сельскохозяйственного инвентаря, не только в малоземелье хозяйств коренного оседлого населения, не только в трудности транспортировки сельскохозяйственного инвентаря, не в количество опытных станций, пропагандирующих преимущества совершенных сельскохозяйственных орудий и т. д. и т. п. Причина отсталости состояла в тех социально-экономических условиях, в которые было поставлено дехканское хозяйство, задавленное жесточайшим гнетом колониальной эксплуатации, к которому свою «лепту» присовокупляла местная эксплуататорская камарилья. Кризис, в котором оказалось дехканское хозяйство, имел только один-единственный выход — разрушение всей социальной и экономической организации сельскохозяйственного производства и создание новых

[1] *В. Юферев.* Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана..., стр. 16.



форм организации, учитывающей интересы страны в целом и основной массы трудящихся в особенности. Освобождение дехканства от пут феодализма и капитализма, таким образом, лежало на путях социальной революции.

Этот процесс нельзя понять без анализа той системы, которую принес в колониальную окраину капитализм, систему товарно-денежных отношений, втягивания всей экономики, всей хозяйственной и политической жизни края в орбиту капиталистических отношений, в мировое товарное производство.

Анализ развития дехканского хлопководческого хозяйства в динамике наиболее целесообразно провести путем рассмотрения системы кредитования хлопководства, потому что:

во-первых, в конце XIX начале XX в. кредит превратился в важнейшее средство развития хлопководства, став необходимым инструментом его эволюции;

во-вторых, кредит являлся мощным орудием дифференциации дехканского хозяйства;

в-третьих, кредит воплощал в себе наиболее глубокие изменения, происходившие как в недрах парцеллярного хозяйства дехкан, так и во всех сферах товарно-денежных отношений, пронизывающих экономическую жизнь узбекского кишлака;

в-четвертых, кредит представлял собой едва ли не самое важное средство осуществления колониальной политики царизма и капиталистического империализма;

в-пятых, кредит являлся орудием эксплуатации, орудием угнетения десятков и сотен тысяч дехканских семей, причиной голода и нищеты, невежества и разорения, отсталости и обреченности.

Необходимость в кредите в парцеллярных хозяйствах вызывалась целой системой обстоятельств, в котором находилось это хозяйство. Здесь и невозможность обеспечить себя и свою семью доходами со своего участка, здесь и недостаток рабочего скота, необходимость в покупке «мертвого» инвентаря и т. д. К этому нужно добавить затраты, связанные с исполнением среднеазиатских обычаев и обрядов — на организацию тоя (обрезания, свадьбы, похорон) и положение, в котором оказывались дехкане в неурожайные годы, вынуждавшие последних обращаться к кредиту, сокращение удельно-

го веса продовольственных культур, имевших тенденцию перейти границу, обеспечивающую минимум, необходимый для пропитания семьи. Если условно принять за норму землевладения две десятины, из которых одна десятина будет под хлопчатником, то оставшаяся десятина должна была прокормить не только семью, но и дать корм для скота. Если принять урожай с десятины, равный 50—70 пудам, из которых необходимо вычесть семенное зерно, так что для питания семьи дехканина и его скота остается 45—50 пудов зерновых. Ясно, что такое количество продуктов не могло удовлетворить все потребности семьи.

Дехкане-хлопкоробы крайне нуждались в кредите, поскольку без наличия хотя бы минимальных оборотных средств, необходимых, прежде всего, для удовлетворения основных жизненных потребностей хлопкороба и его семьи, ведение хозяйства мелких производителей было немыслимо. В материалах Центрального хлопкового комитета подчеркивалось: «Без оборотных средств культура хлопка немыслима. Есть волости (Ферганской области — *А.Ю.)*, где около 80—90% всей площади искусственно орошаемой земли отведено под культуру хлопчатника, и все продовольственные и кормовые продукты покупаются хозяином на базаре, причем при окучке хлопчатника и сборе урожая обходиться без найма посторонних рабочих не может ни один хозяин, хотя бы он засевал 1 дес. хлопчатника»[1].

Известно, что в основном хлопководческом районе края — Ферганской области 54,5% дехканских хозяйств владели поливной землей в пределах 1 дес., а 29,9% — от 1 до 3 дес.[2]. Эти данные показывают, что подавляющая масса (более 80%) дехкан-хлопкоробов вынуждена была прибегать к займу оборотных средств. «Действительно,— пишет А. П. Демидов,— стоит обратиться к истории развития туркестанского хлопководства, то мы увидим одновременный с ним рост кредитных операций в сельском хозяйстве. Хлопковые районы сильно нуждались в кредите. Особенно велика была потребность в нем Ферганской области»[1]. Такую оценку роли кредита в дехканском хозяйстве разделяют все без исключения как дореволюционные, так и советские историки и экономисты.

В Туркестане, как известно, не было прямого кредитования дехканского хозяйства. Этот процесс осуществлялся косвенным порядком. Существенными звеньями кредитной лестницы являлись всевозможные виды посредников: фирмы, чистачи, арбакеши и т. д. Непосредственное кредитование было невозможно, во-первых, потому, что значительная часть дехканских хозяйств была оплетена густой сетью обязательств со стороны местных ростовщиков — была в определенной зависимости от этого аппарата; во-вторых, ввиду того, что фирмы не всегда могли контролировать кредитоспособность дехкан и быть гарантированным за возврат предоставляемых кредитов; в-третьих, ввиду законодательства, по существу запрещающего непосредственное кредитование хлопкоробов. Последнее нашло выражение в специальном циркуляре Туркестанского генерал-губернатора от 14 декабря 1902 г., согласно которому участок земли до 1 десятины не мог быть отчужден по долговым обязательствам[2], то есть не мог являться имущественным залогом, под который возможно было бы на основании закона предоставлять кредит.

«Посредник,— читаем мы в одной из официальных записок,— между фирмами и населением является неизбежным, вследствие того, что туземцу от туземца легче получить выданные деньги, чем русской фирме, которая иногда совершенно лишена возможности законным путем взыскать выданные туземцу-землевладельцу задатки. Посреднику, играющему роль заимодавца, очень легко обеспечить себя залоговыми документами, основанными на обычном праве, совершенными у местных казиев. Документы эти получаются быстро, без особой формальности, кредитор обеспечивает себя особым документом, так называемой «васихой» на временную продажу должником всего имущества или части его за взятые у кредитора деньги.

В случае несостоятельности и неплатежа, выданного задатка должником, последний (кредитор —*А. Ю.*) всту-

---

[1] Материалы Центрального хлопкового комитета, Бюллетень «О дополнениях устава Московского купеческого товарищества на паях с правом принимать в залог недвижимые имущества в Туркестане», М., 1915.

[2] «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1909, № 11, стр. 838.

[1] *А. П. Демидов,* указ. работа, стр. 52.

[2] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 6.

пает во владение участком, который ликвидируется, и задаток с причитающимся на него процентами без замедления возвращается фирме»[1].

Фирмы и прочие предприятия, осуществляющие цели царизма и капиталистического империализма России в Туркестане, не произвели коренного преобразования в кредитной системе и не нашли ничего лучшего, как приспособить свои учреждения к своеобразным условиям края, сохранив посредническую клиентуру, служащую не только и не столько своим интересам, сколько интересам метрополии и магнатам, определявшим колониальную политику. Таким образом, институт туркестанского посредничества выполнял функции необходимого звена между фирмами и банками, с одной стороны, и дехканами-хлопкоробами, с другой, позволяющему первым, без какого-либо риска, получать солидные проценты за свои капиталы.

О процентах, под которые давались кредиты, нет определенной точки зрения. Выяснению этого важного вопроса необходимо предпослать два следующих замечания.

Первое. Необходимо различать **период,** к которому относится предоставление кредита под хлопок. Как известно, распространение хлопчатника американских сортов, или начало промышленного хлопководства, характеризовалось определенными формами кредита, направленными на внедрение хлопка американских сортов, когда кредит предоставлялся на льготных условиях, зачастую без процентов. Так, например, фирма Майеркорта (Самаркандский уезд) в феврале — марте выдавала задатки под будущий урожай хлопка, из расчета 3—4 руб. за каждый танап, засеянный американскими семенами. Причем, семена выдавались безвозмездно, а кредит был беспроцентным. Хлопкороб обязан был не позже ноября доставить на склад фирмы весь выращенный хлопок по цене, установленной в день заключения договора о предоставлении ссуды. Но из этого нельзя делать вывод о том, что фирмы заботились об интересах дехкан. Если внимательно ознакомиться с условиями соглашения, нельзя не заметить, что сдавался **весь** урожай хлопка по цене, установленной при заключении договора. Расходы, произведенные фирмой для обеспечения семенным материалом и потери от беспроцентного кредита, с лихвой покрывались реализацией хлопка в Москве. Расходы фирмы компенсировались разницей между низкими ценами на месте купли и высокими ценами на месте продажи. «Операция эта (предоставление беспроцентного задатка под хлопок — *А. Ю.*),— констатирует В. И. Массальский,— очень выгодна, по приблизительному расчету, оказывается, что фирма получает в течение девяти месяцев около 60% на затраченный капитал, если очищенный хлопок перепродается на месте, и несколько более, если он сбывается в Москве»[1].

О способах закупки хлопка, практиковавшихся в Туркестане, дает представление В. И. Массальский:

«Значительная часть хлопка закупается непосредственно торговыми фирмами или через комиссионеров на базарах в городах или кишлаках, которые представляли собой центры хлопкоторговли. Почти в каждом городе есть хлопковый базар, т. е. место, куда стекается хлопок, производимый дехканами, и производятся его закупки скупщиками на свой риск или комиссионерами различных торговых фирм по поручению последних. Главным товаром на хлопковых базарах является гуза, т. е. местный хлопок в коробочках, сравнительно реже на базар поступает американский сырец или местный, очищенный на чигириках, и только в исключительных случаях очищенный хлопок американских семян. Почти исключительное преобладание гузы на базарах обусловливается тем, что производители американского хлопка продают его непосредственно через комиссионеров. Хлопковые фирмы всегда охотнее, а иногда почти исключительно покупают американский хлопок, дают ссуды почти исключительно под американский хлопок. Таким образом, так или иначе большинство американского хлопка поступает от плантаторов или от скупщиков прямо в склады или на заводы хлопковых фирм. Последние, кроме того, предпочитают такую закупку, так как при покупке хлопка в конторе при заводе не приходится платить весовых сарайманских (за помещение) и т. п. сборов, составляющих иногда в общем ко-

[1] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 6.

[1] *В. И. Массальский.* «Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее», СПб, 1892, стр. 72—73.

пеек 5—10 на пуд товара. Базарными продавцами, следовательно, является масса мелких плантаторов-туземцев, производивших, главным образом, гузу и только отчасти американский хлопок, а покупателями — скупщики или комиссионеры тех же фирм, пополняющих недостающее им количсетво товаров на базарах. Хлопковые фирмы закупают, главным образом, американский хлопок в виде сырца, а местный — в виде волокна, очищенного на местных ручных машинках; гуза закупается реже, вследствие хлопотливой и дорогостоящей очистки ее от коробочки. Закупки американского хлопка, уже очищенного на заводах, практикуются обыкновенно тогда, когда товар покупается по комиссии или когда требуется сразу значительное его количество. Все вышеизложенное относительно закупок хлопка касается тех хлопковых фирм, у которых имеются в Туркестане хлопкоочистительные заводы и пресса (для прессовки волокна в кипы — *А. Ю.*); покупаемый или принимаемый на комиссии хлопок очищается или на собственных заводах, прессуется и отправляется прямо к месту назначения или на склады в Москве или Нижнем Новгороде»[1].

Становятся очевидными не только система кредитных отношений, но и положение, которое занимало дехканское парцеллярное хозяйство в данной системе. На нижней ступеньке эксплуататорской лестницы находились мелкие скупщики хлопка, комиссионеры, типа арбакешей, пахтакешей, располагавшие незначительными суммами и средствами для эксплуатации дехканства. Несколько выше располагались скупщики хлопка средней руки — разношерстная и разноликая армия чистачей, капитал которых колебался от нескольких десятков тысяч до сотен тысяч рублей и миллионов. Это самая многочисленная, это самая мощная по экономическим позициям группа хлопковых фирм, владевших хлопкоочистительными заводами от самых примитивных до современных, оснащенных передовым по тому времени оборудованием. Фирмы эти теснейшим образом были связаны не только с местным хлопковым рынком, не только с хлопковыми операциями в определенном районе, а распространяли свою деятельность на ряд районов, скупая массу производимого сырья и реализуя их в промышленные центры. Нет нужды доказывать, что эти фирмы только номинально именовались чистачами, как товарищества, занимавшиеся очисткой хлопка-сырца, в сущности круг их деятельности и масштабы торгово-скупочных операций и товарооборот, составлявшие сотни тысяч и миллионы рублей, выходили далеко за пределы только «чистачества». Ниже мы остановимся на экономической и финансовой сторонах деятельности указанных выше фирм.

На самой верхней ступеньке эксплуататорской системы находились банки различного рода, миновать которые фирмы не имели никакой возможности. Так же как дехканин, связанный бесчисленными торговыми отношениями с посреднической клиентурой и фирмами, не мог обойти хлопкового пункта и хлопкоочистительного завода, так и чистачи и почти все фирмы, связанные с хлопковыми операциями, не могли обойти банки, которые через ссудно-кредитную систему, вследствие сложившейся в начале XX в. и в последующие годы системы отношений, прочными нитями привязали к себе хлопковые фирмы. Банки держали через фирмы под контролем всю торговлю, а через нее — все производство и реализацию хлопка в Туркестане.

[1] *В. И. Массальский.* Указ. работа, стр. 76.

*Глава IV*

## ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕХКАНСКОГО ХОЗЯЙСТВА. КРЕДИТ И БАНКИ

Дореволюционная статистика не располагает сравнительными материалами, позволяющими проследить развитие дехканского хозяйства за определенный период, те качественные сдвиги, которые протекали в недрах парцеллярных хлопководческих хозяйств. Имеются лишь отдельные данные по группам хозяйств, относящихся к различным уездам и областям. Их можно найти в материалах ревизии Палена, относящихся к 1908—1909 годам, и сельскохозяйственной переписи 1917 года.

Для сравнения возьмем следующие волости: Алтынкульскую (Андижанского уезда), Хакентскую (Андижанского уезда), Авальскую (Маргиланского уезда), Киргиз-Курганскую (Наманганского уезда), Яйпанскую (Кокандского уезда), Гулякандозскую (Ходжентского уезда) и Каль-Курганскую (Каттакурганского уезда). Для удобства сопоставления примем следующую группировку по землевладению: первая группа — хозяйства, определенные как категории деревенской бедноты (в соответствии с теми принципами классификации, которые были приняты при анализе соответствующих данных материалов ревизии Палена); вторая группа — среднее крестьянское хозяйство, размером землевладения от 3 до 5 десятин: третья группа — эксплуататорский (кулацкий) тип хозяйства, размером землевладения до 10 десятин и четвертая группа — крупные, по среднеазиатским масштабам, землевладельческие хозяйства (табл. 9).



Таблица 9

**Дифференциация дехканского хозяйства по землевладению** (1909—1917 гг.) в процентах[1]

| Наименования волостей | I группа | | II группа | | III группа | | IV группа | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | 1909 г. | 1917 г. | 1909 г. | 1917 г. | 1909 г. | 1917 г. | 1909 г. | 1917 г. |
| Алтынкульская | 76,3 | 78,3 | 19,2 | 17,4 | 3,7 | 3,5 | 0,6 | 0,8 |
| Хакентская | 46,7 | 78,2 | 39,2 | 16,3 | 11,5 | 4,1 | 2,3 | 1,4 |
| Авальская | 67,2 | 62,0 | 20,3 | 20,2 | 6,0 | 9,3 | 5,9 | 8,5 |
| Киргиз-Курганская | 70,9 | 82,4 | 24,9 | 13,8 | 2,7 | 2,9 | 1,3 | 0,9 |
| Яйпанская | 74,0 | 80,8 | 20,1 | 17,2 | 4,9 | 2,7 | 0,9 | 0,3 |
| Гулякандозская | 26,7 | 44,0 | 40,5 | 16,5 | 20,1 | 14,2 | 12,7 | 25,3 |
| Каль-Курганская | 72,0 | 71,1 | 25,7 | 22,3 | 2,3 | 5,5 | — | 1,1 |

Рассмотрим таблицу более подробно. Начнем с первой группы. Общая тенденция в развитии этой группы — возрастание удельного веса бедняцких хозяйств. В Алтынкульской волости наблюдался рост удельного веса хозяйства с 76,3% до 78,3%.

Другие данные по Хакентской волости. Здесь громадный скачок в землевладении — с 46,7% до 78,2%. Для обследования было учтено 295 хозяйств, в которых насчитывалось 1612 душ обоего пола. Общая земельная площадь составляла 819,3 десятины, в том числе, богарной —347,08 и поливной —463,80 десятины. Под хлопчатником было занято 194,42 десятины, то есть около 500 поливной площади. Из 295 хозяйств 151 хозяйство сеяло хлопок, 83 — зерновые, 74 — клевер и 32 — арбузы.

Хакентская волость с преимущественным развитием хлопководства представляла более или менее типичную картину сельскохозяйственного производства описываемого периода.

[1] Таблица составлена на основании следующих данных за 1509 г.: «Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом», и материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», часть II, таблицы, СПб, 1911, стр. 106—109; за 1917 г. по волостям Алтынкульской, Хакентской, Авальской, Киргиз-Курганской, Яйпанской из материалов «Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917—1920 гг.», вып. II, поволостные итоги Ферганской области, Ташкент, 1928, стр. 50—53; по волостям Гулякандозской и Каль-Курганской по данным материалов «Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917—1920 гг.», вып. 1, поволостные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924, стр. 27.

Тот же процесс мы наблюдаем в Киргиз-Курганской волости. Правда, здесь рост незначительный по сравнению с предыдущей волостью — с 70,9% до 82,4%, или на 11,5%. Из 293 хозяйств, учтенных ревизией, располагавших 490,07 десятины поливной земли, на долю хлопковых посевов приходилось 176,79 десятины. 123,94 десятины было занято рисом, 55,23 десятины — пшеницей и джугарой.

От Киргиз-Курганской отличалась Яйпанская волость, где из 729,56 десятины поливной земли под хлопком было занято лишь 86,35 десятины, то есть немногим более 10%, в то время как под пшеницей — 129,63, под джугарой —160,51 десятины.

Примерно такое положение и в двух волостях Самаркандской области — Гулякандозской и Каль-Курганской. В первой из 2533,09 десятины поливной земли под хлопком было занято 325,75 десятины, в то время как под пшеницей —1011,00 десятины, во второй волости соответственно —357,62 десятины поливной земли, в том числе хлопковых посевов —44,69, пшеницы —113,67 десятины.

Таким образом, бедняцкие хозяйства, представленные как хлопковыми, так и нехлопковыми волостями, в целом имели тенденцию к дальнейшему росту, о чем свидетельствуют данные только что рассмотренной таблицы. Происходил дальнейший процесс раздробления парцеллярных хозяйств.

Перейдем к рассмотрению второй группы хозяйств (середняцкие хозяйства). Здесь налицо сокращение этой категории, причем этому процессу подвержены все хозяйства волостей, принятые нами для рассмотрения. В Алтынкульской волости это сокращение колеблется в пределах 2%, в Хакентской —.на 22,9%, в Киргиз-Курганской — на 11,1%, в Гулякандозской — на 24%. Сокращение удельного веса хозяйств по волостям в 1917 году особенно значительное в сравнении с 1909 годом. Так, в Хакентской волости удельный вес сократился более чем вдвое (с 39,2% до 16,3%), в Киргиз-Курганской — на 30% (с 24,9% до 13,8%).

Ту же картину наблюдаем в волостях с преимущественным развитием зерновых культур. Так, в Гулякандозской волости удельный вес середняцких хозяйств упал более чем вдвое, составив к 1917 году всего 16,5%. В целом



по всем волостям удельный вес середняцких хозяйств сократился с 27,1% в 1909 году до 17,7% в 1917 году.

Эти данные со всей очевидностью свидетельствуют о разорении среднего землевладения, о нарушении стабильности в развитии этой категории хозяйств, об их неустойчивости и нарастающем процессе распада.

Все ли середняцкие хозяйства разорялись? Нельзя не предположить, что известная часть, хотя и незначительная, наиболее «твердые» и «крепкие» не подвергались разорению, а наоборот, укрепляли свои позиции. При рациональном ведении хозяйства, то есть при развитии сельскохозяйственных предприятий капиталистического типа, образование кулацких хозяйств на базе укрепления устоявших от конкуренции и разорения хозяйств среднего землевладения было бы естественным и вытекало из условий производственных отношений существующего способа производства. Если обстоятельства в колониальном Туркестане складывались именно так, то разорение хозяйств среднего землевладения на одном полюсе способствовало и соответственному росту землевладения капиталистического типа на другом.

В этой связи рассмотрим III группу землевладения, под которой мы разумеем капиталистический тип сельскохозяйственных предприятий в соответствии с принятой нами для данного случая классификацией.

Как видно, эта группа дает уменьшение удельного веса по всем волостям за исключением Авальской. Последнее объясняется неполными данными ревизии К. К. Палена и переписи 1917 года. Так, согласно ревизии, в Авальской волости значится 2 247,68 десятины поливной земли, в том числе 362,54 десятины под пшеницей, 289,17 десятины — под кукурузой и 272,88 десятины — под хлопком, то есть всего учтено 1038 десятин, а об остальных 1209 десятинах никаких сведений не имеется. То же и в переписи 1917 года.

III группа характерна определенной тенденцией падения удельного веса хозяйства: в Алтынкульской волости — с 3,7% до 3,5%, в Хакентской — с 11,5% до 4,1%, в Киргиз-Курганской незначительное повышение, в Яйпанской — с 4,9% до 2,7%, в Гулякандозской — с 20,1% до 14,2%. В целом, по группе III имеет место падение с 7,3% до 6,0%, т. е. на 1,3%. Само по себе, это

падение незначительно, немногим более 1,0%, однако сопоставление с исходными данными показывает, что происходило сокращение числа хозяйств II группы почти на 25%.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в группе IV (крупные землевладения феодального типа). Здесь при всех колебаниях имеет место тенденция усиления этого типа землевладения, роста удельного веса с 3,4% до 5,5%, что составляет, если принять данные за 1909 год за 100%, прирост к 1917 году на 65%.

Таблица дает нам возможность сделать вывод о том, что в Туркестанской деревне происходили:

1. Процесс парцелляризации землевладения — увеличение удельного веса бедноты с 62,0% в 1909 году до 70,1% в 1917 году.

2. Усиливавшаяся неустойчивость среднего землевладения, имевшая определенную тенденцию к падению удельного веса этого типа хозяйства: с 27,1% в 1909 году до 17,7% в 1917 году.

3. Прогрессировавший процесс падения удельного веса землевладения капиталистического типа хозяйства, что со всей очевидностью раскрывает характерную особенность концентрации земельной собственности в хозяйствах некапиталистического типа.

4. Концентрация земельной собственности в хозяйствах феодально-байского типа, характеризовавшихся крупными размерами землевладения, сосредоточенного в руках баев, преимущественно не связанных с наследованием земельных участков, а приобретавших их через куплю-продажу.

Таким образом, характерными чертами эволюции землевладения в Туркестане в период 1909—1917 годов являлось, с одной стороны, дальнейшее раздробление малоземельных хозяйств, мелких землевладельцев, а с другой, концентрация земельной собственности в крупных феодально-байских хозяйствах, типичных для Туркестана, то есть малоземелье на одном полюсе и мобилизация земельной собственности на другом. Капиталистическая мобилизация земельной собственности не получила развития.

В нашем распоряжении имеется важный источник, который подтверждает выводы, которые были нами сделаны выше. Это — распределение земельного фонда в



Ферганской и Самаркандской областях, представленные Среднеазиатскому бюро ЦК ВКП(б) для использования при решении практических задач по проведению земельно-водной реформы в Средней Азии (табл. 10).

Таблица 10

**Распределение земельного фонда по Ферганской, Самаркандской областям (1917 г.)[1]**

| Землевладения (в дес.) | Ферганская область | | | | Самаркандская область | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | количество хозяйств | | у них земли | | количество хозяйств | | у них земли | |
| | число хозяйств | % | земельная площадь (в дес.) | % | число хозяйств | % | земельная площадь (в дес.) | % |
| До 1 | 232 971 | 51,0 | 98 022 | 9,8 | 37 618 | 24,0 | 19 392 | 2,0 |
| От 1—3 | 137 499 | 30,1 | 233 656 | 23,4 | 40 909 | 26,0 | 80 359 | 8,2 |
| 3—5 | 41 569 | 9,1 | 151 773 | 15,2 | 22 257 | 14,2 | 91 174 | 9,4 |
| 5—10 | 28 779 | 6,3 | 203 386 | 20,3 | 28 683 | 18,3 | 225 789 | 23,2 |
| 10—20 | 11 420 | 2,5 | 153 036 | 15,3 | 18 495 | 11,8 | 277 338 | 28,2 |
| Более 20 | 4 568 | 1,0 | 158 586 | 16,0 | 8 778 | 5,6 | 284 578 | 29,0 |
| | 456 806 | 100 | 998 462 | 100 | 156 740 | 100 | 978 630 | 100 |

[1] Земельно-водная реформа в Средней Азии (сб. материалов) М.—Л., 1927, стр. 17.

В то время как по нашей классификации землевладение разделяется на более дробные показатели (до 0,5 дес., от 0,5 до 2 дес. и далее), в таблице 9 мы не имеем землевладений размером до 0,5 десятины, а сразу «до 1 дес.», не имеем от 0,5 до 2 десятин, а «от 1 до 3 дес.». Этот пробел можно заполнить окончательными данными материалов всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года, согласно которой землевладения в Ферганской области размером от 0 до 0,5 десятины составляли 34,3%, а от 0,5 до 2 десятин — 40,6%[1]. Эти цифры дают возможность определить удельный вес категории «бедноты», равный 74,9%. Иначе говоря,

[1] Составлено на основе «Материалов Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.,» выпуск 2-й (Поволостные итоги Ферганской области). Самарканд, 1925, стр. 50—53.

подавляющая масса дехканских хозяйств накануне Октябрьской революции оказалась чрезвычайно разоренной и поставленной на грань окончательного разрушения. Только четвертая часть имевшихся хозяйств являлась более или менее устойчивой, обеспечивала свое существование (из 456 806 хозяйств на долю бедняцких приходилось более 350 тыс.). Процент середняцких хозяйств составлял немногим более 9%, или 415 69 хозяйств. Кулацких хозяйств было 6,3%, или 28 779, на долю крупных и крупнейших хозяйств приходилось всего 3,5% (15 988 хозяйств).

Итак, категория хозяйств «с наделом», то есть землевладением от 0 до 0,5 десятины, составляя ко всему числу хозяйств 34,3%, располагала земельным фондом в 64 тыс. десятин, или 6,29%. Категория хозяйств землевладением от 0,5 до 2 десятин, составляя 40,6% ко всему числу хозяйств, располагала только 210 065 десятинами, или немногим более 20% всего земельного фонда. Иначе говоря, в руках узбекской бедноты, составляющей три четверти всего количества имеющихся хозяйств, находилось немногим более четверти земельного фонда Ферганской области. В то же время, в руках хозяйств эксплуататорского типа, удельный вес которых составлял 10% от общего количества хозяйств, находилось 515 008 десятин, то есть одна десятая часть эксплуататорских хозяйств владела более чем половиной земельного фонда области (51,6%).

Таким образом, с одной стороны, океан мелких и мельчайших хозяйств, располагавших совершенно незначительным и явно недостаточным земельным фондом, а с другой, около 45 000 крестьянских хозяйств эксплуататорского типа, распоряжавшихся большей половиной земельного фонда. Таково положение в узбекском кишлаке накануне Октябрьской революции, в одной из густонаселенной Ферганской области.

В докладе, прочитанном на Пленуме Средазбюро ЦК ВКП(б) 14 марта 1925 года, И. Зеленский писал: «В дальнейшем при анализе обеспеченности скотом и занятиями различными промыслами подтверждается такой характер этих хозяйств: группа полубедняков, полусередняков, владеющих от одной до трех десятин, охватывает 30,1% хозяйств с площадью земли в 23,4%. Группа хозяйств от трех до пяти десятин составляет



15,2%, и у них земли 9,1%; группа хозяйств от 5—10 дес. составляет 6,3%, и у них земли 20,3%; группа хозяйств свыше 10 дес. составляет 3,5%, и у них земли 31,3%. Таким образом, если принять за исходное количество хозяйств по области 456 806.., то на долю маломощных бедняцких хозяйств (до 1 дес.) падает круглым счетом 233 000 хозяйств, с площадью землевладения у них 98 000 дес., что составляет на одно хозяйство 0,42 дес. На долю хозяйств с площадью землевладения свыше 10 дес. падает 15,985 хозяйств, и в их распоряжении находится 301 625 дес., т. е. около 20 дес. на одно хозяйство»[1].

Земельные отношения, описанные И. Зеленским и отраженные в таблице, совершенно отчетливо показывают, как на одном полюсе имелось огромное количество бедноты, лишенной земли, а на другом — крупные землевладения. Так, из зарегистрированных и подвергшихся тщательному исследованию 8 791 хозяйства Ферганы, владевших площадью более 5 десятин:

| | | |
|---|---|---|
| Хозяйств размером | до 10 дес. | 5 193, или 59,0 % |
| « « | от 11—20 дес. | 2 576, или 29,4 % |
| « « | от 21—30 дес. | 493, или 5,6 % |
| « « | от 31—40 дес. | 227, или 2,6 % |
| « « | более 40 дес. | 302, или 3,4 % |

Из данных видно, что наибольший удельный вес приходится на хозяйства размером до 10 десятин (около 60%), наполовину меньше хозяйств земельной площадью от 10—20 дес. (29,4%) и по существу эти две категории составляют почти 90% всего количества «нетрудовых хозяйств», владельцы которых сами участка не обрабатывали, занимаясь либо торговлей, либо промыслами и сдавая земли в аренду. Характерно, что из 120 718 десятин приходится на рассмотренные выше группы, первые две владели 64 871 десятиной, то есть более половины земельного фонда.

Переходим к рассмотрению данных по Самаркандской области (табл. 11).

Если в Ферганской области категория землевладений до 1 десятины занимала 51,0% от всего количества хозяйств, то в Самаркандской только 24,0%, а по коли-

[1] Земельно-водная реформа в Средней Азии, М.-Л., 1927, стр. 17.

Таблица 11

**Эволюция землевладения по Самаркандской области в 1908—1917 гг.**

| Волости и уезды | Годы | Безземельные | Процент хозяйств, имеющих поливные и богарные земли (десятин) | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | до 0,5 | 0,51—2,0 | 3,1—5,0 | 5,1—10,0 | 10,1—20,0 | более 20,0 | Итого |
| Узбекская волость | 1908 | 0,2 | 2,2 | 10,5 | 15,2 | 39,4 | 21,6 | 1,5 | |
| | 1917 | 0,1 | 0,5 | 10,2 | 15,8 | 31,4 | 23,6 | 8,9 | |
| Каттакурганский уезд | | | | | | | | | |
| Дюрткульская волость | 1908 | — | 0,7 | 7,4 | 20,5 | 31,7 | 20,7 | 10,7 | |
| | 1917 | 1,9 | 3,2 | 26,4 | 18,7 | 26,0 | 8,6 | 2,6 | |
| Калькурганская волость | 1908 | — | 14,2 | 57,8 | 10,6 | 2,3 | — | — | |
| | 1917 | — | 19,4 | 51,7 | 9,1 | 5,5 | 1,1 | — | |
| Самаркандский уезд | | | | | | | | | |
| Каракалпакская волость | 1908 | — | 2,7 | 20,3 | 24,3 | 26,7 | 10,0 | 1,0 | |
| | 1917 | 1,2 | 4,5 | 31,6 | 21,8 | 17,3 | 5,9 | 0,5 | |
| Махалинская волость | 1908 | — | 25,9 | 58,8 | 3,7 | 0,9 | 0,3 | 0,3 | |
| | 1917 | 0,3 | 33,4 | 45,7 | 6,3 | 4,1 | 1,1 | 0,3 | |
| Матиано-Фирабская волость | 1908 | — | — | 8,8 | 30,4 | 35,6 | 6,6 | 0,6 | |
| | 1917 | 0,6 | 2,9 | 11,6 | 15,1 | 29,8 | 22,7 | 10,0 | |
| Ходжентский уезд | | | | | | | | | |
| Гуляканджозская волость | 1908 | — | 11,5 | 15,2 | 21,9 | 20,1 | 9,6 | 3,1 | |
| | 1917 | 1,7 | 19,5 | 22,8 | 9,3 | 14,2 | 10,7 | 14,6 | |



честву земли всего только 2%. Эти данные являются свидетельством, во-первых, сравнительно слабой интенсивности хозяйств Самаркандской области, во-вторых, меньшей раздробленности, меньшей парцелляризации хозяйств. Однако это не означает, что процесс дробления и разорения маломощных хозяйств не имел места. Для приведения данных в соответствие с принятой нами классификацией группировка землевладения от 0,51 до 1,0 десятины и от 1,1 до 2 десятин объединена в категорию от 0,5 до 2 десятин. Данные представляют собой материалы анкетного опроса, дающие более точные сведения о землевладении. Следует заметить, что данные анкеты значительно отличаются своей добротностью от материалов, полученных в результате обследования, произведенного поземельно-податными комиссиями, опубликованными Самаркандским областным статистическим комитетом. Поземельно-податные комиссии при группировке хозяйств не принимали во внимание земли в «чужой даче», то есть принадлежавшие одному владельцу, но расположенные в различных частях волости или уезда. Подсчет производился только на основе учета земельной площади в «своей даче».

Анкетные данные ревизии Палена лишены указанных недостатков, поэтому для анализа нами использованы в таблице именно эти материалы. Несмотря на различия природно-климатических, почвенно- и агротехнических условий, приводимые показатели при всех колебаниях дают возможность установить:

— рост числа хозяйств «с наделом»: по Дюрткульской волости от 0,7% до 3,2%, по Каль-Курганской — от 14,2% до 19,4%, по Каракалпакской — 2,7% и 4,5%, по Махалинской 25,9% и 33,4% и по Гулякандозской волости от 11,5% до 19,5%. Эти данные являются свидетельством дальнейшего разорения и раздробления дехканских хозяйств;

— продолжавшееся увеличение числа мелкокрестьянских хозяйств, размер землевладения которых колебался от 0,5—2 десятин, например, по Дюрткульской волости — от 7,4% до 26,4%, соответственно по Каракалпакской волости 20,3% и 31,6%, по Гулякандозской — 15,2% и 22,8% и т. д.

Таким образом, процесс парцелляризации, весьма характерный для начала XX в., в последнее десятилетие

перед Октябрьской революцией, имел тенденцию к постепенному росту;

— процесс сокращения удельного веса середняцких хозяйств. Так, по Дюрткульской волости это сокращение выражается следующими цифрами — с 20,5% до 18,7%, по Каль-Курганской — с 10,6% до 9,1%, по Каракалпакской — с 24,3% до 21,8%, по Гулякандозской с 21,9% до 9,3%. Это изменение не прошло незамеченным для составителей «Материалов всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», которые дали весьма точную характеристику указанному процессу: «Несмотря на то, что ко времени сенаторской ревизии землевладение в Самаркандской области в волостях хорошо орошенных было чрезвычайно мелким, тем не менее в течение небольшого промежутка времени, отделяющего сенаторскую анкету от переписи 1917 г. (8—9 лет), — это дробление шло быстрым шагом вперед и совершалось не за счет крупных, а за счет хозяйств средней обеспеченностью землей».

Процессы, протекающие в недрах дехканского хозяйства, имели место в различных районах Туркестана и в то же время имели одну и ту же неизменную тенденцию, позволяющую определить ее как закономерную эволюцию землевладения указанной категории дехканства. Конкурентная борьба наносила серьезный удар не только по позициям мелкого крестьянского хозяйства, но и затрагивала более или менее обеспеченных дехкан, низводя часть из них до положения бедняков или заставляя ликвидировать свое землевладение;

— сокращение удельного веса категории хозяйств размером от 5—10 десятин почти во всех волостях, что свидетельствует, что не эта категория «пожирала» разорявшиеся «середняцкие» хозяйства. Короче говоря, категория землевладением 5—10 десятин не была теми устойчивыми хозяйствами, которые являлись основным поглотителем части разоряющихся середняцких хозяйств;

— категорией, с которой по существу начинается концентрация земельной собственности, являлись хозяйства размером 10—20 десятин, но наиболее — в хозяйствах более 20 десятин. Так, по узбекской волости рост в течение 1908—1917 годов составил — 1,5% и 8,9%, по Гулякандозской — 3,1% и 14,6% и т. д. В 18 495 хозяй-



ствах категории 10—20 десятин, составляющих 11,8% ко всему количеству хозяйств, было сосредоточено 277 338 десятин, или 28,2% всего земельного фонда. В категории более 20 десятин 8 778 хозяйств, составлявших всего 5,6% к общему количеству хозяйств, владели 284 578 десятинами, или 29,0%, а вместе обе категории распоряжались 57,2% земельного фонда, в то время как по количеству хозяйств они занимали скромный удельный вес, равный 17,4%. Нельзя не заметить при этом, что на одно хозяйство высшей группы приходится вдвое больше земельной площади, чем в категории 10—20 десятин и более чем втрое, чем в категории 5—10 десятин.

Эти данные — неопровержимое свидетельство того, что и для Самаркандской области характерны концентрация большей части земельного фонда в руках немногих крупных и крупнейших хозяйств и ничтожный удельный вес земельного фонда в руках громадного большинства парцеллярных хозяйств.

Исследование аграрных отношений было бы неполным без учета финансово-кредитных отношений, в которых развивалось дехканское хозяйство.

Характерной чертой кредита в условиях Туркестана в отличие от кредита, используемого капиталистом для развития сельскохозяйственного предприятия, где кредит является основным средством для расширения производства, являлось использование кредита дехканином преимущественно для пропитания семьи в течение вегетационного периода. Другими словами, кредит для хлопковода имел больше потребительский, чем производительный характер.

На примере Ферганской области, типичной и в сущности основной хлопковой базы русских фабрик, попытаемся показать зависимость развития хлопководства от кредита и связанных с этим изменений дехканского хозяйства (табл. 12).

Динамика посевных площадей под хлопчатником позволяет нам разделить так называемое промышленное хлопководство на три периода.

Первый — с 1889 по 1901 год, характеризующийся в основном ростом хлопководства; второй — с 1902 по 1908 год, характеризующийся относительной депрессией, когда рост посевов хлопка почти приостановился; тре-

Таблица 12

**Динамика посевов хлопчатника** (в Ферганской области)

| Годы | Площадь посевов хлопка (в га) | Годы | Площадь посевов хлопка (в га) | Годы | Площадь посевов хлопка (в га) |
|---|---|---|---|---|---|
| 1888 | 37 893 | 1899 | 169 724 | 1908 | 208 636 |
| 1890 | 55 897 | 1900 | 203 654 | 1909 | 227 402 |
| 1892 | 98 134 | 1901 | 229 835 | 1910 | 259 245 |
| 1893 | 39 233 | 1902 | 190 418 | 1911 | 289 732 |
| 1894 | 89 998 | 1903 | 162 918 | 1912 | 279 334 |

тий — 1909—1913 год, характеризующийся в основном (за исключением 1912 г.) значительным расширением хлопковых площадей.

Рассмотрим взаимозависимость кредита и развития хлопководства.

Специальная комиссия, созданная для рассмотрения причин продовольственных затруднений, записала: «Положение, в котором находилось хлопководство в 1901 году, не явилось результатом нормального роста. Золотой дождь, сыпавшийся из касс коммерсантов, дал этот неестественно высокий рост хлопчатника»[1]. С. А. Выгодский, довольно тщательно изучивший влияние кредита на развитие хлопководства в Туркестане, отмечал: «...из касс московских и лодзинских фирм посыпался золотой дождь. Площадь под хлопчатник действительно расширилась до 229 835 га по Ферганской области (в 1900 г. эта площадь составляла 203,654 га)».[2]

Выше мы отмечали, что в начале развития хлопкового дела фирмы «великодушно» обращались с «озадаченными» дехканами, довольствуясь и без того большими прибылями на разнице местных цен на хлопок, которые они сами же устанавливали, и ценами, стоящими в мануфактурных центрах. С. Понятовский писал: «Земледельцы довольно охотно стали принимать даровые семена и задатки, обязуясь сеять хлопчатник и доставлять по договорной цене (в 1 руб. 20 коп.— 1 руб. 60 коп. за пуд), несмотря на московские цены, которые,

[1] «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1908, стр. 320.
[2] *С. А. Выгодский.* «Сельскохозяйственный кредит в дореволюционной России», М., 1931, стр. 41.



быть может, и допускали платить гораздо дороже»[1]. Следовательно, первый период развития промышленного хлопководства, характеризующийся ростом посевов хлопчатника, как мы выше показали, объясняется большими размерами предоставляемого дехканам кредита.

Однако, несмотря на большие задатки и на увеличение посевных площадей, урожай 1901 года не позволил дехканам рассчитаться с долгами (правда, известное влияние имели свое место в понижении нашествия саранчи, а также понижение цен в Ливерпуле на американский хлопок и на русский хлопок в Москве. Однако не это было причиной резкого сокращения посевов в 1902—1903 годах, а ростовщический характер кредита, колоссальная задолженность населения, отсутствие каких-либо накоплений у дехкан в годы хороших урожаев были причиной того, что один лишь неурожайный 1901 год лишил дехкан возможности расплатиться со старыми долгами. «Вестник финансов» писал: «Культура хлопчатника не обогатила земледельцев, чему доказательством могут служить задолженность производителей хлопка и невозможность для многих обрабатывать свои небольшие поля собственными средствами. Этим обстоятельством, главным образом, и объясняется сокращение посевов хлопчатника в Фергане в 1902 году более чем на 30%. Вследствие того, что большинство фирм, боясь не вернуть своих денег в случае, если посевы хлопчатника будут уничтожены саранчой, воздерживались от выдачи авансов»[2].

И. М. Слуцкий, довольно хорошо знакомый с банковскими операциями, отмечал: «Задолженность населения, которая в 90-х годах была еще ничтожной, в 1903 году достигла такой степени, что можно положительно утверждать, что более половины населения в Ферганской области безысходно закабалено»[3].

Представитель торгового дома братьев Крафт Мейеркорт на собрании Биржевого комитета прямо заявил, что «в сезон 1908—1909 гг. выдавалось меньше авансов, чем в сезон 1907—1908 гг.»[4].

[1] *С. Понятовский.* «Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области», СПб, 1913, стр. 74.
[2] «Вестник финансов», СПб, 1903, стр. 425.
[3] «Туркестанское сельское хозяйство». Ташкент, 1911, стр. 351.
[4] Кокандский Биржевой комитет, 1909 г., Коканд, 1910, стр. 93.

Недород хлопка в сезон 1907—1908 годов понизил покупательную способность населения и естественным следствием оказалась масса неплатежей мануфактурным и другим фирмам и банкам.

Как мы выше отмечали, третий период развития предвоенного хлопководства отмечен значительным увеличением площадей под хлопком.

Давая оценку урожая хлопка в 1909 году, Кокандский Биржевой комитет отмечал:

«Несмотря на крупную непокрытую задолженность сартов и на угнетенное в то время состояние русского хлопкового и бумагопрядильного рынков фирмы на совещании высказали, что разумная политика властно заставляет их продолжать финансировать население под хлопок не менее обычного размера, т. е. 9—10 млн. руб., из них до 1,25 млн. руб. при первых полевых работах, не считая старой задолженности в 1,5 млн. руб. ... потребность населения всех сумм, ассигнованных хлопковыми фирмами, определилась в 1,6 млн. руб. Фирмы не выяснили крайнюю возможность повысить размер весенних задатков до 1,75 млн. руб., т. е. на сумму 500 тыс. руб. выше первоначальных предложений, для каковых фирмам не понадобится специальной формы кредита... Были выданы населению в вышеуказанном размере задатки, а также и семена, причем в деятельности хлопковых фирм была заметна в большей степени, чем прежде, забота, чтобы деньги попали самому поставщику и притом в нужное время: помимо весенних задатков, лишней выдачи при окучках и сборе, делались также в увеличенных против начальных смет размерах вследствие улучшения дел фабричной русской промышленности. Очень заметную поддержку оказали также уездные ссудные кассы, а главное, раздача денег администрацией из продовольственного и других капиталов исключительно на покупку продовольственных хлебов»[1].

Результатом столь больших кредитов было увеличение площадей с 208 636 га в 1908—1909 годы до 227 402 га в 1909—1910 годы, то есть прирост площадей под хлопчатник за один год составил почти 19 тыс. га.

В последующие годы третьего периода развития «промышленного» хлопководства (за исключением 1912 г.) происходило дальнейшее расширение посевных площадей в определенном соответствии с ростом кредитов, предоставляемых дехканам фирмами и банками через аппарат комиссионеров и чистачей. В частности, в 1911 году посевы под хлопчатник в Ферганской области увеличились на 37 781 десятину (по сравнению с

[1] Кокандский Биржевой комитет, 1909 г., Коканд, 1910, стр. 8—9.



1910 г.), или на 16,5%[1]. «Местное население с ранней весны, получившие солидный кредит от хлопковых фирм в виде задатков под новый урожай, значительно увеличило площадь под хлопковые посевы за счет культуры хлебных и кормовых трав»[2].

Нет необходимости останавливаться на погодичном изложении роста кредитов и соответственного увеличения посевов хлопчатника, так как последующие годы представляют аналогичную картину. Остановимся на причинах сокращения посевов хлопка, несмотря на значительные размеры кредита.

Вот как описывает Кокандский Биржевой комитет подготовку к сезону 1912 года.

«Ранней весной 1912 г. началась подготовка Ферганы к новому сезону. Подготовка эта со стороны хлопковых фирм началась небывало рано и прошла чрезвычайно горячо. Мы уже упомянули о хороших результатах для торговцев хлопком, полученных от предыдущего урожая, что не могло не вызвать с их стороны стремления обеспечить себя и в будущем «известным оборотом». Необходимо также отметить, что весной 1912 года произошло объединение двух крупнейших фирм Туркестана — Андреевского товарищества и Вадьяевского товарищества, которые стремились захватить Ферганский хлопковый рынок в свои руки. Образование этого крупнейшего объединения оказало «тяжелое давление на местный конкурирующий рынок», и «остальные предприятия (т. е. предприятия, не вошедшие в это объединение — *А. Ю.*) не могли тоже примириться с мыслью о добровольном отказе от занятых им позиций, и с самого конца зимы начались переговоры с подвозчиками хлопка и заключение с ними договоров на будущий сезон и выдача им задатков под будущий товар (т. е. хлопок — *А. Ю.*). Усиленная конкуренция вызвала излишнюю горячность и неблагоразумную щедрость (?) со стороны фирм. Туземное население, не пожавшее полных плодов своих трудов от предыдущего сезона, вследствие небывало высоких цен хлебов и кормов, брало деньги охотно, нуждаясь в них для своего пропитания...»[3], и даже несмотря на золотой дождь, полившийся на Фергану, посевы под хлопчатник 1912 года были далеко не крупными, что вполне понятно: население, израсходовавшись на продовольствие при продолжающейся дороговизне предметов первой необходимости, не могло не уделить им более посевной площади, чем за год до этого»[4].

[1] Кокандский Биржевой комитет, 1911 г. Коканд, 1915 г., стр. 28.
[2] Там же, стр. 26—27.
[3] Кокандский Биржевой комитет, 1912, Коканд, 1913, стр. 8—9.
[4] Там же, 1913, стр. 8.

По данным В. Юферева, 1 пуд пшеницы стоил в 1912 году 1 руб. 80 коп.[1], 1 пуд хлопка-сырца — 3 руб. 20 коп. Однако на деле пшеница обходилась дехканину значительно дороже: «население, переплатившее на своем продовольствии, признало необходимым часть полей, занятых в прошлом году под хлопок, занять под культуру хлебов...»[2]

Другой, не менее важной, причиной сокращения площадей под хлопок в 1912 году был колоссальный урожай хлопка в США в 1911 и 1912 годах, что естественно вызвало снижение цен на хлопок на мировом рынке и соответственно в Москве.

Если пуд хлопка-сырца на туркменском рынке продавался в 1910 году по 4 руб. 75 коп., то в 1911 году цена снизилась до 3 руб. 50 коп., а в 1912 г.— по 3 руб. 20 коп.[3] При низкой хлопковой конъюнктуре и при все возрастающей цене на пшеницу и другие продовольственные товары дехкане стали сеять зерновые за счет сокращения посевов под хлопчатник. Посевы сокращались не только в период высокой хлопковой конъюнктуры, но особенно в период низких цен на хлеб. Посевы хлопчатника уменьшились в 1912 году на 4% по сравнению с 1911 годом примерно на 10 418 десятин.

Сокращение посевов хлопка в 1912 году совпало с неблагоприятными погодными условиями. Только в Ферганской области «повреждения от суховеев оказались чрезвычайно значительными, некоторые волости пострадали на 50—75% своего урожая и общий круговой вред от них мы оценим в 15%[4],— констатировал Кокандский Биржевой комитет. Урожай хлопка в 1912 г. составил $6^1/_2$ млн. пудов, то есть на 20% меньше ожидаемого.

Из-за плохого урожая дехкане оказались в весьма тяжелом положении и не могли расплатиться с полученными ссудами. «К началу марта 1913 года было выяснено с точностью, что хлопковые фирмы имели возможность собрать лишь до 60% розданных ими под урожай 1912 года задатков, оставшаяся же часть приблизительно на 40% должна была перейти на следующий сезон»[1].

[1] *В. Юферев,* «Справочная книжка по хлопководству в СССР», М., 1925, стр. 496.
[2] Кокандский Биржевой комитет, 1914, Коканд, 1915, стр. 28.
[3] *И. Севастьянов.* «Хлопководство и хлопковая промышленность Туркестана», М., 1921, стр. 11.
[4] Кокандский Биржевой комитет, 1911, Коканд, 1912, стр. 11.



В 1913 году в хлопководство было вложено кредитов меньше, чем в прошедшем. Однако, если принять во внимание, что за населением осталось 40% кредитов, выданных на 1912 год (14 млн. руб.), да прибавить к этому кредит по учету векселей на 1 января 1913 года (10 млн. руб.), то окажется, что кредит составлял громадную цифру, равную 25 млн. руб.[2] Площадь под хлопком по Фергане в связи с увеличением кредита увеличилась в 1913 г. до 270 902 десятин, что на 15 тыс. десятин больше 1912 года. Однако урожай в 1913 году был немногим более урожая 1912 года. Реализация хлопка прошла весьма на высоком уровне (14 руб. на пуд волокна, что на 3 руб. дороже предыдущего года). Официальная же стоимость урожая 1913 года выразилась гигантской суммой в 102 200 тыс. рублей.

Хлопковые фирмы, убедившись, что с каждым годом возрастает сумма остатков по выдаваемым задаткам в наступившем сезоне, приняли энергичные меры к их сокращению. В результате, дехкане, сдавшие хлопок своим заимодавцам, снова не только остались без денег, но и опять не могли более или менее удовлетворительно рассчитаться с хлопковыми фирмами по задаткам. Задолженность населения была настолько велика, что для покрытия ее требовался не один хлопковый сезон. Не имеющее денег население не могло покупать товары и не могло рассчитаться за старые покупки. Базары почти бездействовали. К январю 1914 года на многих базарах до 75% лавок стояли пустыми, а из оставшихся 25—15% были переведены на чужое имя. В течение 1913 года в Фергане было протестовано векселей на 12 млн. руб. Торговля мануфактурой в этом году упала до низшего своего уровня. «Портфель» мануфактуристов достиг почти 100% годового оборота, а просрочки — 35% портфеля. Кризис протекал с такой сокрушительной силой, что пережить и выдержать его не могли даже многие старые солидные местные оптовые фирмы[3].

[1] ГИАМО, ф. 143, оп. 1, ед. хр. 52, д. 499, л. 3.
[2] Кокандский Биржевой комитет, 1913, Коканд, 1914, стр. 9.
[3] Кокандский Биржевой комитет, 1914, Коканд, 1915, стр. 32.

Весьма характерную картину системы эксплуатации дехканства, которая велась в хлопковых районах, можно получить из отчета податного инспектора, ревизовавшего Ферганскую область:

«Вся хлопковая операция ведется в кредит, хлопковые фирмы дают деньги скупщикам непосредственно осенью и зимой под будущий урожай, обеспечивая себя обязательством доставки к определенному сроку известного количества хлопка по установленной цене. Земледельцы, нуждаясь в деньгах, конечно, охотно берут их, надеясь путем аренды увеличить свой обыденный клочок посева, и подписывают обязательства о доставке к какому-то времени, столько-то пудов хлопка, такого-то качества и по такой-то цене. Случился год подобный отчетному. Хлопок запоздал и вышел качеством ниже принятого по обязательству и благосостояние земледельца пошатнулось, хлопок не принимается, а обязательство уплатить, неустойка им доставки хлопка определенного качества остается. И земледельцу приходится или сильно уменьшить цену на хлопок или, продав свой за бесценок, скупать по мелочи хлопок требуемого качества, отчего и поднимается цена на хлопок. Чаще всего приходится подписать новое обязательство на будущий урожай. Причем, разница в стоимости доставленного хлопка против обещанного, засчитывается в задаток и, таким образом, на будущий год земледельцу приходится засевать, не получая денег от фирмы или получая значительно меньше.

Благодаря таким ссудам фирмами и богачами мелким землевладельцам, наблюдается страшная задолженность и зависимость малоземельного землевладельца, благосостояние которого сильно падает и ежегодно целые сотни таковых землевладельцев принуждены расставаться с частью своих мелких клочков земли, полностью предоставляя их в собственность кулаков, баев. Сами же затем идут в чайрикеры-дольщики, отдавая свой труд и все выгоды от него в пользу своих патронов»[1].

Дехканство по существу уже к началу первой мировой войны было заведено почти в совершенный тупик всей системой колониального угнетения и чрезмерной эксплуатации производителей материальных благ. С. Понятовский писал в 1913 году: «...ссуда под будущий урожай хлопка ведет к разорению хозяйства»[2]. Ему вторил хлопковый комитет в 1914 году: «В случае неурожая, долг переносится на другой год, процент возрастает и, очень часто, дело кончается продажей земли»[3].

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, часть 1, отдел 2, СПб, 1911, стр. 527.

[2] *С. Понятовский*, Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, СПб, 1913, стр. 321.

[3] Бюллетень хлопкового комитета, М., 1914, № 4, стр. 7—8.



Оба этих документа свидетельствуют о нарастающем процессе неустойчивости дехканского парцеллярного хозяйства и усилении обезземеливания. Надо отметить, что это явление было не новым, не чрезвычайным, возникшим в указанное нами время. Еще в 1901 году, по данным книг народных судей, залог земли и имущества (недвижимого) по четырем уездам Ферганской области представлял следующую картину:

| Уезд | Взято в залог по векселям на сумму, руб. | Совершено сделок | Заложено имущества на сумму, руб. | Совершено сделок |
|---|---|---|---|---|
| Андижанский | 3 666 322 | 40 506 | 160 302 | 2 322 |
| Скобелевский | 799 484 | 11 479 | 3 000 257 | 22 793 |
| Наманганский | 1 720 885 | 15 443 | 680 164 | 4 482 |
| Кокандский | 617 126 | 8 890 | 2 122 230 | 23 508 |
| | 6 880 817 | 76 319 | 5 962 948 | 53 105 |

Всего было совершено 129 424 сделки на сумму 12 763 763 руб.

В последующие годы сделки по продаже земли получили еще большее развитие. В 1907 году только по Маргиланскому уезду Ферганской области было зарегистрировано 106 189 кредитных сделок на сумму 13 950 000 руб., что составляло в среднем 235 сделок по 130 руб. на каждую тысячу жителей уезда.

Следующие данные, составленные на основании материалов ревизии графа Палена, показывают сравнительную характеристику роста сделок в Маргиланском уезде с 1901 по 1907 год.

| Годы | Количество сделок | В % к 1901 г. | Сумма руб. | В % к 1901 г. | Средняя сумма 1 сдел. | То же в % |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 1901 | 40 507 | 100 | 3 666 322 | 100 | 90 | 100 |
| 1907 | 106 189 | 262 | 13 950 000 | 380 | 131 | 145 |

К 1901 году в Фергане около 30% всех хлопковых земель было заложено, а к 1903 году более 50% дехкан Ферганской области было «безысходно закабалено»[1].

[1] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 8.

Отчуждение земель через казиев достигло таких катастрофических размеров, что правительство вынуждено было ограничить норму свободного отчуждения до 1 десятины. Однако это решение правительства обходилось, совершались фиктивные запродажи, с внешней стороны носящие официальный характер. Согласно статье 208 «Положения об управлении Туркестанским краем» для залога земли дехканина необходима была купчая крепость, но купчая крепость была совершенно не нужна при отчуждении земли. Это была лазейка, которой широко пользовались баи, чистачи и ростовщики, скупая за бесценок земли некредитоспособных дехкан; так в руках небольшой группы баев концентрировались громадные массивы плодороднейших земель. Крупнейший бай Авальской волости Ирматбай Субанкулов с 1869 по 1908 год приобрел 68 участков, всего за 8.062 руб. Земельные участки Ирматбая составляли в 1908 году 200 десятин. Другой ферганский бай, небезызвестный Джурабай Паисат (Ассакинская волость) имел 400 десятин плодороднейшей земли, из которых наследованных земель было 36 десятин, остальные были приобретены в течение 40 лет.[1] Джурабай имел собственный хлопкоочистительный завод, мельницу, караван-сарай, нанимал большое количество мардикеров и чайрикеров.

Опасение образования сельского пролетариата и роста революционных элементов в деревне, стремление приостановить произвол казиев нашло свое яркое выражение в протоколах заседания съезда хлопководов (1912 г.), в которых, в частности, отмечалось: «Желательно приостановить до выяснения дела фиктивные запродажи земель по сделкам, утверждаемым казиями, играющие роль залоговых в ссудных операциях по залогу земель, желательно ограничить компетентность казиев в сфере мобилизации земли мелких собственников-туземцев»[2].

Однако эти пожелания так и остались на бумаге. Процесс обезземеливания маломощных мелких дехканских хозяйств, с одной стороны, накопление громадных земельных массивов в руках немногих крупных феодалов-баев, с другой, невозможно было остановить благими намерениями и пожеланиями.

[1] Материалы для изучения хлопководства, № 1, 1916, стр. 50—51.
[2] Материалы для изучения хлопководства, выпуск VIII, стр. 41.



Обезземеливание дехкан в Туркестане носило такой характер, что хлопкороб, вынужденный продать землю, чтобы расплатиться с долгами, попадал в такие условия, при которых земля его продавалась значительно ниже рыночной цены. Корреспондент газеты «Новое время» в статье «Хлопководство в Туркестане», отмечая, что ростовщику за бесценок достается земля бедного дехканина, писал: «земля некредитоспособного дехканина продается не сразу, земля забрасывается, дичает, теряет свою ценность и, когда последняя упадает до 10—20% действительной стоимости, земля назначается в продажу»[1].

Так, например, в Маргиланском уезде после неурожаев 1907—1908 годов многие хлопкоробы, задолжавшие фирмам торгово-промышленного товарищества Познанского и товарищества «Л. Кноп», вынуждены были продавать свои земли за долги по 300—500 руб. за десятину, в то время как средняя цена десятины земли в Хакентской волости в том же году составляла 990 руб. Местные ростовщики широко практиковали выдачу денег под залог недвижимости, при этом оставляли за собой право на владение землей в случае несвоевременной уплаты долга. Это право легко скреплялось печатью судьи-казия, который получал за услуги хорошее вознаграждение. Приведем один пример из такой записи залоговой сделки:

«Один участок земли в селении Битжан-Тепе (граничащий с востока землею Ирмат-Ходжи, с севера — частью землею Шерабаба-Ходжи, и частью Абдулла-Ходжи, с запада землею Асраткулова, с юга частью землею Кара-Баши и частью землею Абдулла-Ходжи) я житель селения Багиджан-Тепе, Акбар-Магаиров занял у Ирмат-бая Суванкулова 330 руб. и обязуюсь возвратить эту сумму по истечении 10 месяцев в присутствии народного судьи и доверяю Ирмат-баю в том, что если я не смогу возвратить ему эту сумму, он, Ирмат-бай, продает эту землю и получает занятую сумму, а если останется лишнее — вернет мне, а если не останется — я должен доплатить».

Нельзя не заметить характерную деталь залоговой записи: в случае несвоевременной уплаты или невозможности оплаты долга (что встречалось чаще) распоряжение заложенным земельным участком полностью переходит в руки бая, то есть невыполнение условий заключенной денежно-кредитной сделки ставит земле-

[1] ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 197, л. 52.

дельца в полную зависимость от кредитора, который превращается в вершителя судеб дехканина-хлопкороба.

Залог земли, зарегистрированный у местного судьи-казия, не позволяет определить размеры участка. Тем не менее это важно установить для того, чтобы знать наиболее распространенную норму залога земельного участка, принятую как типичную для рассматриваемого периода. Точных данных, характеризующих положение в целом, в статистике не имеется. Однако частично ответить на этот вопрос можно по следующим данным: (табл. 13).

Таблица 13

| Разряды местностей | % хозяйств, покупавших земли | % хозяйств, продавших земли | % прибегавших к кредиту | % кредитовавшихся для покупки земли | % сеявших хлопок | Приходится поливной земли на 1 хозяйство (в дес.) | Средний размер задолженности (руб.) |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Долинные волости | 12,8 | 7,7 | 45,6 | 6,9 | 44,8 | 2,90 | 203,9 |
| Долинно-степные | 10,7 | 6,1 | 28,3 | 1,6 | 46,7 | 6,94 | 88,1 |
| Предгорные | 7,1 | 3,7 | 40,3 | 4,6 | 6,0 | 4,45 | 128,8 |
| Горные | 4,9 | 1,6 | 43,6 | — | — | 1,33 | 34,8 |

Эти данные позволяют установить:

1) Купля-продажа земельных участков более всего была распространена в долинных местностях, то есть в тех районах, где в основном находились интенсивные хозяйства, со сравнительно высоким развитием товарно-денежных отношений, иными словами, в тех районах, где была сосредоточена культура хлопка.

2) Наиболее высокий удельный вес занимали также долинные местности и по хозяйствам, продававшим земельные участки и по проценту, кредитовавшихся для покупки земли.

3) Долинные местности занимают первое место и по среднему размеру задолженности, которая представляет собой синтезированную сумму показателей по большинству хозяйств, взятых на учет.

В материалах ревизии К. Палена только по Авальской (хлопковой) волости имеются исчерпывающие данные, необходимые для ответа на поставленные нами вопросы. Представляем одну из многочисленных выборок (табл. 14).



Таблица 14

**Продажа земли, зарегистрированная в книгах Авальского народного судьи, за 1907 г.**

| Месяцы | Число сделок | Сумма сделок (в руб.) | Колебания суммы в отдельных случаях |
|---|---|---|---|
| Январь | 31 | 4 828 | 12—300 |
| Февраль | 54 | 7 592 | 12 300 |
| Март | 103 | 20 130 | 19—300 |
| Апрель | 50 | 8 708 | 50—300 |
| Май | 31 | 4 566 | 15—300 |
| Июнь | 44 | 6 563 | 10,5—300 |
| Июль | 31 | 6 474 | 10—700 |
| Август | 22 | 3 735 | 26—690 |
| Сентябрь | 28 | 6 424 | 25—1050 |
| Октябрь | 15 | 1 958 | 40—290 |
| Ноябрь | 39 | 6 603 | 50—300 |
| Декабрь | 33 | 5 721 | 22—300 |
| Итого | 485 | 83 302 | 10—1050 |

Если учесть, что ревизией Палена в Авальской волости зарегистрировано 2575 дворов, с которыми только за один 1907 год было совершено 485 сделок на 5,3 двора, одна сделка значит каждый пятый двор был объектом сделки по продаже земли. Это очень высокий показатель вовлечения хозяйств волости в товарно-денежные отношения. Следует подчеркнуть, что речь идет только о 1907 годе и только о сделках, зарегистрированных у «народного судьи». О всех сделках, произведенных в обход «народных судей», данные отсутствуют. Как показывает таблица, сделки совершаются, главным образом, зимой, весной: 42,6% падает на февраль, март, апрель.

По тем же данным, «... по отношению к поводам, благодаря которым продается земля при переписи, были опрошены 425 хозяйств Авальской волости, и из них 169, или 39,8%, ответили, что землю им пришлось продавать «на уплату долгов»[1].

Концентрация земельной собственности, типичная для условий Туркестана, прослеживается на примере генезиса хозяйства Ирматбая Субанкулова из Авальской волости. Вот его история. В 1851 году он получил по нас-

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства, часть I, отдел I, СПб., 1911, стр. 122.

ледству 9 участков земли в своем селении и с 1869 года начал скупать земли. К 1908 году Субанкулов приобрел 68 участков на сумму 8.062 руб. 47 участков были скуплены в Авальской, а 21 — в соседней Чимионской волости. К 1908 году в его распоряжении были земельные участки площадью более 200 десятин. Рост землевладения Субанкулова виден из следующих данных:

| Годы | Число покупок (купля земельных участков) | В среднем за 1 год |
|---|---|---|
| 1869—1878 | 8 | 0,8 |
| 1879—1888 | 13 | 1,3 |
| 1889—1898 | 20 | 2,0 |
| 1899—1908 | 27 | 2,7 |

Цифры бесстрастно свидетельствуют о поступательном нарастании темпов концентрации значительного количества земельных участков в руках таких, как Субанкулов. В целом, темпы концентрации так же, как темпы отчуждения, возросли по сравнению с 1869 годом более чем в 3 раза, а по сравнению с 1879 годом более чем в 2 раза. «Дробление земельной собственности в Туркестане происходит не только вследствие прироста населения и семейных разделов,— вынуждены были признать составители отчетов ревизии Палена,— а также вследствие постепенной утраты малоземельными группами принадлежащих им земель путем отчуждения»[1].

Таким образом, особенности концентрации земельной собственности и процессов обезземеливания заключались в том, что концентрация осуществлялась не путем отчуждения крупных земельных массивов, а главным образом земельных участков, площадь которых колебалась в пределах 0,5—0,9 десятины, концентрация происходила за счет присоединения к байским землям не всей земельной собственности, а только части ее, то есть мобилизация хотя и носила определенно выраженный характер насильственного отчуждения на основе долговых обязательств, однако процесс этот протекал более медленными темпами, чем при аналогичных условиях мобилизации земельной собственности в Западной Европе. Отличительная особенность концентрации землевладения в начале XX в. заключалась в том, что этот

[1] Материалы к характеристике народного хозяйства, часть I, отдел 1, СПб, 1911, стр. 126.



процесс был связан с куплей-продажей земельной собственности, несмотря на то, что условия этой операции носили уродливый, на первый взгляд, характер, не имеющий сколько-нибудь значительного различия от той практики, которая существовала в Средней Азии на протяжении нескольких столетий. При всех недостатках и недочетах, при всех отклонениях и колебаниях концентрация земельной собственности в Туркестане конца XIX и начала XX века, особенно в предреволюционные годы, качественно отличалась от всех предшествующих периодов, во-первых, тем, что протекала на исторически более высокой ступени развития производительных сил, в орбиту которых была втянута вся хозяйственная система Туркестана-колонии, во-вторых, тем, что в условиях эксплуатации со стороны царизма и капиталистического империализма все процессы аккумулировались в товарно-денежных отношениях и были пронизаны снизу доверху этими отношениями.

В литературе как дореволюционного, так и советского периода существуют различные мнения о факторах, определяющих взлеты и падения в развитии хлопководства. В частности, авторы по своему очень ценной монографии «Промышленные заведения Туркестанского края», З. Заорская и А. Александер и указывают на следующие причины, возродившие промышленное хлопководство и определявшие его развитие: ввозные пошлины на импортируемый в Россию иностранный хлопок, льготное обложение посевных площадей под хлопчатник американских семян и завершение строительства железных дорог на территории Средней Азии.[1] В качестве аргумента авторы ссылаются на завершение строительства железной дороги, соединившей Среднюю Азию с Россией через Оренбург, вызвавшей резкое увеличение вывоза из Туркестана хлопкового волокна, размер которого составлял в 1906 году 9 млн. пуд., в то время как в 1904 году вывозилось лишь 6,4 млн.пудов. Аргументы авторов в данном конкретном случае неверны фактически, так как увеличение вывоза не имеет прямого отношения к развитию хлопководства, а явилось результатом более высокого урожая в 1906 году по сравнению с 1904 годом.

[1] *В. Заорская и А. Александер.* «Промышленные заведения Туркестанского края», ч. 2, стр. 1, 6, 7, 11.

В то же время авторы недооценивают, а иногда явно игнорируют другой весьма важный фактор — роль кредитов, то есть тех денежных средств, которые оказывали существенное влияние на эволюцию узбекского хлопководства.

В другой работе, представляющей несомненный интерес для исследователя, книге С. Выгодского «Сельскохозяйственный кредит в дореволюционной России», определяющим фактором в развитии хлопкового хозяйства объявляется кредитование хлопководческого хозяйства: «Именно прилив капитала, который в форме кредита переходил к производителям хлопка, и был той непосредственной причиной, которая обусловливала расширение или сокращение посевов хлопчатника в тот или иной период его развития»[1]. Хотя автор обставляет свой вывод различными другими аргументами, но по мере дальнейшего изложения приходит, почти, к тем же результатам, о которых мы только что говорили.

Мы не согласны ни с первой трактовкой, ни со второй, как неполной и недостаточной. В соответствующем месте мы имели возможность показать, что причина развития «промышленного хлопководства» значительно глубже, чем те частные моменты, которые на определенном этапе играли ту или иную роль. Первопричиной развития, естественно, не могло не быть отсутствие у России надежной и сколько-нибудь крупной хлопковой базы и стремление создать ее в Туркестане. Первоначальные шаги в развитии «промышленного хлопководства» не могли не быть иными, нежели условиями, обеспечивающими всестороннее насаждение и развитие хлопковых посевов американских семян: здесь имели место и методы общеэкономического и агротехнического порядка, как-то: пропаганда и бесплатное предоставление семян, кредитов, льготного обложения хлопчатника по сравнению с другими культурами и т. д. Одни факторы по мере развития усиливались, другие теряли свое значение. Например, такой важный фактор, стимулирующий рост хлопковых посевов, как льготное обложение хлопчатника, в условиях широкого распространения его, естественно, не мог играть той роли, которую он выполнял

[1] *С. Выгодский.* «Сельскохозяйственный кредит в дореволюционной России», М., 1931, стр. 50.



в начале «промышленного хлопководства», а такой фактор, как рост пошлины на иностранный хлопок в отдельные годы и даже периоды, подвергался почти полной дезактивизации и не оказывал оградительного воздействия, находясь под серьезным влиянием мировых цен, устанавливаемых громадным производством хлопка в США.

Железные дороги значительно улучшили и удешевили поставки в хлопковые районы хлеба, что вело к расширению запашек под хлопок и соответственно сокращению площадей, занятых зерновыми. В последний период, особенно после первой русской революции 1905—1907 годов, на первый план выдвигается кредитование хлопководства. Усиленный приток капиталов был вызван несколькими причинами: во-первых, хлопководство, хлопкозаготовки, хлопкоторговля для фирмы давали баснословные прибыли и, что самое главное, хлопок, производимый в Туркестане, обходился фирмам значительно дешевле, чем привозной, по преимуществу американский; во-вторых, к периоду усиленного притока капиталов в хлопководство дехканское парцеллярное хозяйство безвыходно было закабалено. В этих условиях, принимая во внимание, что кредит использовался, главным образом, не как производительный капитал, а в качестве средств для пропитания хлопкороба и его семьи, нельзя не прийти к выводу о том, что кредиты являлись средством, поддерживавшим производительную способность дехканского хозяйства, и превращались в основное средство обеспечения хлопчатобумажных предприятий метрополии необходимым сырьем; в-третьих, начало XX в. характеризовалось усилением сращивания банковского капитала с промышленным и образованием в текстильной промышленности монополистического капитала, что приводило к усилению конкурентной борьбы между крупнейшими финансовыми группировками финансового капитала, каждая из которых стремилась установить свое безраздельное господство на туркестанском хлопковом рынке.

Ниже мы рассмотрим проявление последнего процесса и подробно остановимся на анализе тех рычагов, которые стали играть все более определяющую роль в аграрных отношениях. Настоящая часть нашей работы является до сих пор научно не разработанной или раз-

работанной в самых общих чертах. Достаточно, например, указать на такие авторитеты по истории колониального периода вообще и исследования аграрных отношений в частности, как А. П. Демидов, П. Г. Галузо, Е. Зелькина и другие, в работах которых, по существу, нет даже разделов о деятельности и роли монополистического капитала в сфере хлопководства и связанных с ним отраслей. «Уделив достаточное внимание всем вопросам,— читаем мы у А. П. Демидова,— связанным с этой работой, однако, приходится констатировать очень крупный пробел — отсутствие освещения деятельности как частных, так и государственных банков»[1]. Автор имел определенные намерения восполнить этот пробел. Однако эта задача так и не была решена.

В известной работе П. Г. Галузо[2] вопрос о монополистическом капитале и о деятельности банков в Туркестане обходится совершенно. То же можно сказать и о работе Е. Зелькиной «Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии». Несмотря на то, что именно эта работа должна была охватить вопросы монополизации хлопководства, подчинения их интересам финансовых магнатов, осветить основные рычаги, при помощи которых осуществлялось это господство, то есть деятельность коммерческих банков, все эти вопросы остались за пределами книги.

Надо отметить еще одну работу этого периода. Мы имеем в виду книгу В. Лаврентьева «Капитализм в Туркестане». Заслуга автора состоит в том, что он впервые так широко и всесторонне поставил и, по мере возможности, пытался разрешить вопрос о роли и месте монополистического капитала и деятельности в Туркестане частных коммерческих банков и Государственного банка. Однако ошибочная концепция, корни которой раскрыты нами во «Введении» нашей работы, привели автора к выводам, диаметрально противоположным тем, которые имели место в действительности.

В характеристике коммерческих банков, отделения и филиалы которых функционировали в Туркестане, В. Лаврентьев также допускает существенные ошибки,

[1] *А. П. Демидов.* Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана, М., 1922, стр. 7.

[2] Имеется в виду «Туркестан-колония».



которые в совокупности приводят к ошибочным выводам. Автор и сам понимал это положение, когда писал: «Переходя к характеристике отдельных банков, необходимо оговорить ее очевидную недостаточность, которая проистекает главным образом из того, что, как правило, среднеазиатские архивы дореволюционных коммерческих банков пропали для исследования»[1]. В этих условиях, естественно, В. Лаврентьев мог опираться только на опубликованные главным образом буржуазного направления работы и не мог выйти за рамки тех статистических и прочих материалов, которыми оперировали его предшественники.

Казалось, этот вопрос необходимо было разрешить Е. В. Бунакову, диссертационная работа которого называлась «Развитие капитализма в Узбекистане». Однако автор ограничился только следующим замечанием. «В работе В. Лаврентьева, А. П. Демидова и некоторых других были сделаны попытки выяснить, интересы каких капиталистических групп представляли банки, оперировавшие в Средней Азии, а также какой из этих групп принадлежала ведущая роль».

Из-за недостаточности данных, которыми оперировали все названные авторы, их выводы носят весьма ориентировочный и противоречивый характер.

Серьезная попытка была сделана в последнее время М. П. Вяткиным[2], работа которого носит название, соответствующее неразрешенной до сих пор проблеме: «Монополистический капитал в Средней Азии». Ценность исследования заключается, на наш взгляд, в широком использовании архивного материала. К сожалению, в центре внимания оказался, по существу, только исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ), в то время как значительная часть материала сосредоточена также в московских архивах (в основном в Московском областном историческом архиве — ГИАМО).

Однако М. П. Вяткин, по нашему мнению, пришел в результате своего исследования к ошибочному выводу в оценке основного направления деятельности монополистического капитала в Туркестане в главной отрасли

[1] *В. Лаврентьев,* «Капитализм в Туркестане»..., стр. 85.

[2] *М. П. Вяткин.* «Монополистический капитал в Средней Азии», Фрунзе. 1963, стр. 162.

народного хозяйства — хлопководстве и связанных с ним смежных отраслей. «Процесс акционирования этих отраслей (хлопкоочистительной и маслобойной промышленности — *А. Ю.*),— пишет М. П. Вяткин,— поставил эту основную отрасль хозяйства под непосредственный контроль международного финансового капитала». Стремление правительства сохранить не только политическое господство, но и экономическое преобладание в Туркестане «истинно русскими» элементами, явно преодолевалось наступлением на экономику Туркестана международного финансового капитала», и далее: «...Туркестан, оставаясь в политическом отношении колонией российского царизма, в экономическом — постепенно превращался в колонию международного финансового капитала. Но проникновение международного финансового капитала в экономику края не могло разрушить полупатриархального мелкого дехканского хозяйства»[1].

Таким образом, решение поставленной перед собой задачи автор видит не в столкновении капиталистического империализма с военно-феодальным империализмом, а в столкновении международного финансового капитала с царизмом. Этим автор суживает программу исследования и в последующих главах сводит его лишь к подбору фактов и данных, подкрепляющих положение о подчинении военно-феодального империализма международным монополистическим капиталом.

Между тем более глубокое рассмотрение вопроса показывает, что именно в хлопкоочистительной промышленности позиции военно-феодального империализма, московских банков, которые теснейшим образом были связаны с Туркестанским хлопковым рынком, были достаточно прочными[2].

Идя по линии наименьшего сопротивления, М. П. Вяткин оказывается в положении историков 40—50-х годов, утверждавших отсутствие или чрезвычайно слабое развитие государственно-монополистического капитализма в России.

Между тем последними исследованиями ряда советских историков это положение было отвергнуто и тезис

[1] *М. П. Вяткин.* «Монополистический капитал в Средней Азии», Фрунзе, 1963, стр. 160.

[2] Исторические записки, М., 1956, № 58, И. Ф. Гиндин «Московские банки в период империализма».



о слабости российских монополий был опровергнут. Опровергнуто также навеянное литературой 20-х годов представление о полной зависимости русских банков и царизма от иностранного капитала и все больше утверждается точка зрения тех историков и экономистов, которые признавали наличие в России самостоятельной системы финансового капитала.

Об этом достаточно убедительно говорят данные материалов сессии научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» (1958 г.)[1], решения научного совета секции «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма», результаты которых в обобщенном виде представлены в статье К. Н. Тарновского «К итогам изучения монополистического капитализма в России»[2].

На этих совещаниях и советах на основе достаточно широкого обсуждения большого круга вопросов были определены характерные черты и своеобразие происхождения и развития монополистических объединений и финансового капитала, с одной стороны, как объективное вмешательство государственной власти в экономическую жизнь страны, что привело к раннему возникновению государственно-монополистической тенденции и известному административному регулированию коммерческих банков, а с другой, значительному участию иностранного капитала и банков, использовавших противоречие между иностранными финансово-монополистическими объединениями и обладавшими достаточной свободой действий.

Здесь же надо отметить явно противоречивый характер положений автора в первой главе о том, что «Туркестан оставался запретной зоной для приложения иностранного капитала...», с выводами второй главы о том, что хлопково-маслобойная промышленность ставилась под непосредственный контроль «международного финансового капитала». Ошибочность положений автора о слабости государственно-монополистического капитализма в России и преувеличение влияния иностранного капитала очевидна.

[1] История СССР, 1959, № 3, стр. 83—117, 231—235.

[2] Советская историческая наука от XX к XXIII съезду КПСС (История СССР), сб. статей, М., 1962, стр. 294—331.

Для научного подхода к изучению проблемы правильнее было бы говорить о тесном сотрудничестве между русскими банковскими группами и иностранными монополистическими объединениями.

Как видно, с учетом всех обстоятельств, анализ роли, места и значения монополистического капитала и оказания его воздействия на развитие народного хозяйства в целом и эволюцию аграрных отношений, в особенности, в работе М. П. Вяткина не получил своего отражения. В структурном отношении такой важной отрасли народного хозяйства, как хлопководство, игравшей определяющую роль в развитии всей экономики края, из 162 страниц отведено лишь 44 страницы, в то же время нефтяной промышленности, игравшей в Туркестане сравнительно незначительную роль,— 51 страница.

Главным же недостатком работы М. П. Вяткина мы считаем неверный анализ и совершенно не аргументированные выводы автора о преобладающем значении в хлопководстве иностранного капитала, в противовес русскому финансовому капиталу.

Ниже мы подробно рассмотрим все аспекты многогранной деятельности монополистического капитала через основные экономические финансово-кредитные рычаги и другие органы, функционирующие в Туркестане, стержень которых составляли крупнейшие фирмы, связанные с хлопководством (табл. 15).

Из таблицы видно, что наиболее мощной группой была первая, которая сосредоточивала 21,4% общего количества хлопкоочистительных джин, 32,6% маслопрессов, при основном капитале в 7 млн. руб. Эта группа получала почти миллионную прибыль. Она объединяла 40 хлопкоочистительных и шесть маслобойных заводов, что составляло 20% и 18% от общего числа соответствующих предприятий.

Вторая и третья группы фирм объединяли 11% хлопкоочистительных джин, 28 хлопкоочистительных заводов —14%, и 3 маслобойных завода —9% от общего числа.

Разница соотношений собственных и заемных капиталов у трех групп весьма различны. В частности, эти соотношения у крупнейших среднеазиатских фирм: Потеляховского (1:6), Вадьяевского (1:7), Андреевского (1:32) и других, в среднем — 1:5,8, показывают, что здесь налицо



Таблица 15

**Группировка крупнейших фирм, связанных с хлопководством в Туркестане** (тыс. руб.)

| Наименование фирмы | Объединенные фирмой: джины: штук | джины: в % к общему к-ву | маслопрессы: штук | маслопрессы: в % к общему к-ву | Баланс. оценка имущества | Товары и материалы | Баланс | Основной капитал | Кредиторы | Отнош. собств. средств к заемным | Дебиторы | Балансовая прибыль | % прибыли к осн. капиталу |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Первая группа | | | | | | | | | | | | | |
| Торговый Дом «Бр. Вадьяевы» | 159 | 17,0 | — | 23,4 | 1 156 | 1 275 | 36 338 | 3 000 | 21 472 | 1:7 | 15 429 | 467 | 15,6 |
| Потеляховское торгово-промышленное товарищество | 53 | 5,4 | 10 | 6,6 | 2 124 | 8 419 | 15 079 | 2 000 | 12 382 | 1:6 | 4 361 | 183,5 | 9,1 |
| Андреевское товарищество | — | — | 39 | 2,6 | 2 586 | 1 491 | 10 507 | 2 000 | 6 586 | 1:32 | 5 294 | 215 | 10,7 |
| Итого по I группе | 212 | 26,4 | 49 | 32,6 | 5 866 | 11 185 | 61 924 | 7 000 | 40 440 | 1:58 | 25 084 | 865,5 | 12,3 |
| Вторая группа | | | | | | | | | | | | | |
| 1. Московское торгово-промышленное товарищество | 32 | 3,2 | — | — | 349 | 4 685 | 15 614 | 1 500 | 7 691 | 1:5,1 | 10 480 | 253,5 | 17,0 |
| 2. Торгово-промышленное товарищество «Перс» | 27 | 2,8 | — | — | 4 584 | 7 391 | 26 535 | 2 000 | 18 100 | 1:9 | 6 761 | 352 | 35,1 |
| Итого по II группе | 59 | 6,0 | — | — | 4 933 | 12 076 | 42 149 | 3 500 | 25 791 | 1:7,3 | 17 241 | 605,5 | 25,8 |

Продолжение таблицы 15

| Наименование фирмы | Объединенные фирмой: джины | Объединенные фирмой: маслопрессы | Баланс. оценка имущества | Товарн. и материалы | Баланс | Основной капитал | Кредиторы | Отнош. собств. средств к заемным | Дебиторы | Балансовая прибыль | % прибыли к осн. капит. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Третья группа | | | | | | | | | | | |
| 1. Товарищество большой Ярославской мануфактуры | 43 | — | 5 094 | 13 243 | 33 993 | 6 000 | 22 167 | 1:3,6 | 9 306 | 771 | 12,8 |
| 2. Торговый Дом «В. Алексеев» | 6 | — | 4 485 | 1 167 | 31 786 | 5 000 | 15 688 | 1:3,1 | 16 726 | 822 | 16,4 |
| Итого по III группе | 49 | — | 9 579 | 14 410 | 65 778 | 11 000 | 37 855 | 1:3,4 | 26 032 | 1 593 | 14,4 |
| Торговый Дом «Соловьев и К°» | — | 19/6 | 1 523 | — | — | 1 000 | — | — | — | — | — |
| По всем группам | 320 | 68 | 21 901 | 37 671 | 169 851 | 22 500 | 104 086 | 1:3,4 | 68 357 | 3 064 | 13,4 |



характерные формы торгового капитала, так как именно для купеческо-торгового капитала свойственна работа преимущественно с заемными оборотными средствами, при незначительных размерах собственных капиталов, вложенных в торговый оборот.

Другая специфическая особенность торгового капитала заключается в том, что собственные капиталы лишь в незначительной степени вкладываются в недвижимость: торгово-купеческий капитал основную массу средств пускает в торговый оборот. Отношение собственных средств к заемным как в первой, так во второй и в третьей группах показывает явно торговый характер фирм, функционировавших в хлопководстве. Однако отношение основного капитала к основному имуществу фирм (главную массу имущества фирм составляли хлопкоочистительные и маслобойные заводы) указывает на явно промышленный характер фирм первой и третьей групп. В частности, это отношение в первой группе составляет 83,8% собственных капиталов (7:5,8), в третьей —87% (11 000 тыс. руб. и 957,9 тыс. руб.). Однако в третьей группе характерно сравнительно наибольшее отношение собственных средств к заемным и очень высокий уровень вложения капитала в недвижимое имущество. Необходимо только отметить, что стоимость «имущества» (недвижимого) этих фирм в совершенно малой степени покрывалось стоимостью 28 принадлежащих им хлопкоочистительных заводов: так, по экспертной оценке в 50 тыс. руб. каждого завода, общая стоимость их едва превышала 1,4 млн. руб. Что касается второй группы, то она, с точки зрения структуры ее и капиталов и отношения собственных капиталов к заемным, имеет сравнительно более четко выраженную форму торгового капитала.

Ниже мы рассмотрим деятельность хлопкоторговых фирм более подробно.

Анализ связей хлопковых фирм с российским банком, которые одни и могли предоставить в распоряжение этих фирм необходимые им оборотные средства и принимать в них непосредственное участие на основе длительного финансирования, дает возможность выявить характер и особенности борьбы в сфере хлопкоторговли, носившей ожесточенный характер не только на туркестанском рынке, как отражение общероссийской

борьбы между крупнейшими финансово-капиталистическими объединениями Москвы и Петербурга.

Скупка хлопка производилась, главным образом, хлопкоторговыми фирмами. Все они кредитовались и контролировались банками. Из фирм, игравших решающее значение в торговле хлопком, следует назвать следующие: Андреевское торгово-промышленное товарищество; Торговый дом братьев Вадьяевых; Товарищество большой Ярославской мануфактуры; Московское торгово-промышленное товарищество; Товарищество для торговли в Персии и Средней Азии; Торговый дом бр. Шлоссберг; Товарищество «Владимир Алексеев»; Товарищество «Пахта Беш»; Торговый дом «Юсуф Давыдов»; Торговый дом «Р. Потеляхов»; Торговый дом «Симхаев» и другие.

Московское торгово-промышленное товарищество, Товарищество для торговли в Персии и Средней Азии, Торговый дом бр. Шлоссберг, Товарищество «Владимир Алексеев» в 1913 году объединились и образовали хлопкомаслобойное товарищество «Беш-Бош» (пятиглавие). «Беш-Бош» закупало и продавало более 30% всего хлопка, производимого в Туркестане,— около 5 млн. пудов очищенного волокна и вырабатывало около 10 млн. пудов хлопковых семян. В распоряжении «Беш-Бош» имелось 29 хлопкоочистительных заводов. Если к этому прибавить заводы Торгового дома «Братьев Крафт», который склонялся к группе «Беш-Бош», то количество заводов увеличится до 45 со 146 джинами. В финансировании группы «Беш-Бош» активное участие принимал Московский купеческий банк. А. П. Демидов писал: «Руководящая роль в кредитовании (Беш-Бош» — *А. Ю.*) всегда принадлежала московскому купеческому банку»[1].

Сильнейшим конкурентом группы «Беш-Бош» была фирма Торгового дома братьев Вадьяевых. Корреспондент Азовско-Донского банка некий Александр телеграфировал управляющему товарным отделом Московского отделения Азовско-Донского банка Я. А. Минцу (1910 г.): «Синорус (до 1910 г. Русско-Китайский банк, после 1910 г.—Русско-Азиатский банк — *А. Ю.*) принимает Андреевское: по моему мнению присоединяет Вадьяева». Тот же Александр 21 марта 1911 г. телеграфировал из Андижана, что «по слухам, Русско-Азиатский банк купил все паи Андреевского товарищества». Обе телеграммы носили секретный характер. В них сообщалось, что Русско-Азиатский банк покупает все паи Андреевского товарищества и что Андреевское товарищество объединяется с товариществом братьев Вадьяевых. Несколько позже тот же корреспондент из Коканда уже более определенно сообщал, что Русско-Азиатский банк «...купил полностью Андреевское за 2 млн. 700 тыс. руб.»[1]

О тайном соглашении между Андреевским товариществом и Торговым домом братьев Вадьяевых Кокандский Биржевой комитет писал: «Эта реорганизация, сплотившая первоклассные торговые и финансовые силы, оказала тяжелое давление на местный конкурирующий рынок; усиленные могущественной финансовой поддержкой вышеуказанные хлопковые фирмы, конечно, наметили занять на рынке более крупное, чем прежде, положение, с другой стороны, остальные предприятия не могли тоже примириться с мыслями о добровольном отказе от занятых ими позиций»[2].

Крупнейшим пайщиком Андреевского товарищества был торговый дом братьев Вадьяевых, контролируемый и финансируемый Русско-Азиатским банком. Инспектор банка П. И. Перхорович после обследования товарных операций Русско-Азиатского банка отмечал, что «...наиболее активными и крупными клиентами по онкольному отчету... являются Вадьяевское торгово-промышленное товарищество и Торговый дом Ягудаев»[3]. Первый скупал только в одной Ферганской области около 30% всего хлопка, что составляло 7—8 млн. пудов, из которых производилось 4,5—5,5 млн. пудов хлопковых семян. Если принять во внимание, что Вадьяевы скупали хлопок не только в Ферганской области, а по всему Туркестану, то процент закупки хлопка возрастает еще более. Вадьяевы владели 30 хлопкоочистительными заводами со 159 джинами и 5 крупными маслобойными заводами. Фирма Вадьяева была связана с фирмой «Жуков и К⁰», создавшей акционерное общество по обработке растительного и животного масла «Салолин». Вскоре

[1] *А. П. Демидов,* указ. работа, стр. 194.

[1] ГИАМО, ф. 2022, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 54, 81.
[2] Кокандский Биржевой комитет, 1912., Коканд, 1913, стр. 8.
[3] ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 2045, л. 22.

ценой продажи на 1,5 млн. руб. акций Андреевского товарищества фирма Вадьяева при помощи Русско-Азиатского банка стала пайщиком «Салолина» и через него пайщиком «Саломас», основной капитал которого в 1914 году составил 6,5 млн. руб.[1] А. П. Демидов отмечал: «Преимущество группы «Салолин», «Саломас» и Андреевского товарищества заключалось в том, что в ее руках было сосредоточено производство хлопкового масла и других растительных жиров, а также переработка растительного масла и суррогаты растительных жиров»[2]. «Беш-Бош» основную массу хлопкового масла продавал фирме Торговый дом «Г. А. Крестовников» (Казань), а часть на завод «Пахта» под Москвой для переработки на мыло.

В 1915 году фирма Вадьяевых держала в своих руках 15% акций общества «Саломас», а в 1917 году — 20%. Вадьяевы стали проникать в крупные текстильные предприятия и в 1916 году приобрели половину паев товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры, принадлежавшей Фокину и Витову.

Конкуренция заставляла объединяться и другие фирмы. Так были образованы Ферганское и Наманганское товарищества в Ферганской области, а в Бухаре — товарищество «Труд» и другие.

Характерной особенностью этих объединений было то, что фирмы вкладывали в объединение весьма незначительную часть своих капиталов. В частности, при собственных капиталах каждого участника фирмы «Труд» более 200—500 тыс. руб. основной капитал товарищества был определен в 160 тыс. руб., а доля участия каждого члена — в 20 тыс. руб.[3] Даже в одной из крупнейших фирм среднеазиатских объединений, каким был «Беш-Бош», основной капитал был определен в 1,2 млн. руб. (1915 г.), в то время как капитал каждого участника составлял 2—3 млн. руб[4].

Конкурентная борьба привела к созданию мощной организации по производству и сбыту продуктов хлопководства—«Всероссийского общества хлопковой промышленности и торговли его продуктами». Организаторами этого объединения были Вадьяевы, общество «Волокно», Московское Торгово-промышленное товарищество, Товарищество для торговли в Персии и Средней Азии, Торговый дом «Р. Ш. Потеляхов» и другие»[1], поставившие своей основной задачей монополизировать не только торговлю хлопком и продуктами хлопководства, но и весь процесс производства хлопка.

[1] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 1772, л. 4.
[2] *А. П. Демидов*, указ. работа, стр. 198.
[3] ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 2, д. 164, л. 88.
[4] Там же, ф. 43, оп. 1, д. 1-а, л. 364.



Таким образом, несмотря на колониальное положение дореволюционного Туркестана, в основной отрасли производства — хлопководстве (и связанным с ним хлопково-маслобойном производстве) появляются первые монополии, охватившие в основном торговлю хлопком. Монополизированы были не все хлопковые фирмы: из 30 фирм объединились около 10, а остальные, даже довольно крупные, вели самостоятельную торговлю хлопком. В частности, в собственности самостоятельных хлопкоторговых фирм находилось более 180 хлопкоочистительных и около 30 маслобойных заводов, в том числе фирма «Бр. Крафт» имела 24 хлопкоочистительных завода, «Искандер»—10, «А. Симхаев»—10 и т. д.

Последние пять лет перед революцией характеризуются мощным натиском крупнейших петербургских банков на цитадель московской буржуазии — хлопкоторговлю. Однако московские банки ожесточенно сопротивлялись и пытались сохранить за собой первенство в хлопковой торговле. Когда Андреевское товарищество с помощью торгового дома «Кноп» привлекло на свою сторону Потеляховское товарищество, закупив часть акций последнего, «Беш-Бош» в ответ увеличил свои капиталы с 600 тыс. руб. до 4,2 млн. руб. (с 1913 по 1916 гг.)[2].

Из частных коммерческих банков, оперировавших в Туркестане, одно из ведущих мест занимал Русско-Азиатский банк. Его баланс занимал первое место в сводном балансе коммерческих банков Туркестанского края и находился на втором месте после баланса Русского, для внешней торговли банка, по Ферганской области и Бухарскому ханству.

Русско-Азиатский банк в исключительно короткий срок (1912—1917 гг.) прибрал к своим рукам основную

[1] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 13, д. 984, л. 5.
[2] ГИАМО, ф. 253, оп. 2, д. 7, л. 631.

торговлю хлопком и продуктами хлопководства, подчинив своему влиянию наиболее солидные и мощные хлопкоторговые фирмы — Андреевское товарищество, «Бр. Вадьяевы» и Потеляховское товарищество с основным капиталом в 7 млн. руб. Постепенно Русско-Азиатский банк превратился в одного из крупных монополистов на туркестанском хлопковом рынке и в 1913 году объединенные банком фирмы закупали не менее 50% ферганского хлопка.

Банку удалось подчинить своему контролю крупнейшее в Туркестане Вадьяевское торгово-промышленное товарищество. Отношение Русско-Азиатского банка к этому товариществу одна из биржевых газет формулирует следующим образом: «Вадьяевское товарищество, одно из крупнейших предприятий в области хлопковых операций — с некоторых пор связало свою судьбу с Русско-Азиатским банком настолько, что почти все свои оборотные средства, достигающие десятков миллионов рублей, оно черпает из этого банка. Русско-Азиатский банк выговорил себе право контроля, и представитель банка вошел в предприятие в качестве директора-распорядителя»[1].

Русско-Азиатский банк был сильнейшим конкурентом Московскому купеческому банку. Конкурентная борьба двух финансовых воротил особенно обострилась после образования Андреевского товарищества (1912 г.) и привлечения на сторону этого товарищества фирмы Р. Ш. Потеляхова с основным капиталом в 2 млн. руб. В ответ на это Московский купеческий банк организовал собственную хлопковую фирму — «Московское купеческое товарищество» с капиталом в 1 млн. рублей, оставив за собой паи на сумму 600 тыс. руб. Все хлопковые дела товарищества были переданы Московскому купеческому банку, которому был открыт кредит в два миллиона рублей, позднее увеличенный до 6 млн. руб.

Не ограничиваясь деятельностью существующих хлопковых фирм, Русско-Азиатский банк щедро кредитовал всякое объединение, направленное для захвата хлопкового рынка. Так, например, во время войны «пользуясь щедрыми кредитами Русско-Азиатского банка»[1], широкую экспансию в Средней Азии развертывало товарищество «И. Г. Стахеев и К°», создавшее в Туркестане собственную сырьевую базу для своих текстильных предприятий, сначала в Ферганской области, затем «начало развивать в обширных, почти нетронутых владениях смежного Бухарского ханства»[2].

[1] *Н. Ванаг,* Финансовый капитал в России накануне мировой войны.., стр. 176.



В кратком очерке деятельности фирмы «И. Стахеев и К°»[3] приводятся следующие данные: товарищество начало выполнение программы покупкой участков в Ферганской области и энергично занялось орошением и культурой хлопка на этих участках. Затем эти участки были переданы вновь образованному товариществу «Фергана». Для очистки и переработки хлопка и хлопкового семени были приобретены участки, на которых строились новые заводы в предприятиях Андреевского товарищества и маслобойного завода фирмы «Салолин» в Андижане. Для скупки хлопка и торговли им было образовано Русско-Азиатское хлопковое общество (1915 г. с правлением в Москве)[4].

Для закупки и продажи хлопка в Бухаре учреждается Русско-Бухарское торгово-промышленное общество, преобразованное в банк. Для переработки хлопка фирма Стахеева приобрела в Петрограде Российскую бумаго-прядильную мануфактуру с 4-мя фабриками и 12 тыс. рабочими, а в Москве — гигантская мануфактура Шибаева. Общее количество веретен, находившееся в распоряжении товарищества «И. Стахеев и К°», достигло 400 тыс. Деятельность концерна «И. Стахеев и К°» показывает, что типичным для организации монополий в форме концернов является создание дочерних банков: учреждение банка в Бухаре[5] для финансирования хлопковых предприятий, захват пакета акций Волжско-Камского банка, а в мае 1917 года — Соединенного банка. За исключительно короткий срок (1915—1917) товарищество с капиталом в 2,5 млн. руб. превратилось в мощное монополистическое объединение, ворочавшее громадными суммами и державшее под своим контролем десятки и сотни различных предприятий.

[1] ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 2245, л. 20.
[2] Там же, л. 21.
[3] ЦГИАЛ, ф. 593, оп. 2, д. 137, л. 1018.
[4] Там же, л. 21.
[5] Там же, л. 24.

Характеристика проникновения капиталистических отношений в хлопководстве была бы неполной без анализа деятельности среднеазиатских отделений Государственного банка и той роли, которую он играл в отношении частных коммерческих фирм.

Открытие первого отделения Государственного банка относится к 1875 году (г. Ташкент). Банк принимал лишь векселя более крупных торговцев, для мелких же торговцев и кустарей банк был недоступен.

После ташкентского отделения были открыты четыре филиала: в 1890 году в Самарканде, в 1893 году в Коканде, в 1894 году в Бухаре, в 1895 году в Ашхабаде. Если основная сумма учета векселей к 1 января 1876 года составляла всего 4,1 тыс. руб., в 1907 году — 5 млн. руб. Переводные операции возросли с 29,8 тыс. руб. в 1876 году до 33 911 тыс. руб. в 1907 году, то есть свыше чем в 1000 раз.

Государственный банк в Средней Азии собирал больше средств на вклады и текущие счета, чем производил учетно-ссудных операций (разница перекачивалась в Петербург).

С начала XX в. Государственный банк начал терять роль монополиста на денежном рынке Туркестана. Этот процесс особенно усиливался в 1910 году и к началу первой империалистической войны. Учетно-ссудные операции Государственного банка в общей сумме этих операций всех кредитных учреждений Туркестана занимали только 20,1%.

Следующие данные, составленные по официальным отчетам Государственного банка и материалам ЦСУ Туркестанской республики, более наглядно показывают рост учетно-ссудных операций Государственного и частных банков (в тыс. руб.) (табл. 16).

Таблица 16

| Годы | Государственный банк | Частные банки | Всего | Годы | Государственный банк | Частные банки | Всего |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1875 | 66,4 | — | 66,4 | 1911 | 24 400 | 82 069 | 106 469 |
| 1881 | 677,3 | — | 677,3 | 1912 | 26 000 | 109 872 | 135 872 |
| 1892 | 1388,8 | — | 1388,8 | 1913 | 28 500 | 114 945 | 143 443 |
| 1901 | 2557,1 | 1 504 | 4061,1 | 1914 | 32 300 | 92 679 | 126 979 |
| 1905 | 12 400 | 4 345 | 16345,0 | 1915 | 29 500 | 108 229 | 137 729 |
| 1910 | 12 500 | 42 909 | 62409,0 | 1916 | 19 500 | 216 516 | 236 016 |



| Операции и их назначение | Годы | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | 1909 | 1910 | 1911 | 1912 | 1913 | 1914 | 1915 | 1916 |
| Всего учетно-ссудных операций | 10,3 | 12,5 | 24,4 | 26,0 | 28,5 | 34,4 | 29,5 | 19,5 |
| В том числе частным банкам | 3,9 | 4,0 | 7,7 | 7,8 | 9,6 | 12,2 | 12,9 | 12,9 |
| Кредитным учреждениям и прочей клиентуре | 6,9 | 8,5 | 16,7 | 18,2 | 18,9 | 22,2 | 16,6 | 6,6 |

Данные показывают неуклонный рост учетно-ссудных операций Государственного банка, а также растущую помощь частным коммерческим банкам и фирмам. Последняя возросла за семилетие (1909—1916 г.) более чем в 4 раза. Основная масса помощи кредитным учреждениям в Туркестане направлялась для обеспечения и содержания товариществ мелкого кредита и ссудосберегательных касс. Помощь этим товариществам являлась косвенной помощью Государственного банка частным коммерческим банкам, функционирующим в Туркестане, и крупнейшим среднеазиатским фирмам, так как обеспечивала последним гарантию получения выданных задатков с прибылями и ликвидировала риск на случай некредитоспособности дехканства, которая проявилась в предвоенные годы и особенно усилилась в 1911, 1912, 1913 годы, когда симптомы хлопкового кризиса давали себя остро чувствовать. Наш вывод подтверждается значительным ростом помощи кредитным товариществам именно, начиная с 1911 года, возросшей с 8,5 млн. руб. в 1910 году до 16,7 млн. руб. в 1911 году и продолжавшей возрастать и в последующие годы.

Деятельность среднеазиатских отделений Государственного банка была неразрывно связана с хлопковыми операциями. По свидетельству управления по делам мелкого кредита, «...заемщиками банка (Государственного — *А. Ю.*) по ссудам под неочищенный хлопок являются торговцы хлопком, владельцы хлопкоочистительных заводов и хлопковые фирмы в большинстве весьма крупные по своим оборотам»[1].

[1] ЦГИАЛ, ф. 582, оп, 3 д. 10661, л. 47.

В справке, представленной управлением мелкого кредита правлению Государственного банка, приводятся данные (по 6 среднеазиатским отделениям Государственного банка) о количестве залогов по ссудам под хлопок за 1910, 1911 и 1912 годы (в тыс. рублей)[1].

| Отделения | Годы | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | по ссудам на хлопок | | | по ссудам под транспортные документы под хлопок | | |
| | 1910 | 1911 | 1912 | 1910 | 1911 | 1912 |
| Андижанское | — | — | 3,3 | 46,8 | — | 3,1 |
| Ашхабадское | — | — | — | 85,5 | 49,3 | 21,0 |
| Бухарское | — | — | — | | 79,3 | 158,1 |
| Кокандское | — | — | 907 | 675 | 1968 | 3105 |
| Самаркандское | 2,2 | 12,1 | — | 1,0 | 39,9 | 120 |
| Ташкентское | — | — | — | 27,5 | 49,5 | 11,7 |
| Всего | 2,2 | 12,1 | 910,3 | 835,8 | 2186,0 | 3418,9 |

Самым крупным отделением по хлопковым операциям было Кокандское отделение, в котором количество залогов по ссудам под транспортные документы за 3 года (1910—1912) возросло почти в 5 раз, что в ценностном выражении составляет увеличение от 7,44 тыс. руб. в 1910 году до 28 764 тыс. руб. в 1912 году[2]. В 1912 году кокандским отделением банка было выдано 2 млн. руб. ссуд[3].

Главным объектом хлопковых операций Государственного банка были операции с хлопком-сырцом. Согласно свидетельству управления по делам мелкого кредита, «...ссуды под неочищенный хлопок являются самой выгодной безубыточной формой кредита, соответствующей интересам банка», «...ссуды под залог неочищенного хлопка, товара еще не готового для хлопководов имеют значение кредита впредь до реализации продукта»[4]. Таким образом, заправилы банка считали, что сырцовые операции являются наиболее выгодными и надежными формами кредитования. Поэтому отдел местных

[1] ЦГИАЛ, ф. 582, оп. 3 д. 10661, л. 48.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 47.
[4] Там же.



учреждений просил правление Государственного банка дать возможность «...сохранить ограничение клиентуры по ссудам под неочищенный хлопок лишь хлопководам и владельцам хлопкоочистительных заводов», чтобы тем самым обеспечить себя узким кругом фирм, скупающих хлопок-сырец и способствующих увеличению барышей банка, получаемых без какого-либо риска для банка.

В 1910 году открываются отделения Государственного банка в Андижане и Алма-Ате. С ростом количества отделений увеличивается сумма оборотов капитала. Оборот ташкентского отделения Государственного банка в 1910 году составлял 6951 тыс. руб., самаркандского — 3779 тыс. руб., кокандского — 19 908 тыс. руб., бухарского — 3458 тыс. руб.

Не менее быстрым, чем рост отделений Государственного банка, было развитие филиалов коммерческих банков. Если до 1890 года во всем Туркестане функционировало только отделение Волжско-Камского банка, то в 1913 году 40 отделений частных коммерческих банков густой сетью покрыли весь Туркестанский край. Частные коммерческие банки занимались различной деятельностью, но подавляющую часть банковских операций составляли хлопковые операции.

Таблица 16

| Наименование банка города | Русско-Азиатский | Волжско-Камский | Русский для внешней торг. | Азовско-Донской | Сибирский торговый | Московский и купеческий | Московский учетный | Соединенный | Итого |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| *Отделения* | | | | | | | | | |
| Коканд | + | + | + | — | + | + | + | + | 7 |
| Бухара | + | — | + | + | + | — | + | + | 6 |
| Андижан | + | — | — | — | + | — | + | — | 3 |
| Наманган | + | — | — | — | — | — | + | — | 2 |
| Самарканд | + | + | — | + | + | — | + | — | 5 |
| Ташкент | + | + | — | + | — | — | — | — | 3 |
| Маргилан | + | — | — | — | — | — | — | — | 1 |
| Н. Ургенч | + | — | — | — | — | — | — | — | 1 |
| Ашхабад | + | — | — | — | — | — | — | — | 1 |
| Мерв | + | — | | — | — | — | — | — | 1 |
| Всего | 10 | 3 | 2 | 3 | 4 | 1 | 5 | 2 | 30 |

В таблице 16 показано территориальное размещение отделений восьми частных коммерческих банков, в основном занимавшихся хлопкозаготовками.

Из таблицы видно, что почти во всех городах Туркестанского края имеет свои отделения только Русско-Азиатский банк (10 отделений). Второе и третье место занимают соответственно Московский Учетный банк (5) и Сибирский торговый (4).

Больше всего отделений частных коммерческих банков размещалось в Коканде (7 отделений из 30) — центре Ферганской долины и основной базы русского хлопководства. В целом, в городах Ферганской долины (Коканд, Андижан, Наманган, Маргилан) и Бухаре, то есть в основных районах хлопководства, размещалось $^2/_3$ всех отделений коммерческих банков, указанных в таблице. Скопление отделений российских банков в хлопководческих районах не случайное явление, а следствие заинтересованности банков в хлопкозаготовках.

В деятельности частных коммерческих банков обращает на себя внимание следующее: в большинстве случаев, во взаимоотношениях фирмы с банком фигурирует одно и то же выражение: «согласно договору банк участвовал в половинной доле прибылей». О каком договоре идет речь? Мы видели, что между дехканином-хлопкоробом, с одной стороны, чистачами и фирмами, с другой, и частными банками, сложились договорные условия, определенные твердо установленными процентными ставками. Известно, что, по официальным данным, предоставление кредита строится по следующей схеме: банки предоставляют кредит из расчета 8—9% годовых, фирмы чистачам —12—16%, чистачи арбакешам 24—40%, арбакеши дехканам —60% и более или, как говорили: «сколько бог на душу положит». Обращает на себя внимание низкий процент годовых, получаемый банками.

Дополнительные исследования в Государственном историческом архиве Московской области (ГИАМО) позволили выявить ряд материалов, характеризующих более сложные взаимоотношения между банками и фирмами. Помимо указанного процентного соглашения банк заключал с фирмой дополнительные соглашения, как правило, строго конфидициального характера, по которому банк участвовал в распределении прибылей, получаемых непосредственно фирмой в размере 50%, то есть банк без каких-либо дополнительных затрат выговаривал себе право на участие в половинной доле, по «праву» принадлежавших фирме. Подобные соглашения заключались, например, между московским купеческим банком и фирмами Кнопа и Р. Ш. Потеляхова, А. Симхаева[1]. Подобные операции зафиксированы в отношениях между Русским для внешней торговли банком, торговым домом «Л. Кноп» и торгово-промышленным товариществом «Р. Ш. Потеляхов». Согласно одному из договоров, доходы от реализации покупаемого у Потеляховского товарищества хлопка-волокна «... должны распределиться между банком и торговым домом «Л. Кноп» **поровну**, а продажа производимого товариществом линтерного хлопка, масла, жмыхов и прочих продуктов хлопководства предоставлялась исключительно банку»[2]. Кроме того, компаньоны по продаже хлопка (банк и торговый дом «Л. Кноп») принимали участие в прибылях торгово-промышленного товарищества «Р. Ш. Потеляхов», «... участвуя в прибылях этого товарищества в размере 15% суммы прибыли до 300 тыс. руб. и 10% с суммы прибыли превышающих 300 тыс. руб., обязан был половину полученной таким образом прибыли уступать банку»[3].

Конечно, фирмы не выплачивали банку половину прибылей из своего кошелька, а путем усиления эксплуатации хлопкоробов возмещали «уплывающие» из рук «убытки».

Архивные материалы среднеазиатских отделений коммерческих банков дают нам возможность определить основное направление в развитии банковского кредита. Вот что из себя представляют данные об учете 4 117 векселей на сумму 2 317 297 руб. 60 коп. по продолжительности сроков, проведенные Ташкентским отделением Азовско-Донского банка в 1915 году:

Основную массу составляют векселя от трех до шести месяцев (более 50% как по количеству, так и по сумме) и векселя сроком от 6 до 9 месяцев (более 35%). Данные, которые приводятся нами ниже, характеризуют

---

[1] ГИАМО, ф. 253, оп. 2, д. 7, л. 26.
[2] ЦГИАЛ, ф. 599, оп. 1, д. 743, л. 36.
[3] Там же.

| Сроки | Количество векселей | Сумма векселей (в руб.) |
|---|---|---|
| до 3-х мес. | 417 | 186 234,55 |
| от 3 х до 6 мес. | 2 368 | 1 289 161,47 |
| от 6 до 9 мес. | 1 332 | 841 901,58 |
| Всего | 4,117 | 2 317 297,60 |

распределение рассматриваемых векселей по размерам их предоставления в границах «до 1 тыс. руб и более 10 тыс. руб.».

| Размер векселей | Количество векселей | Сумма векселей |
|---|---|---|
| до 1000 рублей | 3 198 | 1 261 685—10 |
| от 1000 до 2000 руб. | 829 | 840 262—50 |
| от 2000 до 4000 руб. | 83 | 178 350—00 |
| от 4000 до 10 000 руб. | 7 | 37 000—00 |
| более 10 000 руб. | 4 117 | 2 317 279—60[1] |

Если предположить, что только половина векселей суммой до 1000 руб. предоставлялась от 500 руб. до 1000 руб., да прибавить к этому векселя более 1000 руб., то будет ясно, что основная масса кредитов предоставлялась не дехканам, а чистачам и другим посредникам, которые ссужали деньги хлопкоробам за высокие проценты.

Такова была картина размещения банковских кредитов не только в отделениях Азовско-Донского банка, но всех среднеазиатских отделениях русских коммерческих банков.

В Туркестане функционировали также отделения земельных банков: Полтавского и Нижнегородского-Самарского. Полтавский банк начал свою работу в 1902 году. Затем операции были прекращены и возобновлены вновь лишь в 1909 году. Банк с 1 июля 1910 по июль 1911 года выдал 53 земельных ссуды на сумму 355 тыс. руб. и городских 181 ссуды на сумму 1 014 900 руб[2].

Нижнегородско-Самарский банк тоже начал свою деятельность в Туркестане с 1902 года. Однако своих

[1] ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 2. д. 543, л. 3.
[2] Там же, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 5.



операций не прекращал. За все время работы до 1911 года банк выдал 180 земельных ссуд на сумму 421 300 руб. и городских на сумму 4 891 000 руб.[1] Все 189 ссуд, выданных Нижнегородско-Самарским банком, оцениваются в 421 800 руб., то в среднем на каждую ссуду приходится 2300 руб.[2], а для Полтавского банка еще более (около 7000 рублей на каждую ссуду). Если считать, что в Туркестанском крае пользовались задатками половина хозяйств, то есть около 300 тыс. дворов, то в среднем на хозяйство падает ссуда на сумму около 150 руб. Отсюда ясно, что главная масса нуждалась именно в мелких платежных ссудах до 150 руб. на хозяйство, а не кредитов в 2300 и 7000 руб.

Кроме того, поставив своей нормой прием имущества ценностью не менее 3000 руб. в уездах и 5000 руб. в городах, Нижнегородско-Самарский и Полтавский банки совершенно отрезали путь тем землевладельцам, имущество которых оценивалось ниже указанных сумм, то есть как раз той части населения, которая наиболее нуждалась в своевременном и небольшом кредите[3]. Законом акционерным земельным банком было разрешено открыть свои операции в Туркестанском крае, но только по отношению к имуществам в городах. Мотивы такого ограничения Государственный Совет объяснял так: «... облегчение пользования ипотечным кредитом вне городских населений едва отвечало бы местным условиям землевладения и, во-вторых, не вызывалось бы так же и потребностями сельскохозяйственной культуры[4]. Из этого объяснения ясно, что земельный банк не ставил своей целью кредитование сельского населения и ограничивался деятельностью среди городских клиентов, с твердой имущественной основой.

Несмотря на столь ограниченную деятельность земельных банков, последние получали громадные прибыли. Девиденд Полтавского банка, по данным официального отчета, в 1905 году по сравнению с 1899 годом увеличился почти в 2 раза (с 9,5% до 18%)[5].

[1] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л .5.
[2] Там же, л. 6.
[3] Отчет Туркестанского общества сельского хозяйства за 1899—1900 гг., Ташкент, 1901, стр. 65.
[4] Полтавский земельный банк, отчет, Петербург, 1906, стр. 1.
[5] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 6.

Таким образом, проблема обеспечения дехканина доступным и дешевым кредитом не только не разрешалась, но даже не ставилась. Несколько позже ряд высокопоставленных царских сановников, в частности, Массальский, высказывался за открытие земельного банка непосредственно в Туркестане: «Земельный банк, находившийся здесь среди заемщиков, который может взвесить и учесть все выгоды и невыгоды отдельной мелкой ссуды в отношении отдельного туземного хозяйства»[1]. По мнению Массальского, открытие земельного банка в Туркестане способствовало бы «переводу туземных бумаг на русские владельческие документы, упорядочится та форма владения, которая в настоящее время совершенно лишена всяких юридических документов, а также ссужать городское строительство»[2]. Массальский в заключение указывал, что «... все просьбы туземцев к Нижнегородско-Самарскому земельному банку и Полтавскому о принятии их имущества в залог разбивались как о каменную гору совершенно безапелляционным отказом принять имущество в залог»[3].

Большой интерес представляет не только план учреждения земельного банка, но и создание специального банка, обеспечивающего всесторонние потребности Туркестана в целом. Мы имеем в виду записку одного из бывших работников банковских учреждений Средней Азии З. Собанского «Очередные задачи правительства и частной инициативы в Туркестанском крае»[4]. Автор записки, оценивая деятельность царизма в Туркестане, ставит ряд задач первоочередного порядка, среди которых особое внимание уделяет созданию в Туркестане «особого Банка»:

«Среди различных предприятий, которые могут быть созданы частной инициативой в деле развития производительных сил Туркестанского края особенно необходимым и настоятельно требуемым представляется предприятие, которое могло бы занять не только положение центрального как в деле целесообразного обслуживания интересов местной торгово-промышленной жизни, так и в деле привлечения местных капиталистов для такового обслуживания.

[1] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 8.
[2] Там же, д. 710, л. 5.
[3] Материалы для изучения хлопководства, выпуск VIII, Петроград, 1917, стр. 18.
[4] Записка...» З. Собанского обнаружена нами в фондах ЦГИАЛ (ф. 398, оп. 75, д. 445, лл. 5—12). Документ составлен 7 ноября 1916 г. в Семипалатинске.



Но и положение надежного, компетентного и вполне авторитетного посредника в широком значении этого слова, с одной стороны между краем и метрополией с другими государствами — с другой, по всем делам и вопросам, входящим в область местной торгово-промышленной жизни и взаимных торговых отношений. Наиболее целесообразным в указанных отношениях может быть только особый банк под названием: скажем, «Туркестанский торгово-промышленный банк» с особым уставом, приспособляемым к местным экономическим условиям и потребностям»[1].

Автор также предлагал подробный план организации указанного банка.

Направленность особого банка была ясно изложена автором проекта: «Для того чтобы проектируемый банк имел в виду, прежде всего, интересы местной торговли и промышленности и не отвлекался от основных своих задач, затем чтобы банк мог занять и упрочить свое деловое влияние среди местного населения, столь необходимое, особенно с точки зрения привлечения пассивов, правление банка должно находиться в г. Ташкенте»[2].

З. Собанский предлагал учредить особый банк с основным капиталом в 5 млн. руб., «разделенных на акции по 250 руб. номинальных каждая».

В заключение автор считал необходимым: «кроме особого торгово-промышленного банка и широко организованного комиссионного предприятия, учредить в Туркестанском крае банк земельного долгосрочного кредита»[3].

Очевидно, мероприятия, предлагаемые З. Собанским, означали более мощное наступление монополистического капитала на интересы трудящихся Туркестана путем усиления их эксплуатации. Планы учреждения в Туркестане банков не были претворены в жизнь из-за начавшейся первой империалистической войны, а впоследствии были навсегда похоронены победоносной Октябрьской революцией 1917 года.

В развитии узбекского дехканского хозяйства известная роль принадлежала не только кредитам частных банков, но и учреждениям ссудных касс и товариществам мелкого кредита. По времени образования приоритет принадлежал ссудным кассам, которые стали создаваться с 1882 года. Формальные санкции на их деятельность были предоставлены несколько позже, а именно, в 1889

[1] ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 75, д. 445, л. 8.
[2] Там же, л. 11.
[3] Там же.

году. В этот период в уездных ссудных кассах Ферганской области основной капитал составлял 25 тыс. руб. Размер единовременной ссуды, предоставляемой ссудными кассами, колебался от 5 до 50 руб. в расчете на одно хозяйство, сроком на один год. По условиям кассы, ссуда в сумме до 30 руб. обусловливалась подписями двух поручителей, более 30 руб.— трех поручителей.

За получение подписи поручителя кредитующийся вынужден был ему платить или отдариваться. Поэтому вместо формальных 6% годовых кредит фактически обходился в 12—16% и выше. Сверх того, требовались расходы и время на поездку в город в самую горячую пору. Поэтому мелкий кредит, предоставляемый ссудными кассами, не достигал своей цели. В отчете Ферганской области за 1908 год говорилось: «По числу уездов 5 ссудных касс имеют в общем капитала кругло 312 000 руб., эта сумма далеко не удовлетворяет потребности Ферганской области в мелком кредите, таковая потребность выражается ежегодно в сумме приблизительно до 30 млн. руб.»[1].

Учреждения мелкого кредита в Туркестане начали возникать с 1907 года[2]. К 1913 году в крае насчитывалось 222 кредитных товарищества и 187 ссудо-сберегательных касс[3].

По данным управляющего делами мелкого кредита, за много лет в Европейской России к 1908 году число кредитных товариществ достигло 956, то есть менее 1 товарищества на 100 тыс. жителей. В Туркестане к 1913 году за пять лет возникло 149 товариществ, то есть более 2,5 на каждые 100 тыс. жителей[4].

Первоначально основной район туркестанского хлопководства — Ферганская область, был сравнительно слабо охвачен сетью товариществ мелкого кредита[5]. Бурный

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 5.
[2] Там же, оп. 3, д. 10, л. 16.
[3] Там же.
[4] Там же, оп. 1, д. 2, л. 13.
[5] Так же дело обстояло и с организацией ссудных касс. По данным В. В. Краинского, при первоначальном капитале ссудных касс по Туркестану в 342 512 руб. 56 коп., на Ферганскую область приходилось всего только 23 084 руб. 61 коп., или менее 10% (*В. В. Краинский* «Отчет по командировке в Туркестанский край для изучения условий мелкого кредита». СПб, 1909, стр. 54).



рост сети товариществ в Фергане наблюдается только с 1912 года, когда симптомы хлопкового кризиса, вызванного громадной задолженностью и некредитоспособностью населения, обозначались более отчетливо.

Следующие данные показывают рост числа кредитных товариществ в соотношении с ростом их в Ферганской области (табл. 18).

Таблица 18

| Годы | Число товариществ хлопкового района | Отношение в процентах товариществ Ферганской области к общему количеству | Число товариществ в Ферганской области |
|---|---|---|---|
| 1909 | 7 | 14,3 | 1 |
| 1910 | 40 | 7,5 | 3 |
| 1911 | 73 | 5,5 | 4 |
| 1912 | 223 | 28,2 | 63 |
| 1913 | 351 | 35,3 | 124 |
| 1914 | 460 | 38,7 | 178 |
| 1915 | 550 | 41,9 | 220 |
| 1916 | 683 | 42,6 | 291 |
| 1917 | 786 | 42,7 | 336 |

Следующие данные показывают рост числа товариществ, членов товариществ и отпущенных кредитов по Туркестанскому краю в целом ( а не только по хлопковым районам):

| Годы | Число товариществ | Число членов | Сумма отпущенного кредита |
|---|---|---|---|
| 1910 | 43 | 4 499 | 604 485 |
| 1911 | 88 | 13 441 | 1 989 289 |
| 1912 | 222 | 53 797 | 8 299 984 |
| 1913 | 371 | 81 155 | 13 425 487 |
| 1914 | 484 | 112 411 | 19 141 916 |
| 1917 | 833 | 194 563 | 50 929 768 |

За 9 лет (1909—1917 гг.) число товариществ в хлопковых районах Туркестана увеличилось почти в 112 раз (с 7 до 786), в том числе в Ферганской области возро-

сло с 1 до 336, удельный вес товариществ мелкого кредита в Ферганской области возрос за тот же период более чем в 4 раза (с 14,3% до 42,7%). Другие данные позволяют сделать вывод, что за 8 лет (1910—1917 гг.) по Туркестанскому краю число товариществ увеличилось почти в 20 раз. В 1917 году на долю Ферганской области приходилось более половины всех отпущенных кредитов — 28 218 102 руб. из 50 929 768 руб., что составляло 50%.

О том, что мелкий кредит не решит проблемы обеспечения дехкан сколько-нибудь дешевым и достаточным количеством средств, было известно и представителям московской текстильной буржуазии. Так, в частности, командированный в Туркестан чиновник Краинский, ознакомившись с положением мелкого кредита, заявил: «Малокультурность и малограмотность населения, его неподготовленность к восприятию новых форм кредитных учреждений — это наименьшее из препятствий в деле организации касс. Более серьезным обстоятельством, при котором можно ожидать мало успешности осуществления касс, являются особые условия денежного оборота края»[1].

Эти «особые условия денежного оборота» явились ничем иным, как ростовщическим характером распределения и использования оборотных средств Государственного банка нетрудовым элементом — всякого рода посредниками и баями, в свою очередь находящимися в сильной зависимости от хлопкоторговых фирм и банков. Далее Краинский отмечал, что «...открытие усиленных кредитов Вадьяевым, Потеляховым, Юсуф Давыдовым и прочим крупным предприятиям этого рода, оперирующим на векселях хлопководов, тем более не достигает цели правильного и дешевого кредитования дехканина, что именно эти предприятия, а не мелкие комиссионеры и чистачи влияют на хлопковый рынок, на судьбу хлопковода»[2].

Факты показывают, что из 1 760 252 руб. вкладов в товарищества мелкого кредита Ферганской области

[1] *М. Цвибак.* Из истории капитализма в России (хлопчатобумажная промышленность XX века, Л., 1925, стр. 5.

[2] Туркестанское сельское хозяйство. Ташкент, 1911, № 3, стр. 356.



сельским населением — основной массой дореволюционного населения области — внесено всего 263 тыс. руб., но и эта скромная сумма, главным образом, является вкладами не сельских хозяйств, а проживающих в селах Ферганы русских служащих в правительственных и частных учреждениях[1].

На Кокандском съезде инспекторов мелкого кредита говорилось: о полном вытеснении ростовщиков из Ферганы не приходится и говорить. На всю Фергану нужно по крайней мере 30—40 млн. руб., тогда как наши товарищества выдали около 4 млн. руб.». По отдельным волостям Ферганской области потребности в кредите удовлетворялись следующим образом: по Яйпанской на 9%, по Беш-Арыкской на 12%, по Джандальской на 10%.

Анализ займа денежных средств по 43 хлопковым хозяйствам Ферганской области выявил следующую картину:

| Кредиторы | Общая сумма кредита (в руб.) | В процентах |
|---|---|---|
| Кредитные учреждения | 1 735 | 9,6 |
| Частные лица деньгами | 13 360 25 | 70,8 |
| Частные лица натурой | 3 529 5 | 19,6 |
| Итого: | 18 624 75 | 100 |

Эти данные наглядно показывают совершенно ничтожный удельный вес средств товариществ мелкого кредита и доминирующую роль в кредитовании дехканства частных лиц, подчиненных контролю хлопкоторговых фирм и банков.

Значительное увеличение числа кредитных товариществ происходило в 1912 и 1913 годы, когда симптомы кризиса среднеазиатского хлопководства давали себя знать все острее и чаще. В эти же годы увеличился размер правительственной «помощи» кредитным товариществам Ферганской области. Однако, несмотря на значительный рост товариществ мелкого кредита, несмотря на все возрастающую правительственную помощь, дехканин-хлопкороб продолжал оставаться должником

[1] *В. Лаврентьев.* «Капитализм в Туркестане», Л., 1930, стр. 130.

ростовщиков и торговых фирм, задолженность дехкан увеличивалась с каждым годом.

Ростовщическое распределение средств кредитных касс не меняло системы кредитования, а только лишь увеличивало прибыли посредников. В Москве Центральный хлопковый комитет занимался рассуждениями о том, что «...мелкие кредитные учреждения располагают ныне (1915 г.—*А. Ю.*) капиталом лишь в 6 млн. руб., вместо необходимых 40 млн. руб. и дают возможность пользоваться кредитом из 12% годовых, что должно быть признано весьма высокой ставкой, значительно удорожающей стоимость производства»[1].

Главноуправляющий земледелием и землеустройством Кривошеин, посетивший в 1912 году Туркестан и воочию увидевший настоящее положение вещей, писал:

«Как многочисленные речки и ручьи Туркестана не доходят до главных рек, куда они должны были бы впадать, по пути разбираются арыками на поля, совершенно так же исключительные по размеру своему, доходы от хлопка часто не попадают в руки земледельца и без остатка расходятся по карманам посредников-кредиторов.

Теряет при этом и казна. Государственный банк оказывает кредит частным банкам и хлопковым фирмам из $5^1/_2$%, те от себя раздают задатки посредникам уже из 8—9%, а в конце концов хлопководу кредит обходится в 40 и в 60%.

При таких условиях последнему оплата кредита даже из 12% показалась бы благодеянием»[2].

Но далее царский сановник приходит к следующему выводу:

«... устранив длинную цепь посредников, Государственный банк мог бы организовать мелкий кредит не только без убыточного, но и с большей выгодою для казны»[3].

Известно, что товарищества мелкого кредита были созданы и финансировались Государственным банком после долгих дебатов. Создание обществ мелкого кредита было наруку, главным образом, хлопкоторговым фирмам и банкам, так как объективно авансирование хлопкоробов государственными средствами было по сути

[1] Материалы Центрального хлопкового комитета, М., 1915, стр. 6—7.
[2] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 9.
[3] Там же.



дела бесплатным (и лишенным всякого риска со стороны фирм и банков) расширением их оборотных капиталов. Организация мелкого кредита была вызвана как потребностями промышленных центров в хлопке, так и необходимостью поддержать своими средствами высокие прибыли крупной буржуазии. Однако и Государственный банк не оставался в стороне от прибылей, получаемых на хлопкоторговле. В конечном счете, интересы самодержавия и финансового капитала не противоречили друг другу; только царизм играл подчиненную роль перед крупным капиталом и помогал последнему в «трудную минуту».

Мы считаем совершенно ошибочной оценку роли Государственного банка и промышленного капитала по вопросу о товариществах мелкого кредита в Туркестане, сделанную П. Галузо:

«Промышленный капитал... при помощи банков достиг довольно больших успехов в организации кредитной кооперации, вопреки желанию самодержавия» и далее «...вся кооперативная сеть была в руках банков. Через нее банки добрались до непосредственного (а не через фирмы — *А. Ю.*) кредитования хлопкороба»[1].

Данные наших исследований не подтверждают ни первого ни второго вывода автора книги «Туркестан-колония». Следует только отметить, что российская буржуазия не хотела отказываться от хлопковых прибылей и, одновременно, не имела ни малейшего намерения нести на организации кооперативного кредита какие-нибудь убытки, поэтому она приветствовала инициативу Государственного банка.

Вплоть до Октябрьской революции кредитование хлопкоробов банками происходило через хлопкоторговые фирмы и посредническую клиентуру. Поэтому заявление П. Галузо о том, что «... банки сумели все же обойти торговые фирмы, и кредит идет не через фирмы, а непосредственно населению»[2], совершенно не отвечает условиям, сложившимся в Туркестане со времени открытия товарищества мелкого кредита.

П. Галузо пишет: «В 1912 г. русский Государственный банк имел розданным населению (т. е. через товарище-

[1] *П. Галузо.* Туркестан-колония .., стр. 105.
[2] Там же.

ства мелкого кредита — *А. Ю.*) 27 530 тыс. руб., русские частные банки — 129 182 тыс. руб., фирмы от этой цифры далеко отстали. В том же 1912 г. они имели за населением около 35 млн. руб.»[1].

В действительности дело обстояло совсем не так. По данным М. П. Федорова, Государственный банк в 1912 году «...всего под продукты хлопководства ссудил около 25,3 млн. руб. и через учреждения мелкого кредита — 2,6 млн. руб. (а не 27 530 тыс. руб., как это утверждает П. Галузо)[2].

Подавляющую часть оборотных средств товариществ мелкого кредита составляли средства Государственного банка. Согласно справке, представленной на краевом совещании по делам хлопководства, хлопковой промышленности и торговли ссуды Государственного банка за 1914 годы составили 6,6 млн. руб. из общей суммы займов в 6,8 млн. руб., или 95%[3].

Прочие вклады в учреждения мелкого кредита составляли ничтожные суммы:

на 1. 1. 1911 г.— 7,4 тыс. руб.
1. 1. 1912 г.—14 »
1. 1. 1913 г.—27 »
1. 1. 1914 г.—28,8 »

До 90% этих вкладов составляли не средства частных учреждений, а средства сиротских и мирских организаций и обществ.

При постепенном оскудении дехканского хозяйства, при возрастающей дороговизне цен на продукты и предметы первой необходимости, при высоком уровне кредита, предоставляемого дехканам чистачами и фирмами, «...вопрос о мелком кредите для населения является вопросом первостепенной важности»[4].

Наряду с многочисленными выступлениями в защиту открытия товариществ мелкого кредита в Туркестане,

[1] *П. Галузо.* Туркестан-колония..., стр. 105.
[2] Материалы для изучения хлопководства. Выпуск VIII, статья *М. П. Федорова* «Хлопководство и орошение новых земель в Туркестане». Петроград, 1917, стр. 41.
[3] Труды краевого хлопкового совещания, Ташкент, 1915, стр. 8.
[4] Труды съезда по вопросам о развитии и расширении местного хлопководства и агрономической помощи населению Туркестанского края. Ташкент, 1903, 12.



значительное место в этих высказываниях отводилось тому, кто может и кто должен предоставлять ссуду товариществам. Мнение буржуазных кругов Туркестана и России было одним: «...удовлетворение (потребностей в мелком кредите — *А. Ю.*) может оказаться под силу только Государственному банку»[1].

Уставы частных коммерческих банков и характер разрешенных им операций не позволяли распространять таковые на мелкий кредит сельскому населению — дехканам. По сообщению управляющего Кокандским отделением Русского для внешней торговли банка Л. Н. Бауэра: «Некоторые банки делали попытки выдачи дехканам задатков. Однако операция принимала многомиллионный размер, пока не обнаружилась безвалютность, то есть дутость векселей. Хотя векселя и происходили большей частью от выдачи дехканам задатков, но они во много раз превышали действительно выданные суммы, причем, нередко за дехканами вовсе не числилось долгов»[2]. Поэтому Бауэр приходит к следующему выводу: «Государственный банк является единственным учреждением, которое может вести эту кредитную операцию (финансирование товариществ мелкого кредита — *А. Ю.*) успешно и непосредственно с земледельческим населением»[3].

В докладе междуведомственному совещанию 27 декабря 1914 года по вопросам, возбужденным с целью поднятия хозяйства хлопководов, указывалось, что «...своей цели эта кредитная операция достигнет только тогда, когда сумма предоставляемого кредита перейдет в миллионы, а примерно для одной Ферганы до 5 млн. руб.»[4]. Размер предоставляемого кредита на декабрь 1913 года по всему Туркестану составлял немногим более 5 млн. руб., из этой суммы на долю Ферганской области приходилось только 1540 тыс руб.[5] Если учесть ростовщический характер распределения и кабальные условия пользования кредитом, то размер его значитель-

[1] *С. Понятовский* «Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области», СПб, 1913, стр. 317.
[2] ЦГА УзССР, ф. 90, оп. 1, д. 170, л. 9.
[3] Там же, л. 7.
[4] Там же.
[5] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 3, д. 10, л. 17.

но уменьшится. Несомненно, что основной целью предоставления мелкого кредита было получение высоких прибылей от хлопководства, которое необходимо было кредитовать, чтобы увеличивать производство хлопка. «Расширение... мелкого кредита не только поддержит хозяйство хлопководов, но и послужит безусловно одним из важных проводников к развитию хлопководства»[1],— писал Бауэр.

Проведенная исключительно в интересах крупного финансового капитала, при полной финансовой поддержке Государственного банка, организация мелкого кредита в Туркестане ни в какой мере не улучшила положения хлопкоробов, потому что, во-первых, она была направлена на укрепление хозяйств «твердых» или «крепких» владельцев, а во-вторых, руководство в товариществах было в руках не дехкан, а в руках торгово-ростовщической верхушки, которая использовала кредиты в своих интересах.

Однако захват руководства товариществами мелкого кредита феодально-байской верхушкой заранее предопределил направление ссуд — зажиточным крестьянам и сельским богачам, ростовщический характер распределения задатков в ссудных кассах наглухо закрыл доступ денег непосредственным производителям хлопка.

По заявлению упомянутого уже чиновника В. В. Краинского, эти кассы (кассы мелкого кредита — *А. Ю.*) «...по характеру своего существа предназначены не для оказания помощи бедным и разоряющимся земледельцам, а для дальнейшего развития и укрепления благосостояния вполне кредитоспособных хозяйств»[2].

Работник Среднеазиатской конторы Государственного банка 7 января 1914 года в частном письме сообщал: «Из средств этих товариществ в население попадает не более $^1/_5$. Все разбирается членами правления, которые отчитываются подложными расписками, что члены правлений этих товариществ ведут операции на товарищеские деньги, мне говорил также инспектор Кокандского отделения (Государственного банка — *А. Ю.*)»[3].

[1] ЦГА УзССР, ф. 90, оп. 1, д. 170, л. 7.
[2] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 4.
[3] Там же, ф. 582, оп. 3, д. 10700, л. 177.



Бремя ростовщического кредита было тяжелее всего в районах интенсивного хлопководства, независимо от того, предоставляется кредит банками или товариществами мелкого кредита[1]:

| Районы | Стоимость производства 1 пуда хлопка | Стоимость кредита |
|---|---|---|
| Ферганская обл. | 1 руб. 85 коп. | 2 руб. 77 коп. |
| Самаркандская обл. | 1 руб. 62 коп. | 2 руб. 33 коп. |
| Ташкентская обл. | 1 руб. 82 коп. | 2 руб. 76 коп. |
| Закаспийская обл. | 2 руб. | 3 руб. |

Таким образом, несомненным является вывод, что проблема предоставления доступного и дешевого кредита для дехкан-хлопкоробов не была разрешена ни банками, ни товариществами мелкого кредита, да она и не могла быть разрешена вследствие того, что финансовый капитал был совершенно не заинтересован в сокращении своих гигантских прибылей. Все разговоры буржуазных ученых о том, что единственными виновниками тяжелого состояния хлопководства является кредит ростовщиков и что поэтому нужно было ликвидировать посредников — чистачей и арбакешей, заменив их товариществами мелкого кредита, является лишь ширмой для прикрытия истинных виновников бедственного положения дехкан.

Рассмотренные выше данные приводят к выводу о том, что в период господства финансового капитала, банки, выросшие из рамок скромных посредников до масштабов всесильных монополистов, которые подчинили своему контролю не только хлопкоторговые и прочие среднеазиатские фирмы, но и являлись главными рычагами усиления налогового бремени. Банки не принесли в Туркестан благодеяния и благополучия, а явились той формой выжимания прибылей, которая, хотя и была отличной от методов, применяемых в предшествующий период, но по существу обеспечивала максимальную эксплуатацию края и без того истощенного экономическим и финансовым грабежом. Так, например, задол-

[1] ЦГИАЛ, ф. 582, оп. 3, д. 10700, л. 177.

женность дехкан Ферганской области достигла 80 797 тыс. руб., то есть 51% общей задолженности по краю. Задолженность по учету векселей в той же области только в 1911 году составила 38 млн. руб., 65% общей задолженности по Туркестану. В последующие годы задолженность возрастала с поразительной быстротой. Так, в сезон урожая 1912—1913 годов «население покрыло задатков всего лишь на 60% и за ним осталось 40% всех задатков, розданных с 1-го января по 1-е августа под урожай хлопка 1912 г.».

Кризис аграрных отношений углублялся также тяжелым положением «мануфактурного» рынка. Дело в том, что доведенная до нищенского существования трудовая часть дехканства не могла в достаточной степени поглощать различную продукцию промышленности метрополии. Несмотря на это, возможность получить на туркменском рынке большие барыши, выдача вместо денежного кредита в форме промышленных товаров первой необходимости усиливало ввоз в Туркестан различных товаров. Привоз российских товаров, товарная форма кредита являлась наиболее грубой, наиболее тяжелой формой получения ссуды, так как «выданный вместо денег товар выбрасывался на рынок со скидкой до 50%»[1]. Ссылаясь на показания одного из русских хлопководов, С. Понятовский пишет:

«Как стает весенний снежок, плантаторы отправляются к разным благодетелям за ссудой под будущий урожай; скупщик, надо ему отдать справедливость, мастер артистически использовать положение просителя, заставив его согласиться на всевозможные или, вернее сказать, самые невозможные условия. Кончается обыкновенно тем, что плантатор получает ссуду за проценты, частью наличными деньгами, частью ситцем. Причем предупредительно ему объясняют, что ситец может у него купить такой-то, допустим, Мумынбай — и, действительно, Мумынбай покупает этот ситец, но ровно за полцены, а надо сказать, что Мумынбай тоже хлопковых дел мастер и, в свою очередь, этим же ситцем снабжает своих клиентов и направляет для продажи его к первоисточнику. И вот, после нескольких оборотов капитала и ситец остается дома, и барыша получено в несколько раз более стоимости. Кроме того, они же практикуют и выдачу пшеницы с надбавкой не меньше 25% против базарной цены»[1].

[1] ЦГА УзССР, ф. 90, оп. 1, д. 75, л. 140.



Таким образом, кризис аграрных отношений, наиболее рельефно проявившийся в кризисе туркестанского хлопководства, был налицо в предвоенные годы: с одной стороны происходил чрезмерный рост прибылей баев, чистачей, различных фирм, банков и прочих, так или иначе «приобщившихся» к хлопководству, с другой, положение трудящихся дехкан, дехкан-хлопкоробов в особенности, все более ухудшалось, росла задолженность, увеличивались долги, а вместе с ними удлинялся срок их уплаты, с поразительной быстротой пополнялись ряды некредитоспособных дехкан, что было последней ступенью на пути к полному разорению и обнищанию.

Положение дехканства Туркестана еще более ухудшилось в период империалистической войны. С началом военных действий европейская граница, через которую в Россию ввозилась основная масса иностранного хлопка, почти закрылась. Это вызвало усиленный спрос на среднеазиатский хлопок и резкое повышение цен на хлопок-волокно, а также рост цен на продовольственные товары, особенно на хлеб. В целях бесперебойного снабжения хлопковым волокном промышленных центров метрополии в 1915 году был учрежден «Комитет по обеспечению сырьем хлопчатобумажных фабрик». Проведенная в интересах финансовой, в первую голову «текстильной» буржуазии России, нормировка цен на хлопковое волокно полностью удовлетворяла интересы правящих кругов самодержавия и империалистической буржуазии. Цены на хлопковое волокно, согласно нормировке, повысились на 50% по сравнению с ценами довоенного периода (с 16 руб. в 1913 г. до 24 руб. в 1915 г.). Однако, по сравнению с ценами, которые складывались на рынке, цены на хлопок снизились с 32 руб. до 24 руб. за пуд.

По данным статистического бюро Всероссийского союза городов, чистая прибыль фирм и банков от реализации на «свободном рынке» 700 тыс. пудов хлопка составляла 30—35 млн. руб.

[1] ЦГА УзССР, ф. 90, оп. 1, д. 75, л. 140.

Нормирование цен на хлопок приносило колоссальные доходы не только хлопкоторговцам, но и владельцам маслобойных заводов, что можно видеть из следующих данных:

| | До войны | В период войны |
|---|---|---|
| Цена 1 пуда хлопковых семян | 50—60 коп. | 1 руб. |
| Цена 1 пуда хлопкового масла (Франко-Фергана) | 4 руб. | 25 руб. |
| Чистая прибыль от реализации 1 пуда масла | 1 руб. 20 коп. | 11 руб. |
| Общая прибыль от реализации 4 млн. пудов хлопкового масла (в млн. руб.) | 4,2 | 44[1] |

В период войны широкое распространение получило скрытие запасов хлопка-сырца[2]. Сохранить прошлогодний урожай до нового означало возможность реализовать прошлогодний хлопок по ценам хлопка нового урожая или продать его в удобный момент по повышенным ценам. Так, в 1916 году в Туркестане было скрыто около 40% урожая 1915 года и минимум 2 млн. пудов хлопкового волокна от урожая 1916 года, всего около 6 млн. пудов[3]. «Это количество не являлось собственностью дехканина-земледельца, а как скупленный от них по дешевым ценам принадлежал в небольшом количестве местным крупным баям, затем владельцам и арендаторам хлопкоочистительных заводов, финансируемых банками, а главным образом, хлопковым фирмам»[4].

Нормирование цен на хлопок носило резко выраженный классовый характер. Царское правительство, вводя нормирование, в первую голову защищало интересы буржуазии, кровно заинтересованной в обеспечении фабрик сырьем. Хлопок в период военных действий ввиду небывалого роста цен на продукты хлопководства

[1] Прибыль от реализации жмыха, шелухи, линтерного хлопка составляла 52,8 млн. руб., а вместе с прибылью от хлопкового масла — около 100 млн. руб.

[2] Укрытие хлопка-сырца объяснялось тем, что нормировочные цены распространялись лишь на волокно.

[3] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 11, л. 32, 40.

[4] Там же, д. 12, л. 64.



приобрел исключительно важное значение и являлся объектом получения гигантских прибылей для банков, фабрикантов и хлопкоторговцев.

Рост прибылей предприятий, занимающихся обработкой хлопка, происходил при незначительном основном капитале. В частности, товарищество Тверской мануфактуры при основном капитале в 9 млн. руб. закончило 1915 год с прибылью в 10 435 тыс. руб., товарищество Никольской мануфактуры С. Морозова при 15 млн. руб. основного капитала получило 9462 тыс. руб. прибыли, товарищество Большой Ярославской мануфактуры при основном капитале в 6 млн. руб. получило прибыли почти 4 млн. руб.[1]

Большие прибыли получали не только мануфактурные фабриканты, но также хлопкоторговые фирмы, функционирующие в Средней Азии. Журнал «Туркестанское сельское хозяйство» писал в 1915 году: «Ферганские хлопковые спекулянты прибыли текущего сезона считают не сотнями тысяч, а миллионами, продав урожай 1914—1915 годов московским фабрикантам по баснословным ценам, тогда как население продало хлопок по обычной цене»[2]. Например, за годы первой империалистической войны прибыли «Беш-Бош» составили 3 млн. руб. Почти такую же прибыль получило Андреевское товарищество[3].

Концентрация хлопкового волокна в руках немногих солидных фирм, поддерживаемых такими крупнейшими банками Российской империи, как Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Русский для внешней торговли, московский Купеческий, Соединенный и другими, делало эти фирмы полными хозяевами среднеазиатского хлопкового рынка. В их руках находились средние, мелкие хлопкоторговцы и дехкане-хлопкоробы, положение которых ухудшалось с каждым месяцем, с каждым днем.

Во время империалистической войны на туркестанском хлопковом рынке ведущие позиции захватил Русско-Азиатский банк, который через Андреевское товарище-

[1] *К. А. Пожитнов,* «Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России», М., 1958, стр. 144.

[2] Туркестанское сельское хозяйство, Ташкент, 1915, № 5, стр. 418.

[3] ЦГИАЛ, ф. 595, оп. 1, д. 1129, л. 27.

щества на сумму 2 млн. 700 тыс. руб.)[1], а позднее через Потеляховское товарищество (с основным капиталом в 2 млн. руб.), становится одним из крупнейших монополистов на среднеазиатском рынке. Усиливалась роль и других петербургских банков, а также московских — Соединенного и банка Рябушинских (Московский банк). Эти банки получали миллионные прибыли не только на операциях с хлопком, но и на хлебных операциях. В частности, из ввезенных в Туркестан в начале 1916 года 14 млн. пудов хлеба, 7 млн. пудов были доставлены посредством частных коммерческих банков и на этих операциях получено более 30 млн. чистой прибыли[2].

До Октябрьской социалистической революции на территории Туркестана не было построено ни одной текстильной фабрики. Генерал-губернатор Самсонов, отвечая на ходатайство самаркандского акционерного общества о перестройке ткацкой фабрики в Туркестане (1913 г.), заявил, что «развитие в крае фабричной промышленности является вопросом чрезвычайной важности и имеющим невыгодную сторону подрыва этой промышленности **в центральной России**[3]. На просьбу кокандских предпринимателей об открытии в Голодной степи (1914 г.) прядильных и ткацких фабрик генерал-губернатор Туркестанского края ответил, что строительство фабрик будет «подрывать основы колонизационной политики и отдалять возможность использования природных богатств этого района»[4].

Царское правительство, русская буржуазия, опасаясь роста местного пролетариата и революционных выступлений рабочего класса, искусственно держали Туркестан на положении сырьевого придатка, построив в Средней Азии только самое необходимое количество предприятий по первичной обработке сельскохозяйственного сырья.

Русская «текстильная» буржуазия, конечно, не хотела терять свои барыши за счет улучшения жизни трудящихся. В. И. Ленин писал: «Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на

[1] ЦГИАЛ, ф. 404, оп. 1, д. 20, л. 33.
[2] Там же.
[3] «Русский Вестник», СПб, 1888, № 195, стр. 188.
[4] «Туркестанские ведомости», 18 марта 1914 г.



повышение уровня жизни масс ...ибо это было бы понижением прибыли капиталистов»[1].

Твердая, подвергавшаяся незначительному колебанию цена на хлопковое волокно, при непрерывном росте цен на все продукты и предметы первой необходимости, превратили хлопководство в 1914—1917 годы в отрасль, которая несла с собой разорение населению и создавала скопление земельных и денежных богатств в руках отдельных баев, фирм и банков. В Туркестане в этот период сложилось такое положение, когда получение ссуды в 100 руб. часто сопровождалось обязательством доставки 100 пудов хлопка. «Это похоже на то, как если бы курицу обязывали нести в день по два яйца и за невыполнение обязательства грозили ее зажарить»[2].

Колониальная политика военно-феодального империализма и империалистической буржуазии оказала сильнейшее влияние на аграрные отношения в сельском хозяйстве Туркестана, и, вместе с тем, самое пагубное воздействие на положение дехканства, особенно его беднейшей части, судьба которого все более подчинялась интересам финансовой олигархии метрополии.

## КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Период предоктябрьского развития Туркестана характеризуется втягиванием всего народного хозяйства края и его основной отрасли — хлопководства, в особенности, не только в орбиту военно-феодального империализма, но и империализма капиталистического, окончательным закреплением в качестве колониального придатка метрополии.

2. Развитие аграрных отношений, начиная с конца XIX в. до Октябрьской революции, характеризуется стремлением создать в Туркестане хлопковую базу для развивающейся в метрополии хлопчатобумажной промышленности. Решению этой задачи была посвящена колониальная политика и составная ее часть — экономическая политика. Начиная от общеэкономических мер-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 360.
[2] ЦГИАЛ, ф. 582, оп. 3, д. 10700, л. 32.

приятий по «воспособлению» развитию хлопководства и кончая подчинением всех экономических рычагов колониальной администрации интересам развития сырьевой базы для России. Решающими предпосылками на пути создания так называемого промышленного хлопководства были: повышение пошлин на ввозимый в Россию хлопок иностранного производства (в основном, американский) для ограждения Туркестанского хлопководства от конкуренции; льготное налоговое обложение хлопчатника по сравнению с другими сельскохозяйственными культурами; проведение на территории Средней Азии железных дорог, связавших колонию с метрополией. Проведение железных дорог усилило товарооборот России и Туркестана, способствовало развитию товарно-денежных отношений в крае.

3. Основным направлением аграрной политики помещиков и буржуазии было создание хлопковой базы путем усиленного насаждения хлопка американских сортов, интенсивного вытеснения всех прочих сельскохозяйственных культур, занимавших сколько-нибудь значительный удельный вес в земельном фонде Туркестана. Хлопковые посевы расширялись за счет сокращения зерновых, в целях расширения географических границ распространения хлопка были предприняты меры по введению в хлопковый оборот новых земель. Масштабы вновь осваиваемых площадей были незначительны и не играли решающей роли.

4. Развитие «промышленного хлопководства» в Туркестане оказало самое непосредственное влияние на эволюцию аграрных отношений дехканского хозяйства и его беднейшей части в особенности. Весь уклад хозяйственной жизни постепенно перестраивался на хлопковые «рельсы».

5. В социальном отношении узбекский колониальный кишлак представлял собой следующее: на верхней ступени социальной лестницы находились имущие классы — крупные землевладельцы, баи, ростовщики, торговцы и прочие элементы эксплуататорского слоя, связанные с земледелием. В их руках находилась большая часть земельной площади, причем, наиболее плодородной и обеспеченной обильной водой. Социальная группа кулачества по отношению ко всему населению составляла 6,1%, то есть незначительную прослойку. Основная тенденция в развитии этой группы, как ни парадоксально, заключалась в постепенном падении ее удельного веса, что со своей очевидностью показывает концентрацию земельной собственности не в хозяйствах капиталистического типа, а в хозяйствах феодально-байского типа. Указанное является подтверждением несомненного факта преобладания в узбекском кишлаке рассматриваемого периода отношений феодальных, а не капиталистических.



На следующей ступени находились середняцкие слои узбекского кишлака, располагающие земельной площадью в пределах от 3 до 5 десятин. Этот слой занимал значительный удельный вес, колеблющийся от 20 до 30% по отношению ко всем слоям узбекского крестьянства. Основная тенденция в развитии этого слоя заключалась в том, что он постепенно, но неуклонно сокращался, что являлось ярким свидетельством нарастающего распространения аграрного кризиса не только в хозяйствах бедноты, но и в хозяйствах середняцкого типа. Неустойчивость середняцких хозяйств особенно усилилась в предвоенные годы.

На самой низшей ступени находилась беднота, размер земельной площади которой колебался от 0,5 до 2 десятин. Удельный вес бедноты по отношению ко всем слоям колониального узбекского кишлака составлял 40,6%. Основная тенденция в развитии этого слоя заключалась в постепенном оскудении, обнищании и разорении. Ярким фактором, подтверждающим данный процесс, является интенсивный рост общей задолженности и текущих долгов, в совокупности с усилением количества сделок под залог земельного участка, влекущего за собой имущественную несостоятельность дехканина и последующее обезземеливание его. Парцеллярный размер земельного участка, рутинный, почти первобытный способ обработки земли, острейший дефицит тягловой силы, интенсивность выращивания хлопковой культуры приковывали бедного дехканина к собственной земле, превращая его в раба участка земли, который к тому же был подвержен опасности перейти в руки более состоятельного бая, ростовщика или торговца. Парцеллярность дехканского хозяйства не являлась, как это пытались утверждать отдельные авторы, фактором развития хлопководства, она являлась тем бичом на пути развития хлопководст-

ва, который в конце концов привел его к кризису, потрясшему народное хозяйство края.

6. Характерной чертой социальной структуры кишлака был океан мелких и мельчайших хозяйств, располагавших совершенно незначительным и явно недостаточным земельным фондом и сосредоточение в руках сравнительно небольшого числа хозяйств эксплуататорского типа более половины земельного фонда.

7. Рассматриваемый период характеризуется усилением экспансий финансового капитала во все отрасли народного хозяйства и особенно хлопководство, постепенным вовлечением сотен тысяч дехканских хозяйств в водоворот монополистического империализма. Это нашло свое выражение в подчинении основных рычагов хлопководства интересам монополий, учреждением в крае сети частных коммерческих банков, постепенно прибравших к своим рукам наиболее солидные, по среднеазиатским масштабам, хлопковые, а через них и все прочие фирмы. Однако монополии в хлопководстве до конца не подчинили себе все фирмы, ряд фирм вел самостоятельную деятельность, не входя ни в одно из банковских объединений. Сильнейшая зависимость местных фирм от монополий России была совершенно очевидна, что является исходной точкой для определения позиций национальной буржуазии как социального слоя, политически и экономически связавшего свою судьбу с военно-феодальным и капиталистическим империализмом. Громадные прибыли, которые давало хлопководство узбекской национальной буржуазии, прочные нити, связывающие ее с господствующими кругами метрополии, делали ее в политическом отношении союзником империалистической буржуазии и помещиков, нежели союзником национально-освободительного движения на начальном этапе его развития. Узбекская национальная буржуазия являлась той реакционной силой, которая в рассматриваемый период являлась врагом национально-освободительного движения народов Туркестана.

8. Анализ развития аграрных отношений в Узбекистане дает возможность ответить на главный вопрос, поставленный нами, вопрос об уровне развития капиталистических отношений в узбекском кишлаке. Приведенные нами аргументы, основанные на оценке разнообразных данных о хозяйственном развитии хлопководческих районов, дает нам право квалифицировать господство феодальных производственных отношений в сельском хозяйстве, характеризовать социальную структуру ее, отражающую больше феодальные отношения, нежели буржуазные. Однако тенденция к усилению капиталистических отношений была налицо. Они проникали во все поры экономического организма дехканского хозяйства, подтачивали его основы, но не сломили его устои. Социально-экономическая структура дореволюционного кишлака была гипертрофированной, то есть она была иной, чем типичные феодальные хозяйства, так как была основательно привязана к колеснице монополистического хозяйства метрополии со всеми вытекающими из этого последствиями, и в то же время под воздействием империалистической России была опутана широкой сетью институтов как старого капиталистического типа, так и новейшими формами, присущими капиталистическому империализму. Прочные торговые и экономические связи в прошлом, территориальная близость, острая заинтересованность в ценнейшем сырье, границы распространения которого географически были строго ограничены, стратегическая необходимость в защите южных границ империи от посягательств других колониальных стран выдвинули Туркестан в качестве края, обязанного выполнять комплекс тактических и стратегических задач помещиков и буржуазии. Все это привело к чрезвычайно сложным и разнообразным по форме и характеру социально-экономическим и политическим отношениям, в которых развивалась колония «чистейшего типа».

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами состояние и развитие аграрных отношений в Туркестане охватывают один из важнейших этапов колониального периода—начало XX в., когда колониальная политика военно-феодального империализма по экономическому освоению Туркестана дала весьма заметные результаты, и когда наряду с царизмом сюда стала интенсивно проникать империалистическая буржуазия, монополистический капитал. Капиталистическая экономика метрополии оказывала громадное влияние на народное хозяйство края и особенно на его основную отрасль — хлопководство, что привело к важнейшим изменениям в развитии Туркестана. Сельское хозяйство явилось тем объектом, на котором скрещивались интересы всех социальных слоев края и господствующих классов метрополии. Для выкачивания прибылей из своей колонии империализм использовал весь арсенал средств и методов, начиная с внеэкономического принуждения, оставшегося от прошлой формации, кончая новейшими формами грабежа. Несмотря на то, что по времени период «освоения» — завоевания и экономической эксплуатации Туркестана, по сравнению с прочими колониальными владениями других империалистических стран, таких как Англия, Франция и прочие, был сравнительно непродолжительным, вся военно-хозяйственная машина помещиков и буржуазии оказала на экономику края определяющее воздействие. Рельефно



этот процесс отразился на железнодорожном строительстве, на создании промышленности, на росте городов и т. д., но основу, определившую изменения социально-экономического облика Туркестана, как это ни парадоксально, составляли изменения, происходившие в сфере сельскохозяйственного производства, и в аграрных отношениях.

Одним из первых факторов этого процесса явилось изменение структуры посевных площадей с постепенным нарастанием монокультуры хлопка за счет интенсивного сокращения всех прочих культур за небольшим исключением. Это определяющее развитие хлопководства явилось стержнем тех изменений, которые произошли впоследствии в экономической и социальной областях и которые были не под силу самому Туркестану.

Развитие аграрных отношений, и без того сложный процесс, в условиях Туркестана усугублялось рядом обстоятельств, учет которых может пролить определенный свет на выяснение специфики рассматриваемого вопроса. Суть их, по нашему мнению, заключается прежде всего в том, что присоединение Средней Азии по времени совпало с историческим процессом утверждения капиталистического способа производства как решающего фактора, определяющего социально-экономическое развитие России, а окончательное вовлечение захваченной колонии «чистейшего типа» совпало с переходом капитализма в метрополии в высшую стадию — империализм.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что географически Средняя Азия имела весьма небольшие возможности торговли с другими соседними странами, а в связи с развитием современных видов транспорта преимущественное значение оставалось за Россией.

С одной стороны, на развитие аграрных отношений в Туркестане серьезное значение оказывали институты и организации военно-феодального империализма с присущими им крепостническими остатками и пережитками, медленно становившимися на капиталистический путь, а с другой — осуществлялись мероприятия капиталистического империализма, не имеющего в метрополии сколько-нибудь заметной политической власти, но проводящего усиленную экономическую экспансию колониального края, жадно стремящегося захватить лакомые

куски самодержавного пирога, к потреблению которого она получила доступ.

Все это накладывало отпечаток на развитие экономики края и аграрных отношений, в особенности, и отличало эволюцию Туркестана как колонии от развития прочих владений основных капиталистических стран. Туркестан не представлял что-либо отличное от обычных колоний, и между тем ряд обстоятельств, указанных нами выше, придавал его развитию специфический характер. Известно, что империалистический, колониальный строй представляет собой монополию буржуазии, основанную не только на экономическом давлении, но и на внеэкономическом принуждении, выражающуюся в двух основных принципах: с одной стороны, она служит целям беспощадной эксплуатации колоний (различные формы непосредственного и косвенного взимания дани, промышленных товаров, с доставкой дешевого сырья для собственной промышленности, с использованием весьма дешевой рабочей силы и т. д.), с другой стороны, она служит целям сохранения и развития условий собственного существования: функция ограбления колониальной массы. В своей функции колониального эксплуататора капиталистический империализм по отношению к колониальной окраине является паразитом, высасывающим кровь из ее хозяйственного организма. Туркестан вынуждался жертвовать интересами своего самостоятельного развития и играл роль аграрно-сырьевого придатка, с тем чтобы за счет трудящихся края укреплялась экономическая и политическая власть буржуазии и военно-феодального империализма.

Стремление все больше приспособить монополизированные колонии к потребностям капиталистического хозяйства России не только вызвало разрушение традиционного хозяйственного строя колониального населения, но вело к нарушению равновесия между отдельными отраслями производства и в конечном счете — к искусственной задержке развития производительных сил колоний.

«Поскольку подавляющая масса населения колоний связана с землей и живет в деревне, — читаем мы в документах VI Конгресса Коминтерна,—хищнические формы эксплуатации крестьянства, применяемые империализмом и его союзниками (классом землевладельцев и



торгово-ростовщическим капиталом) приобретают особо важное значение. Благодаря вмешательству империализма налоговое обложение, ввоз промышленных товаров из метрополии и т. д. (вовлечение деревни в область денежного и товарного хозяйства) сопровождается здесь процессом пауперизации крестьянского хозяйства, уничтожением деревенской кустарной промышленности и т. д. и проходит гораздо более стремительным темпом, чем это было в свое время в передовых капиталистических странах; наоборот, замедленное промышленное развитие поставило здесь тесные границы процессу пролетаризации. Это породило необычайную «земельную тесноту» и аграрное перенаселение, взвинчивание земельной ренты и крайнюю раздробленность обрабатываемой крестьянством земли.

Наряду с этим все бремя прежних феодальных и полуфеодальных условий эксплуатации и кабалы в несколько модернизированных, но отнюдь не в более легких формах по-прежнему ложится на плечи крестьянства. Капитализм, охвативший колониальную деревню своей налоговой системой, своим торговым аппаратом отнюдь не освободил крестьян от докапиталистических форм кабалы и эксплуатации, а лишь придал им денежное выражение (барщина и натуральная аренда отчасти заменены денежной арендой, натуральный налог — денежным налогом и т. д.), что еще более усилило нужду крестьянства»[1].

---

[1] Коммунистический Интернационал в документах (1919—1932), Партиздат, М., 1933, стр. 840—841.

## ОГЛАВЛЕНИЕ


Введение . . . . . 3

*Глава I.* Аграрные отношения в проектах поземельного устройства и «Положении об управлении Туркестанского края» 1886 года . . . . . 23

*Глава II.* Характерные черты хлопководческого хозяйства. Роль посреднического института. Торгово-промышленные фирмы . . 90

*Глава III.* Социальная структура узбекского кишлака . . . . . 127

*Глава IV.* Дифференциация дехканского хозяйства. Кредит и банки . . . . . 180

Заключение . . . . . 252


---


*Абдусалям Максудович Юлдашев*

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ

(конец XIX—начало XX вв.)

Редактор *Н. С. Гиммельфарб*
Художник *Ш. Булгаков*
Худож. редактор *А. Ахмеджанов*
Техн. редактор *С. Кадыркаева*
Корректор *Л. Федотова*

Сдано в набор 11/IX 1969 г. Подписано в печать 24/II—1970 г. Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,9. Тираж 3000. Бумага № 1. Р-09249. Издательство «Узбекистан». Ташкент, ул. Навои, 30. Договор 58—69.

Ташкентский полиграфкомбинат Госкомитета Совета Министров УзССР по печати, ул. Навои, 30. Зак. № 1536. Цена 1 р. 08 к.